

Ян Ситева

**В ПОИСКАХ СОКРОВИЩ
Ганнибала**

Москва
2019

*Зажги свечу вместо того,
чтобы проклинать тьму,
и собственным поведением
служи примером для подражания.*

Католикос Вазген I,
1955–1994

1.

Моторная лодка – одна из наиболее быстрых в классе «экстрим» – больше походила на самолет, чем на катер. Турбореактивные двигатели играючи разогнали судно, и оно летело по морской глади, срезая острые гребни волн, в постоянном режиме серфинга. На верхней палубе, в закрытой кабине позади экипажа, сидел в глубоком кресле Эндрю – мужчина лет тридцати пяти, крепкий, спортивный, сосредоточенный. Крупные темные очки закрывали не только глаза, но почти половину лица, тронутого золотистым загаром. Но даже при этом в квадратном подбородке и выступающих скулах читались твердость и решительность. Единственной особой приметой бронзового лица можно было считать небольшой шрам на правой щеке, чуть выступающий из-под оправы.

Всего час назад этот человек приземлился в аэропорту Леонардо да Винчи. Затем в гавани Фьюмичино пересел на резвый катер, взявший курс на остров Сардиния. Там на огромной территории располагалась роскошная вилла его патрона Нильса Бауха.

После экстренного вызова к шефу Эндрю не покидало беспокойство и преследовала неприятная мысль, что с последним заданием не все обошлось гладко. Ведь уже несколько лет как между ним и Баухом сложился алгоритм: при возникновении нового задания агенту предлагалось прибыть к конкретной дате, в запасе всегда оставалось несколько дней.

Лицо Эндрю оставалось невозмутимым, но в голове роились тревожные мысли. Он перебирал по крупицам последнее дело, вроде бы благополучно выполненное полтора месяца назад. Где же он мог проколоться? Иного объяснения, почему он срочно понадобился Нильсу Бауху, Эндрю не находил. Не обнаруживал, однако, и никаких изъянов в своих действиях, перебирая и анализируя их задним числом.

Бесплодно пометавшись, мысли Эндрю переключились на личность шефа.

Баух происходил из богатейшей семьи. Будучи, по понятиям Эндрю, чрезвычайно состоятельным человеком, он был еще и великим авантюристом. При этом реализовывал свои замыслы, не брезгуя любыми средствами — от предоставленных ему судьбой финансовых возможностей до откровенного экстремизма. Никакие препятствия, а уж менее всего — законность и мораль, не могли помешать упорному, циничному, безжалостному продвижению к цели.

После первой встречи с Нильсом Баухом и первого полученного от него задания у Эндрю сложилось впечатление, будто Баух — герой остросюжетного фильма или приключенческой книги. Идеи его всегда были неожиданными и сулили впереди цепь увлекательных, но небезопасных событий. Впрочем, Эндрю это приятно возбуждало — авантюристи-

ческими наклонностями в характере он совпадал с шефом. Это их и сблизило. Благодаря поручениям Бауха, Эндрю, давно уже взрослый человек, втайне тешил себя мальчишеской игрой в Джеймса Бонда, «агента 007», отважного и хладнокровного.

Исполняя поручения шефа, Эндрю получал весьма щедрое вознаграждение. Но он, что называется, стоит этих денег. Начитанность и прекрасная память позволяли ему общаться на равных с представителями различных профессий. С медиками он мог разговаривать, оперируя медицинскими терминами, со строителями — как строитель, с финансистами — как финансист. Он легко входил в доверие, располагал к себе и, как правило, пользовался симпатией окружающих. Будучи на «ты» с современными технологиями, по требованию хозяина устанавливал аппаратуру для прослушивания и видеонаблюдения, взламывал личную электронную почту заказанных ему «объектов». Однако главным достоинством Эндрю в глазах хозяина являлась его готовность выполнять наиболее секретные задания, связанные с физической ликвидацией людей. Никто не распознал бы в этом чрезвычайно привлекательном на вид человеке хладнокровного убийцу.

...Катер летел на закат. Опускавшееся за горизонт солнце прощальными лучами выстелило на море сверкающую дорожку. Красота этой недолгой картины отвлекла Эндрю, он залюбовался и впал в бездумное оцепенение. До конца пути он отдыхал.

2.

Баух сидел в полутемном кабинете; единственный источник света выхватывал из мрака пись-

менный стол и человека за ним. Худощавый, лет шестидесяти, с высоким лбом мудреца и узким подбородком, свидетельствующим о хитрости, жесткости и злопамятности его обладателя. Этими малопривлекательными качествами потомок древнего аристократического рода Нильс Баух обладал в полной мере.

Он перебирал и раскладывал по прозрачным файлам какие-то бумаги.

– Эндрю, – обратился он к собеседнику в кресле напротив, – у меня к тебе деликатное поручение...

Из темноты донесся тихий голос:

– А для меня неделкатных поручений не бывает.

– Ты прав, – не меняя выражения лица, кивнул Баух, – но дело, которое тебе предстоит сейчас, потребует максимальных усилий. Ты когда-нибудь слышал о сокровищах Ганнибала?

– Ну, – протянул Эндрю, – это что-то вроде легенды о потерянных богатствах нибелунгов...

– До последнего времени я с такой аналогией согласился бы. Но недавно всплыли новые любопытные обстоятельства...

Баух поднялся из-за стола. Распахнутый легкий жакет из белых хлопковых нитей, светлые, свободного покроя рубашка и брюки подчеркивали худобу словно бы высохшего тела.

Он подошел к старинному буфету, разлил по стаканам виски из хрустального графина. Передав напиток гостю, вновь вернулся к письменному столу. Эндрю не отрывал глаз от лица хозяина в круге света.

– В Армении уже несколько лет работает совместная итало-армянская международная археологическая экспедиция. Члены группы периодически меняются. Сейчас там находится профессор Манд-

зони. Мы с ним недавно встречались, и он рассказал интереснейшую историю. Здесь его статья, – Баух взял со стола файл с несколькими страницами внутри, – ты ее потом прочтешь. Вкратце суть сводится к следующему. Неподалеку от Еревана, столицы Армении, есть место под названием Гегард, или Гехарт. Монастырь, вырубленный в скале в четвертом веке. В этой местности Мандзони обследовал около тридцати пещер, а всего их, по его словам, около ста сорока. Изучая технологию вырубки скальных пород, профессор утверждает, что многие пещеры могут датироваться и периодом до нашей эры.

– Серьезная цифра – сто сорок. Простейшими железными инструментами вырубить столько пещер... – Эндрю счел необходимым проявить заинтересованность в информации, смысла которой он пока не понимал. – А Мандзони уверен, что все они рукотворные? Армения – горная страна. Естественные пещеры в вулканических породах – явление вполне распространенное.

– Уверен. Более того, он полагает, что без серьезной школы мастерства, передаваемой из поколения в поколение и непрерывно совершенствовавшейся, такое количество пещер вряд ли могло возникнуть. Кстати, эти сто сорок расположены в одном небольшом ущелье. Мандзони утверждает, что во всех ущельях Армении он видел множество пещер, сотворенных не природой, а руками умельцев.

Эндрю отхлебнул виски и осторожно попробовал вернуть босса к исходной теме:

– А какая связь между пещерами и Ганнибалом?

– Вот тут мы подходим к главному. Мандзони в разговоре, сам того не подозревая, натолкнул меня на поразительную мысль. Карфагенский полководец по праву считается одним из величайших военных

стратегов в истории Европы, наряду с Наполеоном Бонапартом. Как выдающийся полководец и государственный деятель древности он был заклятым врагом Римской империи. Ты наверняка помнишь, — хозяин виллы мимоходом польстил уровню знаний своего визави, — что после серии Пунических войн он был обвинен в антиримских настроениях и отправился в изгнание.

— И в период изгнания находился в Армении? — Эндрю логически сложил два и два, блестяще попав в цель.

— Ты прав. И не просто находился. Дошедшие до нас документы говорят, что Ганнибал в начале второго века до нашей эры при дворе армянского царя Арташеса I снискал почет и уважение, к его советам и наставлениям прислушивались. А дальше начинается занятный сюжет. Присмотрев якобы на редкость удачно расположенную красивую местность, Ганнибал убеждает армянского царя построить здесь город будущего. Получив благословение, он возводит прекрасный город. Некоторые даже именовали его армянским Карфагеном. Довольный результатом Арташес провозглашает полис столицей Армении и называет в собственную честь — Арташат.

Баух пригубил виски и улыбнулся.

— Как думаешь, Эндрю, зачем Ганнибалу понадобилось строить город? Ведь он был великим стратегом и ничего просто так не делал.

Эндрю по опыту знал, что шеф задает подобные вопросы, когда сам точно знает ответ. Лучше промолчать, оставив инициативу за ним. Сделав очередной глоток, он неопределенно протянул:

— Ну...

— В Армению Ганнибал прибыл, как говорится, не с пустыми руками. Он обладал несметными бо-

гатствами, уникальными произведениями искусства, и, думаю, вопрос хранения этих сокровищ для него был одним из острейших. Просто так спрятать где-то огромное количество сундуков, как ты понимаешь, не просто. Вот почему ему необходимо было найти, а еще лучше соорудить хранилище. И это в чужой стране, где он круглосуточно находился под бдительным оком царского двора. Согласись, ситуация очень сложная.

Баух умолк и поднял глаза на своего гостя, словно призывая его вступить в беседу.

Эндрю сразу смекнул, к чему клонит хозяин виллы. Спокойно встретив пристальный взгляд, он начал размышлять вслух.

— Получается, Ганнибал предложил армянскому царю построить новый город, поскольку в процессе строительства он мог бы незаметно соорудить подземное тайное хранилище.

— С тобой всегда приятно поговорить, — приветственно подняв свой стакан, сказал Баух. — Но строить хранилище под новой столицей Армении, где постоянно будет пребывать весь царский двор, множество жителей...

— А почему нет? Верховная власть — лучшая охрана тайников.

— С одной стороны, да, но с другой... При необходимости забрать и вывезти сокровища возникнут серьезные проблемы.

— Тайные подземные ходы всегда были обязательной частью старых городов и замков, — парировал не на шутку увлекшийся разговором Эндрю. Он уже чувствовал внутри нарастающий азарт, предвкушение небывалого приключения.

— Согласен, — отбил подачу партнера Баух, — но если бы это было так, то за два с лишним тысяче-

летия что-нибудь непременно бы всплыло. Город существует и развивается по сей день. Жизнь есть жизнь, надо сносить, строить, прокладывать новые коммуникации. Никаких сведений о наличии подземных сооружений там нет. И это логично. Будь я на месте Ганнибала, соорудил бы хранилище в другом месте.

– В таком случае зачем ему вздумалось строить город? – взмолился Эндрю.

– Я не напрасно все время тебе повторяю, что Ганнибал был великим стратегом. Думается мне, он избрал гениальный ход. Для строительства города, как ты понимаешь, ему требовались различные по цвету и характеристикам камни. А откуда их берут? – Баух вопросительно вздернул подбородок.

– Из каменоломен, – Эндрю даже удивился простоте вопроса.

– Правильно. Ганнибал с величайшего дозволения армянского царя получил возможность производить в различных местах вырубку скальных пород. Вот здесь, – Баух ткнул пальцем в статью, которую хотел передать Эндрю, – Мандзони утверждает, что время не потревожило армянских ущелий и вырубленных в них пещер. Они остались такими же, какими были тысячи лет тому назад...

– А меж тем Ганнибал под видом поиска нужных пород гранита, базальта или мрамора для строительства нового города мог легко вырубать в скалах хранилище, не привлекая особого внимания...

– Молодец Эндрю! Ты вычислил ловку Ганнибала!

Даже после долгого знакомства с Баухом Эндрю не переставал удивляться тому, как умело тот строил разговор. Он словно подталкивал собеседника к правильным умозаключениям, оставаясь

ясь в тени и позволяя партнеру насладиться собственным триумфом. Прозорливый Эндрю понимал, что это всего лишь трюк, выработанный благодаря огромному опыту общения, но все равно таял от удовольствия.

– Спасибо!

– Спасибо скажешь потом, когда получишь дополнительный бонус за выполненную работу, – хозяин виллы попытался сымитировать дружелюбие, однако улыбка получилась с ехидцей. – Кстати, Эндрю, насколько мне известно, ты неплохо говоришь по-русски?

– Да.

– Кто-то рассказывал, что даже без акцента...

– Русский у меня, можно сказать, второй родной, – Эндрю растерянно усмехнулся от неожиданного поворота в разговоре.

– Помню, помню. Тебя ведь в детстве воспитывала бабушка, русская аристократка.

– У вас отличная память.

– А как она тебя называла?

– По-русски: Андрей, Андрюшенька.

Эндрю вдруг вспомнил фразу своей бабушки. Об одном знакомом, таком же худом, как Баух, она сказала: «Злость и зависть настолько выжигают его изнутри, что вся пища моментально сгорает» ...

Хозяин виллы встал из-за стола, не выпуская из рук стакан с виски. Подошел вплотную к гостю, посмотрел ему в глаза. Взгляд был таким пронзительным и колючим, что Эндрю показалось, будто Баух просканировал его последнюю мысль. Захотелось отвести глаза в сторону, но он мгновенно понял: этого делать нельзя.

– Так вот, Андрей-Андрюшенька, тебе предстоит поехать в Армению, – выдержав паузу, сказал хо-

зьянвиллы, – и немного поработать. Тем более, по твоему загару я вижу, что отдохнуть ты успел хорошо.

Эндрю буквально гипнотизировала уверенность, которую излучал этот человек.

– И так, я еду на поиски сокровищ Ганнибалы...

– Совершенно верно. Сейчас археологическая экспедиция работает неподалеку от Арташата, в районе Гарни. Там обнаружены какие-то захоронения. Я интуитивно чувствую, в ближайшее время мы наткнемся на сокровища, припрятанные Ганнибалом. Проблема заключается в одном: помимо Мандзони и его людей, в раскопках участвуют армянские специалисты. Представляешь, какой шум может подняться при любой находке? А шум нам не нужен. Поэтому ты поедешь в Армению и будешь принимать участие в работе археологов и спелеологов. Твоя главная задача, – Баух направил указательный палец в сторону Эндрю, – при обнаружении хранилища сделать все необходимое, я повторяю – ВСЕ необходимое, чтобы об этом больше никто, кроме тебя, не узнал.

Эндрю глубоко вдохнул и выдохнул. Вопрос, который мучил его с момента вызова к хозяину, разрешился. Мозг активно заработал, адаптируясь к новому заданию.

Выполняя различные поручения Нильса Бауха, Эндрю всегда ощущал, что кто-то движется за ним след в след, контролируя каждый шаг. Эти теневые фигуры также работали на Бауха, докладывая ему обо всех действиях агента. Уже на втором задании Эндрю вычислил, что за ним постоянно следят. Тогда он расценил это дыхание в затылок как перспективу будущего «списания» – ибо надежно помалкивают только мертвые свидетели. Но поскольку

Эндрю был не менее хитер, чем его патрон, то превратил шпионаж за собой в зарабатывание дивидендов у того же Бауха. Зная, что находится «под колпаком», он делал все, чтобы информация, получаемая шефом, лишь укрепляла его репутацию. При этом Эндрю ни разу не намекнул о своей осведомленности относительно слежки. Отчасти именно этим объяснялась симпатия хозяина; их долгое сотрудничество строилось на этом фундаменте.

Веру Бауха в то, что сокровища Ганнибалы непременно будут найдены, Эндрю воспринял спокойно, с долей скепсиса. Но высказываться вслух по этому поводу не стал. Ибо знал, каким целеустремленным становится патрон, когда убежден в правоте своих догадок. Попытка усомниться в его умозаключениях могла вызвать у этого на вид абсолютно уравновешенного человека вспышку ярости. Хуже того, Баух был не только вспыльчив, но и злопамятен.

«По логике, – рассуждал про себя Эндрю, – кто-то еще должен получить практически такое же задание. Но даже если другого нет, за мной, безусловно, будут присматривать. Куш на кону огромный, и вряд ли Баух доверится мне полностью. Надо как можно быстрее выяснить, кто это может быть».

Эндрю невольно напряг лоб, свел брови. Его отрешенный вид насторожил хозяина виллы.

– О чем задумался?

– Во-первых, о том, каким образом я смогу вклиниться в состав международной археологической экспедиции. Надо находиться внутри, точно знать, где и что происходит, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте. А я ведь не специалист в области изучения пещер, и внушить Мандзони обратное мне точно не удастся.

– А во-вторых?

– Во-вторых, – Эндрю решил рискнуть, – в одиночку мне будет трудно...

– Дорогой Эндрю, – засмеялся патрон, не позволяя ему договорить, – неужели ты думаешь, что я не понимаю масштаба наших проблем? Ты не археолог, зато специалист в других областях. И твои навыки в Армении крайне пригодятся. Не волнуйся, я обо всем позаботился. Ребята подготовили тебе документы и легенду. Имя оставили настоящее, а к новой фамилии придется привыкать. Станешь по заданию телеканала готовить документальный фильм об археологической экспедиции. Кроме того, у тебя будет современная аппаратура – георадар. Запомни: Мандзони не очень жалуется всякие металлоискатели, считая их орудием «черных копателей», наносящих огромный вред археологии. Наверняка армянская сторона, их археологи также негативно относятся к георадарам. Поэтому действуй осторожно. И еще: Мандзони – умнейший мужик, общаясь с ним, имей в виду, что иногда самой тонкой хитростью оказывается простота.

– Благодарю, запомню.

– А вот этот человек, – Баух взял в руки еще один файл, внутри которого просвечивала чья-то фотография и лист бумаги с напечатанным текстом, – при необходимости всегда в твоём распоряжении. Он полковник армянской полиции.

– Вы сказали «при необходимости». Я правильно понимаю, что обращаться следует только в крайнем случае?

– Я заметил этого полицейского несколько лет назад. Он оказывал различные услуги представительству одной моей компании в Армении. Умный, скромный, мне очень понравился... Знаешь, я давно заметил один парадокс. Выдающиеся люди в разных

сферах деятельности – крупные политики, успешные бизнесмены, достигшие серьезных высот, формируют свое окружение из подхалимов, никчемных, глупых и жадных. Раньше подобная дисгармония, когда человек, который сам многого добился, окружает себя разного рода мусором, меня изумляла и раздражала. А потом я понял, в чем дело. Несмотря на внешние достижения, это люди слабые. Самолюбивые и боязливые. Потому и составляют свиту из ничтожеств, чтобы на их фоне сиять яркой звездой. Только сильные духом люди могут позволить себе такое же умное и сильное окружение. Если хочешь знать, это по сегодняшним меркам большая роскошь...

Баух сделал глоток виски. Речь его явно велась к тому, что сам он силен духом и подбирает себе исключительно умных незаурядных соратников.

Однако Эндрю так не считал. Мысленно он давно записал Нильса Бауха в заядлые коллекционеры. Только, в отличие от обычных собирателей, Баух коллекционировал людей. В широчайшем спектре – от добродетельных до вопиюще порочных. Всякой твари по паре, как говорится.

И это было правдой.

В коллекции Бауха хватало персонажей на любой вкус: тонких и тупых, бескорыстных и алчных, порядочных и отпетых мошенников. Подобно филателисту, убирающему марки в классер, Нильс аккуратно рассортировывал человеческий материал по ящикам и папкам, а на досуге внимательно, с огромным наслаждением рассматривал свои сокровища под лупой. Надо отдать должное Бауху, он вкладывал в коллекцию и душу, и немалые деньги. Вел учет деятельности и личностного роста каждого, помнил дни рождения, интересы, пристрастия, знал слабые

и сильные стороны. С одними терпеливо возился, словно считая их рассадой, ждущей своего часа для пересадки в грунт. По поводу других, более не нужных, отработавших свое, легко давал приказ на уничтожение.

– Так вот, этот полицейский, – Баух протянул файл Эндрю, – еще несколько лет назад был капитаном. Но благодаря нашей материальной поддержке быстро поднялся по служебной лестнице. Все это время мы его практически не беспокоили, ни о чем не просили. Настало время отдавать долги.

– Я вас понял. Ему надо пообещать что-то из найденных сокровищ?

– Напомни, как тебя называла бабушка – Андрюшенька?

– Да.

– Так вот, Андрюшенька, хочу открыть тебе два правила, благодаря которым я всегда добиваюсь успеха. Во-первых, если что-то пообещал, держи слово. Чего бы это тебе ни стоило. Вот главный принцип, на котором я основываю все свои дела.

– А правило номер два? – не сдержался Эндрю.

– Номер два, – Баух растянул губы в широкой улыбке, – я никогда никому ничего не обещаю!

3.

– Наш самолет произвел посадку в столице Республики Армения, городе Ереван, – из динамиков журчал приветливый голос стюардессы. – Погода в Ереване солнечная, температура плюс двадцать четыре градуса.

– Ну, вот и прилетели, Максим Александрович.

– Да. И погода замечательная, не то что в Москве.

Сидящие рядом мужчины обменялись улыбками.

На протяжении всего полета они соседствовали молча. Лишь когда экипаж сообщил, что лайнер приступает к снижению и началась обычная возня, где чей ремень безопасности, эти двое впервые заговорили. У необщительности Максима были свои причины: страдавший от вечного недосыпа, он сразу же, как только садился в самолет, старался уснуть, максимально используя возможность для отдыха. Разбудил его другой сосед, сидевший возле иллюминатора:

– Извините, мне бы выйти...

Максим и незнакомец справа, крепкий, с бронзовым от загара лицом, поднялись, чуть размяли ноги в проходе, снова сели.

– Вот ваш ремень, – незнакомец пришел Максиму на помощь.

– О, благодарю, – улыбнулся Максим, – а это, видимо, ваш.

– Спасибо, но пристегиваться пока нет смысла.

– Почему?

– Так сосед наш сейчас вернется и опять придется его пропускать, – любезная улыбка не угасала.

– Правильно, – усмехнулся Максим, поражаясь, как сам до этого не додумался.

Спустя пару минут рядом возник пассажир, сидевший у иллюминатора, тихо промямлил:

– Простите, можно пройти?

Максим с соседом снова встали. Заняв, наконец, свои места и пристегнувшись, они разговорились.

– Вы раньше бывали в Армении? – Максим проявил инициативу.

– Нет, я впервые. А вы?

– Тоже в первый раз. К сожалению...

– Почему к сожалению?

– Видите ли, у меня много друзей-армян еще со времен учебы в институте. Регулярно получаю приглашения, а приехать за много лет так ни разу и не удалось. Прямо загадочная история. Как только запланирую поездку в Армению, все срывается при самых странных обстоятельствах. Дважды сдавал обратно уже купленные авиабилеты.

– Какое же разъяснение этой загадке вы для себя нашли?

– Ничего особенного. Просто всему свое время. Чтобы сорвать плод, надо дождаться, пока он созреет. Видимо, я не был готов к знакомству с этой древней землей...

– Занятная философия, – хмыкнул сосед.

– Это больше, чем философия. Месяца три назад позвонил мой старый приятель и пригласил поучаствовать в организованной им конференции. Честно говоря, я был почти уверен, что и на этот раз ничего не выйдет. Но тем не менее дал согласие. Стал читать в интернете материалы по Армении. Увлекался все сильнее и сильнее. Знаете, какой вывод я сделал для себя?

– Любопытно. Поделитесь.

– Армения – нечто вроде барометра развития человечества. Ее история – словно зеркальное отражение всей истории христианства.

– Не только христианства. Там, в глубине веков, скрыто много интересного.

– Бесспорно.

После недолгой паузы сосед протянул руку:

– Позвольте представиться – Андрей.

Максим бросил на собеседника оценивающий взгляд. С виду лет тридцати пяти. Хотя, возможно, и больше. Короткая стрижка и идеальный загар спо-

собны визуально стереть как минимум лет пять. Власов решил, что, поскольку он существенно старше своего соседа, стоит представиться полностью.

– Очень приятно. Власов Максим Александрович.

Они вновь улыбнулись друг другу.

– У вас завидный загар, Андрей, – Максим решил смягчить чересчур пристальное разглядывание комплиментом. – Где отдыхали?

– На море, – уклончиво ответил сосед.

– Поскольку отпуск вы уже отгуляли, значит, в Армению летите по делам?

– Совершенно верно. Там работает международная археологическая экспедиция. К их деятельности большой интерес. Буду готовить телевизионный фильм.

– Увлекательное времяпрепровождение вам предстоит в Армении, – Максим не скрывал ноты зависти в голосе.

4.

Власов сидел в конференц-зале уже третий час. Побаливала голова и страшно хотелось спать.

Накануне вечером в аэропорту Еревана его встретил давний приятель Сурен. Они познакомились еще в аспирантуре МГУ. Сурен Сергеевич Шаумян, или, как его называли близкие, Сурик-джан, невысокий, плотненький, рано поседевший, с годами стал удивительным образом внешне напоминать Пабло Пикассо. Будучи доктором наук, профессором, он приобрел солидность, но не лишился юношеского задора. Этот шутник и балагур всегда был душой компании. Его фирменные истории, рассказываемые нарочито ровным, безэмоциональным тоном, могли

парализовать любое застолье: все, кроме самого Сурика, обессиленно рыдали от смеха.

Разместившись в отеле «Армения Марриотт» прямо в сердце Еревана, на Площади Республики, Максим отправился с Суреном ужинать.

О напористом гостеприимстве армянского народа, умении накрывать обильный и разнообразный стол Максим знал не понаслышке, благодаря своим друзьям-армянам, живущим в Москве. Но то, что он увидел, войдя в отдельную комнату ресторана, просто ошеломляло. Огромный стол являл собой многокрасочную палитру национальной кухни. Трое мужчин за столом радостно зашумели – ждали только Сурена и Максима. На странный вопрос гостя, что собираются делать пять человек с таким количеством еды, Сурен невозмутимо пояснил:

– Дорогой, это не еда, это всего лишь скромная закуска...

Сегодня утром у Власова не было сомнений, почему голова болит и падает на грудь, а держать глаза открытыми становится все труднее. Фантастическое застолье ретроспективно проносилось в его затуманенном сознании. Полный ассортимент армянских закусок, долма по-деревенски – нежнейшее мясо в виноградных листьях, мацони с чесноком, шашлыки, суп из красного лобио по старинному рецепту, домашнее вино и 55-градусная абрикосовая водка...

«Ох, эта абрикосовая... А ведь как легко шла... Сколько же мы выпили?» – Максим попытался сосредоточиться, но ощутил мучительную ломоту в висках и решил – лучше не думать.

– Каждый из нас, кто встречался с поистине талантливыми людьми, знает, что талант – это всегда человек с поэтическим отношением к жизни. И для него красота хоть чуть-чуть, да дороже, чем вы-

года. Я, кстати, позволю себе предположить, что такой болезненный для нашего общества вопрос, как коррупция, во многом связан с тем, что у нас появилось слишком много душевно неразвитых людей. Поэтому воспитание поэтического и даже романтического отношения к жизни – это тоже, между прочим, важная государственная задача...

Власов услышал со сцены приятный женский голос. Он поднял глаза. На трибуне стояла женщина – лет сорока, миловидная, моложавая, с волнистыми волосами. Она говорила верные вещи, но поразило Максима не это, а то, насколько изящно она доносила до аудитории смысл своей речи. Слова нанизывались на общую ясную мысль, как жемчужины в прекрасном ожерелье. От женщины исходило проникновенное тепло, и Максима потянуло к ней, словно магнитом. Он невольно подался вперед, обострив слух.

– Вы знаете, каким образом зачастую проводит выходные среднестатистическая городская семья? Едет в большой магазин, так называемый мегамолл, смотрит в мультиплексе новое кино – в большинстве случаев американское, покупает ребенку очередную игрушку, сделанную в Гонконге и изображающую какого-нибудь заокеанского монстра, а потом обедает в фастфуде – под американской, канадской, австралийской вывеской. А ведь детство – это время, когда в душе человека запечатлевается образ Родины. И каким же будет этот образ?..

Максим почувствовал, как головная боль, которая не отпускала его на протяжении последних трех часов, внезапно исчезла. Гнетущая сонливость тоже развеялась. Голос симпатичной женщины, очевидная справедливость ее доводов, ораторское мастерство, страстная убежденность в том, о чем она

говорит, оказались волшебной панацеей от его недомоганий. Власов ожил и погрузился в волнующие размышления о притягательной незнакомке.

5.

Объявили кофе-брейк. Максим начал искать глазами Сурена. В зале его не было, но, как только Власов вышел в вестибюль, по-восточному напевный голос за спиной спросил:

– Максим-джан, как ты себя чувствуешь?

Власов обернулся.

– Честно говоря, с утра было плохо. Голова трещала.

– Дорогой мой, сейчас вылечим твою голову.

– Знаю я, – Максим усмехнулся, – твои методы лечения. На третьем стакане все станет как вчера вечером.

– А почему бы и нет? – Сурен буквально лучился добродушием.

– Уволь, Сурик-джан. К тому же ты опоздал. Голова моя уже прошла.

– От страха перед выпивкой, что ли?

– Нет. Там такая удивительная женщина выступала...

– Это моя хорошая знакомая – Анаит.

– Слушай, как прекрасно она говорит!

– Она вообще умница. Я вас познакомлю.

Сурен стал вертеть головой в поисках Анаит. Заметив ее, схватил Максима за локоть и скомандовал:

– Пошли.

Героиня дня явно собиралась убежать, но неподалеку от выхода задержалась, отвечая на чьи-то приветствия.

– Извините, – бесцеремонно увел ее от собеседников Сурен, – мне необходимо прервать ваш милый разговор. Анаит, можно тебя на минуточку.

Максим, не скрывая интереса, рассматривал женщину, которая произвела на него столь сильное впечатление. Открытое лицо, правильные черты, волосы, в солнечных лучах отливающие золотом. Располагающая, простая манера держаться. Костюм делового кроя, но из какой-то необычной голубоватой буклированной ткани. Со вкусом подобранные, сине-белой эмали серьги.

Сурен меж тем не терял времени даром:

– Анаит, дорогая, позволь выразить восхищение! Ты, как всегда, выступала блистательно! Но, оказывается, твоя речь обладает еще и целебными свойствами.

– В каком смысле? – та непонимающе улыбнулась.

– У Максима Александровича – кстати, позволь представить тебе моего давнего друга, сегодня с утра болела голова. И что ты думаешь? Стоило ему тебя услышать, тут же все как рукой сняло!

– Сурен говорит правду, – решил подать голос Максим.

Анаит изучающе оглядела Власова. Первое впечатление оказалось приятным. Элегантный, с проседью на висках, в темном костюме и нежно-лиловой сорочке. Галстук, платок в нагрудном кармане пиджака – все дорогое, изысканное, даже щегольское. «Любит пустить пыль в глаза, – прикинула мысленно Анаит, – но лицо хорошее. Такому человеку почему-то сразу начинаешь доверять. Глаза чистые – как у ребенка. И горят тоже по-детски. Ничего не умеет скрыть. Похоже, я ему понравилась...»

– Очень приятно, – женщина протянула Максиму руку, по-прежнему не отрывая взгляда от его карих глаз, словно ее удерживала какая-то сила.

– И мне.

Власов взял в руку теплую маленькую ладонь и отпускать уже не хотел.

– Ну, мои дорогие, – Сурен понял, что здесь могут обойтись без него, – очень рад, что вы познакомились. Общайтесь, а я побегу. Дела!

Перерыв заканчивался. Максим предложил вернуться в зал, однако у его неожиданной спутницы оказались другие планы. Она торопилась на работу. У главного редактора газеты «Мшакуйт» Анаит Аветисян среда была трудным днем, поскольку именно по средам свежий номер еженедельника подписывался в печать.

– Я вас провожу!

– Не стоит, – мягко улыбнулась Анаит. – Поверьте, в редакции сейчас такой сумасшедший дом, что мы с вами даже кофе спокойно выпить не сможем.

– Но поужинать вместе вы не откажетесь? Очень вас прошу!

– Вот адрес, – женщина быстро нашла в сумочке визитку. – Приезжайте за мной, когда конференция завершится. А сейчас – извините, я правда очень спешу!

Максим с давно забытой юношеской тоской проследил за цокающими к выходу каблучками и уныло поплелся в зал. Время до вечера тянулось невыносимо долго.

6.

Зато вечером вошедший в кабинет главного редактора газеты «Мшакуйт» Власов выглядел довольным и даже счастливым.

Он успел заехать в гостиницу, чтобы поменять костюм на светлые брюки и блейзер.

Однако Анаит – уже второй раз за день – отметила в облике нового знакомого прежде всего выбор обуви. Она относилась к тому типу женщин, для которых именно туфли способны много и красноречиво рассказать о своем обладателе. Даже в спешке знакомства она оценила черные «оксфорды», идеально подходившие к костюму. Сейчас Максим был в коричневых ботинках «броги» – или, как их часто называют, «инспектор», – на толстой подошве. Анаит безошибочно увидела, что обувь очень добротная и дорогая.

В семнадцатом веке перфорированную обувь носили ирландские фермеры-скотоводы. На пастбищах в болотистой местности это позволяло обеспечивать проветривание и быструю просушку. Затем практичная обувь с перфорацией стала использоваться в английских гольф-клубах. Но особую популярность она завоевала благодаря принцу Уэльскому Эдуарду, имевшему репутацию самого элегантного мужчины империи. По его желанию у «брогов» был сделан отрезной мысок в форме W, начальной буквы его титула. С течением времени перфорация на ботинках перестала быть сквозной – ажурный узор лишь декорировал поверхность. Но символом элегантности «броги» остались надолго.

– Красивый у вас кабинет...

Звуки низкого бархатного голоса закачали Анаит, как на теплых волнах. Этот почти незнакомый человек нравился ей все больше и больше. Потребовалось призвать на помощь все свое хладнокровие, чтобы сохранить дистанцию.

– Рада, что вам здесь нравится. Пожалуйста, присаживайтесь. Чай, кофе?

Власов отодвинул манжет голубой рубашки, взглянул на часы. Половина седьмого.

– А вам еще долго работать?

– Да нет, буквально четверть часа. Сейчас принесут подписные полосы. Отпущу номер, и я в вашем распоряжении.

– Тогда лучше потерпеть до ужина. Кстати, что означает название вашей газеты?

– Мшакуйт в переводе с армянского – культура.

В кабинет вошла девушка с пачкой разноцветных листов формата А3. Вручила Анаит и осталась стоять рядом, тревожно поглядывая на начальницу. «Видимо, строгая», – улыбаясь про себя, подумал Власов. Анаит опытным глазом бегала по колонкам, гость следил за ней с наслаждением. «Какое лицо – эмоциональное, одухотворенное. Редко встретишь в начальственных кабинетах творческую личность».

Посмотрев верстку, главный редактор поставила на каждой полосе подпись и вернула комплект помощнице, что-то одобрительно сказав по-армянски.

– Ну, я готова, можем ехать.

Максим встал из-за стола. Анаит взглянула на него, будто хотела задать вопрос, промолчала, двинулась к двери, но потом решительно остановилась:

– Скажите, а у вас в Москве так принято?..

– Что именно? – сердце Власова ухнуло прямо в его элегантные «броги».

– Приходить к женщине без цветов.

Власов облегченно выдохнул и улыбнулся.

– Вы же сказали, что сегодня сдаете номер. Значит, скорее всего, завтра в редакции выходной?

– Да.

– А кому нужны цветы в пустом кабинете? Они завянут, не дождавшись хозяйки.

– Логично, – с иронией бросила Анаит. – Поэтому вы решили обойтись без букета.

– Просто терпеть не могу делать что-то ради галочки. Говорят, с какими чувствами покупаешь и даришь цветы, так они и стоят потом в вазе. Либо пару дней, либо целые недели. Мне бы хотелось, чтобы они радовали вас долго-долго.

– По-моему, вы судорожно ищете оправдание, – в тоне Анаит сохранялась неумолимая колкость.

– Ничего подобного. Я вовсе не намерен мчаться сейчас в ближайший цветочный магазин. Букет давно куплен и лежит в багажнике. Сурен дал мне на вечер свою машину.

Такого ответа Анаит не ожидала. Неловкость, радость, удивление боролись в ее душе. Немногие мужчины в нынешнем мире способны на красивые жесты, и уж совсем редкие из них внимательны к мелочам. Партию с букетом Максим провел по-гросмейстерски. Анаит ощущала себя вдребезги разбитой и в то же время отчего-то – победительницей. Но откуда это странное чувство? Что она выиграла? И зачем этот человек так решительно вторгся в ее судьбу?

7.

Наутро Максим вышел из отеля быстрым шагом, почти выбежал. Вчера вечером, после ужина, они с Анаит договорились провести день вместе.

Под раскидистыми тополями вдоль улицы прятались в тени автомобили. Компания мужчин что-то обсуждала, энергично, по-южному жестикулируя. Слева от них, в одиночестве стояла женщина в темных очках. Гордая осанка одновременно и привлекала, и сдерживала мужские взгляды. Брюки, легкий пуловер, короткая замшевая куртка – все в одной цветовой гамме. «Темная бирюза, морская волна, – подумал Максим. – На редкость красивый образ».

Пышные волнистые волосы падали сзади на воротник куртки. По прическе Власов узнал Анаит и поспешил к ней.

– Доброе утро!

– Здравствуй, Максим.

Договор перейти на «ты» остается действительным. Значит, вчерашний вечер ее не разочаровал.

– Тебе очень идет этот цвет.

– Ты тоже не перестаешь изумлять меня безупречной элегантностью, – парировала Анаит. – Особо эффектно смотрятся инициалы на манжете рубашки.

Максим поразился такой наблюдательности. Он давно уже позволил себе каприз не покупать готовые сорочки, но заказывать их в ателье. На каждой делалась ручная вышивка – буквы «М» и «В». Сегодня он был в так называемой «рубашке банкира» – в тонкую синюю полоску, с белыми манжетами и воротником. Бывшую униформу клерков теперь охотно носили с джинсами, и Максим не составлял

исключения. На плечах – небрежно наброшенный темно-синий свитер. В руках – ветровка, захваченная в последний момент на всякий случай.

– Куда мы направляемся? – Власов демонстрировал готовность следовать за своей спутницей по любому маршруту.

– Думаю, сначала в Эчмиадзин. Там находится Кафедральный собор, это исторический центр Армянской Апостольской Церкви, а также резиденция армянских патриархов – католикосов всех армян. В Кафедральном соборе хранятся мощи Иоанна Крестителя, Стефана Первомученика, апостолов Фаддея, Варфоломея, Андрея Первозванного и Фомы. Также там находятся такие святыни, как частица Древа Животворящего и Пречестного Креста Христова, частица Тернового венца...

В кармане у Максима дважды резко пикнул смартфон.

– Извини, пожалуйста, – Власов достал аппарат, чтобы прочитать сообщение.

Анаит заметила, как он нахмурился, сосредоточенно поджав губы.

– Что-то случилось?

– Да нет, все нормально... А куда поедем после Эчмиадзина?

– В Гарни и Гегард.

– У меня предложение, – осторожно начал Власов, – может быть, если, конечно, это удобно, мы лучше начнем с Гарни и Гегарда. А Эчмиадзин как самое интересное оставим на десерт.

– Никаких проблем. Давай начнем нашу экскурсию с Гегарда.

Серебристый внедорожник «Вольво», за рулем которого сидела Анаит, двинулся к северо-востоку. Дорога постоянно шла в гору. Накануне Максим по-

интересовался, на какой высоте от уровня моря находится Ереван, и был удивлен, что в среднем высота составляет тысячу метров.

Автомобиль, невзирая на отсутствие дорожного серпантина, столь необходимого в гористой местности, спокойно поднимался все выше и выше. Максим понял, что, когда они достигнут пункта назначения, там наверняка окажется существенно холоднее, чем в Ереване, и радовался, что в последнюю минуту сообразил взять с собой куртку.

Справа от края до края, сколько хватало взгляда, лежала Араратская долина. Словно сцена огромного древнего амфитеатра, она завершалась седым двуглавым Араратом. Упираясь в облака, он магически притягивал взор. Власов неотрывно глядел на библейскую гору, мысленно прокладывая путь праотца Ноя с женой, сыновьями, невестками и всем животным миром в долину.

Анаит, секундами отрываясь от дороги, уловила взволнованное состояние своего попутчика.

– Через пару-тройку километров есть место, откуда Арарат смотрится особенно величественно. Мы обязательно там остановимся.

Спустя несколько минут они покинули машину и по ступенькам взошли к арке, через которую открывался поразительный вид. Здесь казалось, будто Арарат не поднимается из земли, а спущен кем-то с неба.

– Ну как? – втайне торжествуя, поинтересовалась Анаит.

– Настоящее чудо! – воскликнул Максим.

– Арарат, или, как его еще называют, Масис, не всегда показывается гостям Армении. Все-таки высота – более пяти тысяч метров. Он часто бывает в тумане или в легкой дымке. Для тебя он открылся

полностью. Говорят, чтобы увидеть Арарат во всей красе, надо иметь чистые помыслы.

«А разве по отношению к тебе это неверно?» – чуть не произнес Максим, но вовремя удержался. Время для откровенных порывов еще не пришло. Вместо этого он искренне сказал:

– Меня всегда трогает, насколько вы, армяне, гордитесь своей родиной.

– Да, правда. Мне кажется, мы с этим просто рождаемся.

– А что здесь написано? – внимание Власова привлекла вязь, высеченная на арке.

– Это стихи...

Анаит выдержала небольшую паузу и начала проникновенно декламировать:

*Я солнцем вскормленный язык моей Армении люблю,
Старинный саз, надрывный лад и горький плач его люблю.
Люблю цветов горячий плеск, пьяняще-тонкий запах роз,
И наирянок чуткий стан в обряде танца я люблю.
Люблю густую синь небес, озерный блеск, прозрачность вод
И солнце лета, и буран, что гулом глухо с гор идет,
И неприютный мрак лачуг, и копоть стен, и черный свод,
Тысячелетних городов заветный камень я люблю.
И где бы ни был, не забыть — ни наших песен скорбный глас,
Ни древнего письма чекан, молитвой ставшего для нас.
Как раны родины больней ни ранят сердце каждый раз,
Я – и в крови, и сироту – свой Айастан, как яр, люблю.
Для сердца, полного тоски, другой мечты на свете нет,
Умов светлее, чем Кучак, Нарекаци – на свете нет.
Вершин, седей, чем Арарат, свет обойди – подобных нет,
Как недоступный славы путь – свою гору Масис люблю!..*

– Кто автор?

– Егише Чаренц. Классик нашей литературы, поэт, прозаик, переводчик. С детства это одно из

моих самых любимых стихотворений. У тебя в бумажнике есть армянские деньги?

– Да, конечно.

– Нужна тысячная купюра.

Максим достал зеленовато-синюю тысячу драмов. Анаит указала на изображение лица молодого серьезного мужчины:

– Вот Егише Чаренц. Он прожил всего сорок лет. Был арестован в тысяча девятьсот тридцать седьмом, умер в тюремной больнице. Эта банкнота выпущена в память о нем. А арка, возле которой мы стоим, называется Аркой Чаренца.

Максим пристально взгляделся в лицо поэта, молча убрал купюру в бумажник. Предложил Анаит руку:

– Возвращаемся в машину?

– Да. Нас ждет Гегард.

8.

Через огромные ворота Власов в сопровождении Анаит вошел в храмовый комплекс.

Их взорам предстал врезающийся в синеву неба монастырь, расположенный на склоне суровых отвесных скал.

– Что-то прохладно стало, – Максим надел ветровку.

– Около двух тысяч метров над уровнем моря, – пояснила Анаит.

– Что означает слово «Гегард»?

– Полное название – Гегардаванк. В переводе с армянского – Монастырь копья. В честь величайшей христианской реликвии привезенного в Армению апостолом Фаддеем и долгое время хранив-

шегося здесь копья легионера Гая Кассия, он же Лонгиний.

– Как? Лонгина? – не поверил своим ушам Максим. – Копье, которое римский воин вонзил под ребро распятого Христа? Насколько мне известно, оно находится в базилике святого Петра в Риме.

– Одно из, – Анаит улыбнулась Максиму. – Есть еще Венское копье, Краковское...

– Какое же из них на самом деле является копьем Лонгина?

– Долгое время учеными проводились экспертизы с целью установления возраста, наиболее соответствующего евангельскому времени. Недавно специалисты из Великобритании по результатам исследований подтвердили, что именно армянское копье является подлинным. Другие реликвии – лишь поздние копии. Вот поедем в Эчмиадзин – копье хранится там, в музее.

Максим хотел спросить еще о чем-то, но Анаит перебила:

– Пойдем покажу тебе удивительные вещи. Значительная часть храмового комплекса выдолблена в скале.

Максим разглядывал кружева из крестов на скальных породах.

– Каким веком этот монастырь датируется?

– Считается, что он был основан в четвертом веке на месте священного источника, берущего свое начало в пещере. Но у меня на его историю своя точка зрения.

– Очень интересно...

– Дело в том, что строить христианский храм тайно, в скалах, в четвертом веке было бессмысленно. Армения приняла христианство как государственную религию, никаких гонений не было.

Возникает вопрос: зачем затевать строительство с многочисленными трудностями, если можно возвести монастырь в открытой легкодоступной местности?

– Вполне логично, – кивнул Максим.

– На мой взгляд, это, скорее всего, храм для тех, кто не принял христианство, и высекался он как языческий. С одной стороны, храм, а с другой – убежище от преследований, учиненных адептами новой веры над приверженцами старой. Думаю, этот комплекс был превращен в христианский позже, когда к вытесанным в скале помещениям был пристроен каменный монастырь.

Они поднимались по ступенькам. На скале, словно на стенах художественной галереи, красовались многочисленные изображения крестов в ажурных узорах. Преодолев второй пролет лестницы, оказались у рукотворной пещеры, напоминающей гигантскую темную трубу. Здесь на уровне лица также были высечены кресты.

– Очень часто повторяются кресты на камнях, – Максим остановился.

– Это хачкары. Буквально переводится – крест-камни. Они занимают особое место в армянской культуре. На территории Армении насчитываются десятки тысяч хачкаров, и ни один не повторяется, у каждого свой неповторимый узор. Для самой тонкой, изощренной работы мастера даже заменяют резец иглой.

– Я бывал во многих странах, но такого нигде не видел.

– Это чисто армянская архитектурная форма, берущая начало от древнего государства Урарту, которое располагалось на территории исторической Армении. Цари Урарту устанавливали вертикальные

каменные плиты, где высекалась для увековечения история их жизни. Возле дорог, границ населенных пунктов воздвигались каменные вишапы, каменные изваяния. Они тоже являются предшественниками хачкаров. Мы сейчас спустимся вниз, и ты увидишь еще много крест-камней. Мне всегда чудится, что в них воплощен сам дух нашего народа. Надеюсь, ты тоже это почувствуешь.

Максим еле сдержал умиленную улыбку. Он чувствовал себя растроганным.

Осмотрев скалу сверху, откуда мастера начинали свой трудный подвиг, по крупцам высекая славу строительного гения человечества, мужчина и женщина спустились вниз. Там находилась дверь в храм.

Внутри храма было темно, лишь мерцали оранжевые огоньки свечей. Тем не менее отчетливо просматривались четыре приземистые колонны, подпирающие свод. Максим поднял глаза. Из узкого отверстия наверху лился медовый свет. Древние камни, покрытые искусной резьбой, создавали иллюзию объемного купола.

– Пойдем, – Анаит потянула его к боковым нишам.

Они осматривали проемы в монастырских стенах. Свет преломлялся здесь причудливым образом, и глаз не всегда различал, где отблеск свечей, а где пробившиеся солнечные блики. Орнаменты, завораживающие и приводящие в трепет, украшали стены ниш. Остановившись в центре небольшого зала, всматриваясь в элементы каменной резьбы, Максим потрясенно выдохнул:

– Какой огромный труд... Какая одухотворенность... За всю жизнь не видел большей роскоши, чем это аскетическое убранство... Вырубить такие

шедевры в базальтовой скале – никакой иной народ не счел бы это возможным.

Час, проведенный в Гегарде, показался обоим длиннее целого дня. Втайне ощущая, насколько сблизило их это удивительное место, Максим и Анаит выехали в сторону Гарни.

9.

Нильс Баух мерил шагами кабинет, не находя себе места. Более полутора часов назад он отправил Эндрю сообщение «срочно позвони», однако телефон до сих пор молчал. Минуты тянулись бесконечно. Он взглянул на часы: около девяти утра. Мысленно прибавил два часа – разницу во времени. После того как Эндрю вылетел в Ереван, Баух ежедневно просматривал в новостных лентах информацию из Армении. И сегодня утром наткнулся на сообщение, которое его взбудоражило. Речь шла о работе археологической экспедиции неподалеку от Гарни. Эксперты в результате радиометрических измерений пришли к выводу, что найденные человеческие останки относятся ко второму столетию до нашей эры. Предположительно обнаружен некрополь карфагенских или римских легионеров.

Это была именно та экспедиция, куда отправился Эндрю, и та местность, которой так живо интересовался Нильс. Бауха волновал вопрос: связаны ли находки археологов с Ганнибалом, как раз во втором столетии до нашей эры находившимся в Армении?

Компьютер внезапно ожил, подавая мелодичные сигналы скайпа. Хозяин виллы метнулся к столу, однако постарался придать голосу нарочито равнодушное выражение.

– Привет, Эндрю.

– Добрый день.

– Это у вас день, у нас еще утро. Как добрался?

– Спасибо. Все нормально.

– Сегодня появилась информация, что эксперты подтвердили датировку вторым веком до нашей эры.

– Я исключительно вовремя сюда приехал. Действительно, найдены древние захоронения.

– А они каким-то образом связаны с нашим делом? Что говорит Мандзони?

– О, тут все интересно. Захоронений немного, всего четыре. Гробницы отличаются по форме и типу. Три прямоугольные и одна сводчатая. Во всех обнаружены атрибуты, присущие воинам. Причем довольно разнообразные. Например, очень хорошо сохранившийся меч. Мандзони сразу определил, что это «гладиус хиспаниенсис», испанский гладиус. Он являлся самым популярным мечом в древности. Я держал его в руках. Удивительнейшая вещь. Противовес за счет увеличенного шарообразного навершия рукояти, и центр тяжести смещен к рукояти...

Нильс Баух знал о пристрастии собеседника к холодному оружию. Коллекцию клинков Эндрю собирал с юности. Несколько лет назад, после блестяще выполненной работы, Баух, помимо гонорара, сделал ему дорогой подарок – раритетный кинжал начала девятнадцатого века. Глаза Эндрю тогда сверкали от удовольствия. Крупный гонорар не вызвал подобной радости даже близко.

Возможно, взгляд Эндрю горел и сейчас, но выяснить это было невозможно – видеоизображение было выключено.

– Я понимаю, ты сел на своего любимого конька, но скажи лучше: чьи это могилы? В новостях пишут – то ли римские, то ли карфагенские.

– Простите... – Эндрю старался не называть своего заказчика ни по имени, ни, как делают многие, употребляя слова «шеф» или «босс», а потому взял небольшую паузу. – Точно сказать нельзя. Идет дискуссия. Мандзони считает, что это карфагенские легионеры. Такой вывод можно сделать на основании других предметов, найденных в захоронениях, – доспехи, шлемы, обувь и прочее. Он показывал кольчугу без рукавов и наплечники в виде пелеринки. Отдельно остановился на том, как эта «пелеринка» застегивалась, – пряжкой с лицевой стороны. Затем на своем планшете открыл изображения римских легионеров и их кольчуг. Так вот, оказывается, у римлян наплечники были в виде клапанов. А это – типичные доспехи кельтских, иберийских воинов. Кстати, Мандзони использует в качестве доказательства и испанский гладиус, который был любимым оружием иберов. А римляне этот меч позаимствовали от племен Пиренейского полуострова, в том числе иберийцев, только усовершенствовали. В силу чего он и получил свое название.

– Замечательно. Но какое отношение все это имеет к нашим делам? И, пожалуйста, покороче.

Послышался легкий смешок Эндрю.

– Эти захоронения, по мнению Мандзони, принадлежат воинам-наемникам, в силу чего вооружения, которые были преданы погребению вместе с владельцами, невероятно разнообразны. Только одна армия в те далекие времена отличалась подобной пестротой и состояла в подавляющем большинстве из наемников-чужеземцев. Во втором столетии прошлой эры небольшой отряд этой армии мог находиться в Армении. И, как вы думаете, кого сопровождали кельтские и иберийские наемники?

– Неужели Ганнибала? – Бауха буквально подбросило в кресле.

– Именно. Правда, в отличие от Мандзони, армянская сторона во главе с академиком Шукурьяном предполагает, что захоронения принадлежат римским легионерам. Их доводы тоже вполне убедительны. Оказывается, в тот исторический период римляне также бывали в Армении.

– Интересно. А Мандзони убежден, что это воины Ганнибала...

– Да.

– Очень интересно... – задумчиво повторил Баух. – А почему ты так долго не выходил на связь?

– Более того, – Эндрю пропустил вопрос мимо ушей, – когда я приехал, археологи пребывали в эйфории от находок, и мне удалось под видом съемок георадаром пройти по всему участку захоронений. Под некрополем есть явные пустоты в виде каналов и заметно наличие металлов.

– Возможно, это именно то, что мы ищем. Тогда и захоронения можно объяснить. Тайну никогда не сообщают третьим лицам. Ибо, если тайна будет разглашена, ты не сможешь установить, по чьей вине это произошло. В истории известно немало ситуаций, когда над зарытым кладом хоронили убитых свидетелей. Таким образом решаются две задачи: первое – остается только один носитель информации, второе – при случайных раскопках, увидев скелеты, дальше рыть не станут.

– Из общения с Мандзони мне показалось, что и он не исключает возможности нахождения под некрополем еще каких-то захоронений Ганнибала, – подтвердил Эндрю. – Однако считает обязательным для этого наличие пещеры. В этой скале, по его утверждению, пещер нет. Хотя за тысячелетия про-

исходили существенные изменения в геотектонике, тем более в сейсмоопасном регионе. Рельеф местности не тот, что был при Ганнибале.

– Как я понял, – продолжал Эндрю, – Мандзони одержим идеей найти нечто сверхъестественное. Он очень амбициозен. Ему нужен не клад, а чтобы его имя фигурировало во всех мировых справочниках. Хочет переплюнуть самого Генриха Шлимана.

– Похоже, ты стал специалистом в археологии. Легко оперируешь именами.

– Больше всего я опасался, вдруг они решат продолжить раскопки. В случае углубления было бы невозможно скрыть сокровища...

– Ты уверен, что они там есть?

– Да, – твердо ответил Эндрю. – Все сходится. Во-первых, некрополь расположен недалеко от города Арташат, основанного Ганнибалом. Во-вторых, обилие скал и различных пород камня. Ведь именно каменоломни, как мы с вами говорили, могли позволить Ганнибалу беспрепятственно спрятать свои сокровища. В-третьих, некрополь с захоронениями воинов, принадлежащих исключительно армии Ганнибала. Так считает Мандзони, и я склонен доверять ему больше, чем Шукуряну. В-четвертых, пустоты и металл, обнаруженные радаром. Но есть еще и пятое...

– Что? – Баух с трудом сдерживал нервную лихорадку.

– Я квадрокоптером обследовал склон ущелья, над которым находится некрополь. Обнаружил почти незаметное углубление в скале. С виду ничем не примечательный маленький грот. Направив туда квадрокоптер, я заметил в углублении темное пятно. У меня создалось впечатление, что это дыра. По всей видимости, грот соединяется с пустотами

под захоронениями. Металлы расположены в двадцати – сорока метрах от ущелья. Наличие пещеры, как утверждает Мандзони, является необходимым условием для поисков клада Ганнибала. Как видите, пять векторов соединяются в общей точке. Вряд ли это случайность.

– Прекрасно! – Баух от удовольствия заерзал в кресле. – Что ты намерен предпринять? У тебя есть соображения?

– Есть. Во время разговора с Мандзони я показал ему видеозаписи, сделанные квадрокоптером. Увидев затемнение в глубине грота, он прыгал от восторга, как ребенок. Хочет сам спуститься в ущелье и все лично обследовать. Торопится сделать это прямо сегодня. Уже привезли строительную люльку, монтируют. Думаю, часа через полтора – два можно будет начинать спуск.

– Вместе с тобой?

– Не знаю. Пока сложно сказать. Отношения между членами экспедиции не самые простые. Зависит от того, какое решение примут Мандзони с Шукуряном. Во всяком случае, я постараюсь сделать так, как необходимо нам.

– Не сомневаюсь. И ты можешь не сомневаться в моей благодарности.

О чем бы ни шла речь, Баух считал главным стимулом и решением всех вопросов деньги. Принцип «купить можно все и всех» был для него железным.

– Не волнуйтесь. Даже если мне не удастся к ним присоединиться, я дам им видеорегистратор и буду в курсе всего, что там происходит.

Эндрю замолчал. Умолк и хозяин виллы, глядя куда-то в пустоту, хмурясь и словно не находя ответов на вопросы, им же самим поставленные. Повисла пауза.

– Алло?.. – агент решился нарушить тишину.

Эндрю, – Баух размеренно подбирает слова, словно гипнотизируя застывшую заставку на мониторе, – у тебя есть полномочия самостоятельно принимать решения в зависимости от ситуации. Мандзони умен, но, чтобы не совершать ошибок, одного ума мало. И не забывай: в Ереване есть человек, который при необходимости тебя прикроет.

Эндрю прекрасно понял недвусмысленный намек хозяина. Серьезный чин армянской полиции. Настало время отдавать долги.

10.

От Гегарда до Гарни всего семь километров, но прохлада древнего монастыря сменилась разнеживающим осенним теплом. В России эту благодать именуют «бабье лето», и длится она, как правило, не больше недели. Зато в Армении такая погода держится повсеместно и подолгу, поэтому называют ее поэтически – «золотая осень».

На высоком утесе Анаит и Максима встретил величественный языческий храм, с трех сторон окруженный глубокими ущельями и почти вертикальными отвесными скалами.

Огромные колонны, пилоны, рельефы обнаженных атлантов, которые воздели мускулистые руки, поддерживая жертвенники, придавали памятнику особую магическую торжественность. Орнамент с гранатами и виноградом был, конечно, чисто армянским. Как и серо-синеватый базальт, использованный зодчими. Камни длиной около двух метров скреплялись скобами и штырями. Весь его облик свидетельствовал о тесных связях Армении и Гре-

ции в древние времена. Храм первого века нашей эры был возведен в лучших архитектурных традициях эллинизма.

– Можно только снять шляпу перед мастерами, – всматриваясь в орнаменты, проговорил Максим, – выполнявшими такую резьбу по базальту. Уникально!

– Заметь, все орнаменты связаны с национальными мотивами. Это, как правило, гранат, листья орешника, цветы и обязательно виноград. Храм посвящен богу Солнца и справедливости Мгеру, или Михру. Мгер был сыном Арамазда. А сам Арамазд служил для армян подобием древнегреческого Зевса.

Максим с Анаит подошли ко входу в храм. Перед ними были девять массивных ступеней, каждая в тридцать сантиметров высотой. Делая следующий шаг, они волей-неволей словно кланялись языческому божеству.

Внутри оказалось довольно темно.

– Под этим портиком, в нише, находилось золотое изваяние бога Солнца. А свет проникал из вон того отверстия, – Анаит указала вверх, – и отражался в воде. Посмотри на пол. Видишь, здесь нет одной плиты.

– Действительно, нет. А что случилось, почему вместо плиты толстое стекло?

– В древние времена в этом приямке была вода. Солнечные лучи, падая на ее поверхность, создавали красочные блики, которые переливались на статуе, создавая эффект движения.

Выйдя из храма, они повернули налево. Впереди были развалины. Анаит заметила любопытствующий взгляд Максима.

– Что это за руины справа?

– Там находились царские покои. Дело в том, что в семьдесят шестом году уже нашей эры армянским царем Трдатом Первым на этом месте была достроена крепость. Ее возвели на месте еще более древней, урартской. Несколько династий царей Армении периодически пребывали здесь со своим двором и частью войска. Обрати внимание, со всех сторон непреодолимое ущелье, а вход только один и не очень широкий. Крепость на протяжении тысячелетия успешно отражала атаки врагов, которых у Армении, принявшей христианство в триста первом году нашей эры, хватало...

– Да-а, – протянул Максим, – уникальное место, сотворенное самой природой, и использовали его явно по назначению.

В кармане у Власова раздался сигнал смс-сообщения.

– Извини, пожалуйста, – пробормотал он. Достал смартфон, впился в экран глазами. Затем быстро набрал и отправил какой-то текст.

Анаит заметила, что ее спутник снова напряжен. Опять поджаты губы. Проступили две вертикальные линии на переносице – совершенно прямые. «Такие линии, – вспомнила Анаит популярные книги по физиогномике, – свидетельствуют о больших организаторских способностях. Поэтому он и продолжает контролировать работу, даже находясь за две тысячи километров от Москвы».

Осторожно поинтересовалась:

– Все нормально?

– Нормально, – автоматически повторил Власов, подыскивая более внятный ответ. – У нас идет важный проект, и я просил, чтобы меня держали в курсе всего происходящего.

Прогуливаясь вдоль развалин, они вышли на край обрыва, где располагалась смотровая площадка. Ущелье утопало в осеннем многоцветье. На фоне пышной зелени ярко выделялась пожелтевшая и выгоревшая до огненно-красного цвета листва.

Взор Максима упал на возвышающуюся в центре ущелья огромную скалу, обрезанную сверху настолько ровно и покрытую такой сочной зеленью, что она больше напоминала футбольное поле. Осень еще не ступила хозяйской ногой на эту площадку.

– Ах, какая сказочная погода, – выдохнул Власов, – и какая божественная красота...

– Осень – самая прекрасная пора в Армении, она у нас долгая и бархатно теплая, – с ласковой улыбкой подтвердила Анаит.

– И воздух чистейший... Я даже проголодался. А ты?

– Здесь всегда так. Я обо всем позаботилась. Можем организовать небольшой пикник.

Тогда у меня предложение. Вижу, внизу, в ущелье, идет дорога вдоль реки. Может, спустимся и устроим привал у воды?

Максим смотрел в глаза Анаит. Ему очень хотелось получить согласие.

– Спустимся? – с нежностью переспросил он.

– Обязательно, – Анаит слегка смутилась, – тем более что там очень красиво и от реки идет свежий воздух.

– А как лучше – пешком или на машине?

– Можно и пешком, но, боюсь, это окажется утомительным. Поэтому давай на машине.

11.

Автомобиль, спускаясь по узкому серпантину, максимально замедлил ход. Отвесные стены ущелья все больше напоминали тиски. Временами они подступали почти вплотную друг к другу, сковывая не только яростный рев реки, но и всякую возможность проехать вдоль русла.

На лбу у Власова проступила ледяная испарина. Слишком экстремально выглядела тесная грунтовая дорога. Малейшая водительская ошибка Анаит могла привести к непоправимым последствиям. Минуты тянулись мучительно – они как будто издевались над напряженным состоянием Максима. Власов бросил взгляд в сторону реки. Поток пытался вырваться из оков, бросаясь, словно пьяный, то в одну, то в другую сторону.

– Как называется эта речка? – спросил Максим, чтобы продемонстрировать равновесие духа. Сердце у него при этом цепенело от ужаса.

– Азат, – бросила Анаит, крепко держа рулевое колесо.

– И что это значит?

– В переводе с армянского – «Свободный».

Максим, несмотря на выплеск адреналина, невольно залюбовался открывшимся видом. Горная речка подтверждала свое свободолюбивое имя, бросая вызов тесному руслу и словно не желая мириться с путем, который проложила для нее природа.

Анаит ювелирно вписала внедорожник в очередной поворот, и горные тиски стали расступаться. По контрасту Максиму почудилось, будто они выехали на широкое приволье. Напряжение начало отпу-

скасть. Теперь через открытое окно он внимательно рассматривал скалы. Их наружный слой состоял из множества пяти-шестиугольных вертикальных столбов, напоминающих тысячи труб гигантского органа. Базальтовый инструмент исполнял нерукотворную каменную симфонию – или просто что-то торжественное звучало в душе у Максима.

– Остановимся здесь? – внезапно предложил он.

– Давай, – согласилась Анаит.

Они расположились в густых зарослях, на не тронутой осенью зеленой траве, ковром стелющейся вдоль берега.

Анаит достала из спортивной сумки термос с кофе. В прозрачных пластиковых контейнерах нашлись пирожки с мясом, нарезанные овощи, сыр и зелень. Максим находился в Армении третий день и пристрастие армян к зелени и сыру уже успел заметить.

– Вроде бы обычная еда: хлеб, сыр, зелень. А ощущение такое, будто в мире нет ничего вкуснее, – поделился он своим удивлением.

– Это гармония – еды, природы, душевного покоя. В таком состоянии все кажется прекрасным.

– Да, правда, – улыбнулся Максим.

Они с удовольствием разделяли простую трапезу и смотрели друг на друга говорящим, откровенным взглядом.

– У тебя влюбленные глаза, – Анаит не смогла удержаться, хотя и прятала волнение под изящным кокетством.

– Влюбленные? – Максим вопросительно приподнял бровь.

– Да. Такой блеск ни с чем не спутаешь. Ты влюблен?

– Терпеть не могу это слово.

– Почему? – Анаит явно была обескуражена.
– Для меня любовь и влюбленность соотносятся примерно так же, как канал и канализация. Корень общий, а понятия далекие.

– Ну-ка, поясни.

– Для меня любовь – состояние непрерывное. Не может мать любить своего ребенка временами. Она любит всегда, постоянно, днем и ночью, даже когда спит. Между мужчинами и женщинами тоже встречается подобная любовь. На всю жизнь. Редчайший дар Всевышнего – любить и быть любимым. Ведь именно любовь – основа мироздания. Господь сотворил наш мир по законам любви. Об этом благовествовал апостол Иоанн, любимый ученик Иисуса Христа...

– А влюбленность, – все более увлеченно развивал свою теорию Максим, – подобна зажженной спичке. Ярko вспыхивает и быстро гаснет. Влюбленностью движет не душа, а страсть. Но страсть уходит, на ее место является другая, потом третья. И так далее, и так далее. Любовь, она единственная, уникальная и необъяснимая. А влюбленность – это просто подделка под любовь. Таких подделок в жизни возможны десятки...

Перед глазами Власова промелькнула его жизнь: неудачный брак, развод, случайные встречи, такие же случайные расставания, поиски, надежды, разочарования, бессонные, полные отчаяния ночи... К моменту знакомства с Анаит он уже убедил себя в том, что судьба обделила его настоящей любовью, придется довольствоваться эрзацами.

И вот – опять замерцала надежда...

Чувство неловкости накрыло Максима, скулы вспыхнули. Он не любил подобных ситуаций, поскольку в минуты волнения всякий мог читать по

его лицу как по открытой книге. Внезапно прервав разговор, он повернулся и зашагал к берегу. Присев на корточки, опустил руки в воду, но тут же отдернул:

– Какая холодная! Лед!

– Как во всех горных реках, – спокойно ответила подошедшая Анаит.

Она тоже присела, набрала в ладони воду, омыла лицо.

Прекрасно освежает...

Максим рискнул повторить.

– Ух ты!.. Очень!.. Кстати, Анаит, река и ущелье тянутся в сторону Еревана?

– Нет, в Ереване протекает река Раздан. Азат движется в сторону Арташата.

– А что такое Ар-та-шат? Я правильно произнес?

– Да. Это название одной из древнейших столиц Армении. Если точнее, четвертой по счету. Кстати, интересный факт: выбрал место, основал и построил город Ганнибал. Царю Армении Арташесу там настолько понравилось, что он перевез туда столицу и назвал город своим именем.

– Неужели тот самый Ганнибал? Карфагенский полководец, заклятый враг Рима?

– Тот самый, – подтвердила Анаит.

Максим изумленно покачал головой и опять окунул руки в поток, чтобы еще раз омыть горевшее лицо. Склонившись над водой, он вдруг заметил торчащую из зарослей удочку, а выпрямившись, увидел и пожилого рыбака. На мгновение они встретились взглядом, оба дружелюбно улыбнулись.

– Оказывается, мы не одни, – бросил Максим в сторону Анаит.

Она начала испуганно осматриваться. Рыболов оставался для нее невидимым, однако сама мысль,

что кто-то мог слышать их разговор о любви и влюбленности, была для нее неприятной. Анаит встревоженно посмотрела на Максима. Тот повернулся к ней.

– Там, – Власов указал большим пальцем через плечо, – кто-то ловит рыбу. Только в такой быстрой реке вряд ли что-то можно поймать на удочку...

– Можно! – раздался голос из-за спины.

– Здравствуйте, – первой поздоровалась Анаит. Эмоции у нее отступили перед воспитанием. Поскольку незнакомец, хотя и отличался крепким сухощавым телосложением, явно перешагнул рубеж семидесяти лет. Зачесанные назад седые волосы, чуть лукавые, добродушные зеленоватые глаза под кустистыми белыми бровями, открытая улыбка, лучики морщин на смуглом обветренном лице. Высокий, чуть сутулится. Крупные натруженные руки. Анаит невольно почувствовала расположение.

– Добрый день, – Максим и рыбак одновременно поприветствовали друг друга.

– Неужели здесь реально что-то поймать? – повторил Власов свои сомнения.

– Вот вам доказательство.

Седовласый приоткрыл крышку пластмассового кофра, висевшего у него на плече. Внутри шевелились несколько рыбин, пестрых от множества красных и черных пятнышек.

– Похоже на форель, – высказала свое мнение Анаит.

– Правильно. Точнее, кармрахайт, горно-ручьевая форель.

– Наверняка очень вкусная, – предположил Максим. – В такой чистой воде иначе быть не может.

– Да очень вкусная, если правильно приготовить. Хотите попробовать?

– О, спасибо большое, – Власов соорудил на лице любезную улыбку.

Внезапно сквозь шум реки донеслись чьи-то крики. Максим, стоявший лицом к скале, заметил быстрый промельк падающего тела. Взглянул вверх. Там висела на одном тросе строительная люлька и схватившийся за канат человек. Тщетно пытался он ногами заплести канат вокруг себя, чтобы удержаться в воздухе. Несчастный что-то кричал, но рев воды заглушал его призывы о помощи. Только растерянный взгляд Максима заставил незнакомца и Анаит обернуться.

– Боже мой, – вскрикнул старик, – это же археологи...

– Археологи? – переспросила Анаит.

– Да. Они там наверху, над ущельем, ведут раскопки.

Максим ринулся к скале. Ему открылась чудовищная картина: бездыханное мужское тело в такой невероятной позе, которая исключала всякие признаки жизни. Максим склонился над ним и тут услышал стоны позади. Метрах в пяти, на отмели, лежал еще один человек. Нижняя часть его тела находилась в воде. Парень лет двадцати пяти, не более, в камуфляжной форме пытался что-то сказать Максиму. Однако страшная боль не позволяла ему членораздельно говорить.

Власов бросился вытаскивать парня из воды, но уже через несколько шагов почувствовал, как обмякло тело. Жизнь покидала упавшего человека прямо на руках у Максима. Приложив два пальца к сонной артерии, Власов понял: пульса нет. Хрипло дыша, он опустил потяжелевшее тело на землю. До сих пор гибель людей ему приходилось видеть лишь в кино. Но искусство не дает и сотой доли представления

о том, с какими моральными страданиями это сопряжено. Холодная волна пробежала по позвоночнику. Он сочувственно посмотрел в лицо парню: совсем молодой... На глаза попался валявшийся рядом черный смартфон, экраном в землю.

«Это же мой... Видимо, упал из кармана, когда я наклонялся».

Максим поднял смартфон, положил в карман.

Анаит и седой рыболов неотрывно смотрели вверх. Их внимание было приковано к повисшему на канате человеку.

– Ой, – голос Анаит вибрировал от напряжения, – он ведь упадет! Надо ему помочь!

– Мне кажется, его тянут вверх, – заметил старик.

Анаит прищурилась. Действительно, расстояние между краем пропасти и висящим человеком очень медленно, но сокращалось.

Немного успокоившись, она направилась к Максиму. Сделала несколько шагов и в ужасе замерла.

– Он живой?!

Максим поднял голову.

– Уже нет.

– А этот?

– Тоже.

– Бог мой... – Анаит в отчаянии закрыла лицо ладонями.

– У археологов строительная люлька оборвалась, – констатировал подошедший рыболов.

Максим заметил, как, несмотря на спокойный тон, страдальчески увлажнились его глаза.

– Надо что-то делать! – Анаит лихорадило. – Срочно вызывать «скорую»!

– Обязательно. Но, увы, торопиться нет смысла. При падении с такой высоты выжить нельзя. Ты можешь набрать службу спасения?

– Да, сейчас, – Анаит дрожащей рукой достала мобильный.

– Странно ... – сквозь шум реки прорезался голос старика.

Он стоял под деревом, на крону которого упал канат.

Максим подошел ближе.

– Вы что-то сказали?

– Странно, говорю. Как они могли упасть?

Власов поднял голову. Канат висел на расстоянии вытянутой руки, и Максима словно током ударило: конец толстой веревки явно срезали чем-то острым, лишь несколько нитей на краю среза были оторваны. Он машинально поднялся на цыпочки, чтобы взглядеться. Не это ли явилось причиной гибели двух человек? Власова охватило тягостное беспокойство.

Но тут раздался звук подъезжающего автомобиля.

12.

Не успела машина остановиться, как из нее выскочили трое мужчин и девушка. Они подбежали к лежащим под скалой телам и стали отчаянно тормошить их, словно надеялись оживить. Один из приехавших принялся изучать место падения молодого парня, нагнувшись и внимательно осматривая каждую пядь земли. Что-то в его облике показалось Власову знакомым. Мощный атлетический торс, обтянутый футболкой с короткими рукавами, бронзовый загар.

– Это же Андрей... – пробормотал Максим.

– Кто? – не поняла Анаит.

– Вон тот человек, который возится в траве возле тела. Его зовут Андрей.

– А откуда ты его знаешь?

– Мы рядом сидели в самолете, когда летели в Ереван.

– И что он тут делает?

– Он упоминал про телесъемки. Видимо, работает с членами археологической экспедиции. Никак не ожидал встретить его при таких обстоятельствах...

Тем временем тот, кого они обсуждали, не отрывал пристального взгляда от земли. Людей в стороне он даже не заметил.

Власов решил, что надо подойти.

– Здравствуйте. Кто бы мог представить, что мы вот так увидимся...

Андрей поднял глаза, однако ни малейшего проблеска узнавания в них не мелькнуло. Неловкая пауза затягивалась. Максим попробовал еще раз.

– Андрей, мы летели рядом. Вы меня не помните?

– Ой, Максим Александрович... Извините. Тут, сами видите, такое... Голова кругом идет.

Он протянул руку для приветствия. Впрочем, пожатие не отличалось сердечностью. Власов видел, что его случайный знакомый полностью поглощен произошедшим.

Андрей машинально вновь опустил глаза в землю, но вдруг вскинул голову и впился цепким взглядом в лицо Власова.

– Простите за нескромность, Максим Александрович, как вы тут оказались?

– Случайно. Были наверху, осматривали храм. Решили спуститься отдохнуть в ущелье. И вот...

– Все произошло у вас на глазах?

– Не совсем. Мы наблюдали лишь последнее мгновение. Страшная картина. Моя знакомая, –

Максим повернулся в сторону Анаит, – до сих пор не может прийти в себя.

Андрей кивнул и сразу потерял интерес к Максиму. Он вновь стал шарить взглядом вокруг бездыханных тел.

Власов еще раз отметил: «Он что-то ищет». Спросил:

– А вы здесь какими судьбами?

– Наверху работает международная археологическая экспедиция, – Андрей словно забыл, что в самолете уже рассказывал Максиму о цели своего пребывания в Армении. – Недавно они обнаружили захоронения чуть ли не второго столетия до нашей эры. Нашли уникальные артефакты. Вот я и готовлю материал об этих находках.

– И вдруг такое несчастье... Вы знаете погибших?

– Конечно. Это, – Андрей указал подбородком в сторону исковерканного тела, – профессор из Италии Федерико Мандзони. А молодой – Саркис, местный археолог.

– Что стало причиной обрыва? Плохо закрепили опоры люльки?

– Да нет. Все было нормально. Они обследовали вон ту пещеру, – Андрей махнул рукой.

Максим проследил за его жестом:

– Где пещера?

– Отсюда не видно, там такая расщелина...

– Слушайте, а того повисшего парня подняли благополучно?

– Да.

– Я боялся, что он не сможет удержать себя и тоже упадет.

– Да нет, он такой натренированный крепыш. Хотя дрожал как лист, – с презрением бросил Андрей. – И, скорее всего, до сих пор продолжает трястись.

– Еще бы, побывать в шаге от смерти, – Максим невольно заступился за «крепыша». – От такого долго придется отходить.

Но Андрей, казалось, его уже не слышал, то и дело бросая напряженные взгляды в сторону трупов. Власов не удержался:

– Вы что-то ищете?

– А? – собеседник рассеянно вернулся к разговору.

Волна недоверия – вроде бы немотивированного, но определенного – накрыла Максима. «На чем он так сосредоточен? Явно поддерживает диалог через силу». Власов повторил:

– Вы что-то ищете?

– Квадрокоптер.

– Что?

– Небольшой вертолет с четырьмя винтами для съемок.

– Он был в люльке?

Максим еще не закончил говорить, когда сообразил, что сморозил глупость.

– Зачем в люльке? Я им управлял, снимал ущелье. А когда люлька сорвалась, у меня управление слетело. Вздрыгнул и, видимо, не то нажал на пульте.

– Здравствуйте, – к мужчинам приблизилась Анаит.

Андрей поприветствовал ее, не изъявляя желания познакомиться, и воспользовался моментом, чтобы уйти:

– Простите, мне надо постараться найти квадрокоптер.

Анаит тихо поинтересовалась у Максима:

– Он не сказал, кто были те, упавшие?

– Молодой парень – ваш археолог, а второй – итальянский профессор...

Максим не смог воспроизвести имя.

Анаит словно током ударило:

– Неужели Мандзони?!

– По-моему, да.

– Какой ужас... Мы недавно писали о нем, делали интервью. Это настоящее светило археологии.

И без того подавленная, Анаит окончательно расклеилась. Опустились безвольно плечи, потускнело лицо.

– Максим, поедem отсюда. Мне очень плохо...

– Прошу тебя, потерпи еще немного. Посиди в машине, отдохни, – Власов сострадательно взял ее за руку. – Нам надо дождаться полицейских. Мы единственные свидетели.

13.

Полковник полиции Ашот Казарян сидел за столом в своем служебном кабинете. Лет пятидесяти, плотного телосложения, он в задумчивости поставил один на другой кулаки и водрузил на них квадратный подбородок, от чего вся фигура стала казаться еще монументальнее.

Полковник Казарян славился среди коллег выдающимися аналитическими способностями и тончайшей интуицией. Он явно был рожден с талантом сыщика. Начальственных высот достиг исключительно за счет профессиональных качеств: делая точные выводы, полковник направлял следственные действия по единственно верному направлению.

Пять минут назад в кабинете раздался телефонный звонок и Казаряну сообщили о том, что в ущелье возле Гарни сорвалась строительная люлька, погибли археологи. Один из погибших – предполо-

жительно известный профессор, прибывший в Армению из Италии.

Именно этот звонок ввел Казаряна в состояние глубокой сосредоточенности. Его мысли уже концентрировались на будущем уголовном деле. Необходимо, чтобы вести это дело поручили ему.

Казарян, как опытный шахматист, в уме переставлял фигуры, мысленно разыгрывая партию, в которой он сам начинает и выигрывает.

Родившись в конце шестидесятых годов минувшего столетия, Ашот застал шахматный бум, охвативший тогда все население Армении.

В далеком 1963 году армянский шахматист впервые стал чемпионом мира и удерживал это звание на протяжении шести лет. Это был Тигран Петросян. Древний народ встретил его триумфом ликованием. Всплеск национальной гордости привел к тому, что шахматы надолго стали одним из любимейших видов спорта в Армении. Родители отдавали детей в шахматные секции, чтобы они с малолетства приобщались к мудрой, интеллектуальной и увлекательной игре. Во многих семьях лелеяли надежду превратить своего отпрыска в нового Петросяна.

Маленький Ашот был одним из таких детей. Уже в школьные годы он уверенно побеждал на различных турнирах и первенствах. Специалисты отмечали игру юного Казаряна, сочетавшую спокойствие и уравновешенность с абсолютно неожиданными решениями. Ему прочили блистательное шахматное будущее, однако Ашот выбрал другой путь.

Учась на юридическом факультете университета и затем придя на работу в органы внутренних дел, он забросил шахматы. Но остался верен привычке мысленно расставлять фигуры на клетчатом поле,

хладнокровно рассматривая все варианты развития событий. С годами его природные способности оттачивались, шлифовались и переросли в острый аналитический ум, не знавший себе равных во всей армянской полиции.

Вот и сейчас, перебирая возможные дебюты для доклада начальству, Казарян быстро перешел от сосредоточенности к довольной улыбке и откинулся на спинку кресла. По лицу его было件нятно: решение найдено.

Подняв трубку служебного телефона, Казарян отчеканил:

– Господин полковник, разрешите к вам зайти. Срочно. Дело не терпит отлагательств.

14.

– Разрешите? – спустя пару минут повторил Казарян, открывая дверь начальственного кабинета.

– Да, – Минас Макарян оторвался от бумаг, – проходи, садись. Что случилось?

– Близ Гарни оборвалась строительная люлька. Два трупа.

– И ты решил, что об этом надо срочно доложить мне? – с издевкой парировал Макарян. – Для этого есть районные отделения полиции, там пусть разбираются.

– Дело в том, что один из разбившихся – известный итальянский археолог, профессор Мандзони.

– И что?

«Либо он вообще не в курсе, что в районе Гарни ведутся археологические работы, – задвигались фигуры в голове у Казаряна, – либо слишком занят другими делами и не в состоянии осмыслить ин-

формацию. Как бы то ни было, фамилию Мандзони он явно услышал впервые. Этим надо воспользоваться».

– Разрешите напомнить: Мандзони совместно с нашими археологами несколько лет назад обнаружили уникальный памятник – дворец-крепость, возведенный в период Ванского царства. А недавно та же экспедиция раскопала древние захоронения близ Гарни. Нашли уникальные артефакты, датированные вторым столетием до нашей эры.

– Да-да, припоминаю.

– Имя профессора Мандзони известно по всему миру, он считается корифеем в области археологии и истории. Уверен, в ближайшее время эта информация прогремит в выпусках новостей по всем каналам. Поднимется большой шум. Вот я и подумал: может, будет лучше, если вы сами сообщите министру о случившемся и о начатых следственных действиях.

Макарян задумался.

– Не хочется, – вкрадчиво продолжал Ашот, – нарваться на международный скандал. Вы же знаете прессу. Это шакалы, а не люди. Им безразлично, случайность это или чей-то злой умысел. Крайними все равно окажемся мы. Представляете, какие появятся заголовки: «Мировую знаменитость убили в Армении» или «Ученым небезопасно работать в Армении»...

Казарян завершил подливать масло в огонь и сделал паузу, чтобы начальник сам пришел к необходимому выводу. Казалось, над головой Макаряна зримым облаком сгустились перспективы международного скандала и тех проблем, которые неминуемо возникнут у него лично, если следствие не удастся направить в нужное русло.

– Что ж, – Макарян выпрямился в кресле. – Я вот думаю, как все это сообщить министру... Он сразу поймет, что вопрос политический. Этот Мандзони действительно настолько известен?

– Да, – сухо ответил Казарян.

– Нехорошая ситуация. Я бы сказал, очень плохая.

– Именно поэтому я и решил срочно доложить.

– Правильно, – вполголоса пробормотал Макарян и пристально, с надеждой посмотрел в глаза подчиненному. – Дал бы Бог, чтобы причиной всему оказалась неосторожность этого самого профессора...

Казарян не отвел взгляд. Победа уже близка. Остается сделать еще один, заключительный, ход, чтобы забрать расследование дела под свой контроль.

– Я всегда поражался вашей интуиции. Как вы говорили, так и происходило. Уверен, и сейчас ваши предположения справедливы.

Макарян впервые за время разговора еле заметно улыбнулся. Тщеславие было его слабым местом. Противостоять изощренной лести он не умел.

– Ну, скажем точнее, не всегда, – начальник решил поскромничать, – но часто. А чтобы было еще чаще, тебе придется взять это дело под свой контроль. Расследуй тщательно и принципиально. Как ты умеешь.

– Разрешите выполнять? – отчеканил Казарян.

– Да. Немедленно поезжай в Гарни. Возьми с собой кого считаешь нужным. Как только появятся версии, позвони мне.

– Слушаюсь.

15.

Максим и Анаит находились в ущелье уже около двух часов. Нервное потрясение давало себя знать эмоциональной и физической усталостью. Чувствительная по натуре женщина буквально изнывала, но и мужские мысли были заняты лишь одним: уехать как можно быстрее, а потом постараться забыть все, как страшный сон.

Однако теперь их удерживало реальное препятствие: дорога оказалась перегороженной. Пока Максим беседовал с Андреем, на спуске в ущелье появились бригада скорой помощи, наряд полиции, еще несколько машин.

Люди в форме и в белых халатах ходили, смотрели, измеряли, что-то записывали, фиксировали на видео погибших и место падения. Когда возникла надежда, что этот скорбный труд скоро завершится, подъехали еще два автомобиля. Из одного вышел полковник полиции, и все началось сначала. Полковник внимательно осматривал трупы и территорию, изредка адресуя коллегам отрывистые реплики.

Максиму и Анаит оставалось только ждать. Обратиться к приехавшим с просьбой очистить дорогу обоим показалось бестактным.

Прошло немало времени, но вот тела погибших археологов погрузили в карету с красным крестом, и машина с печальным грузом тронулась в гору. Рассчитывая, что следом потянутся и все остальные, Максим осторожно приоткрыл дверцу «Вольво», за которой с измученным лицом дремала Анаит.

– Давай я сяду за руль? – голос Максима был со-
страдательно мягок.

Анаит открыла глаза и ответила благодарным кивком. Не промолвив ни слова, она вышла из машины и отдала Максиму ключи. Тот открыл перед ней пассажирскую дверь, потом занял водительское место, повернул ключ в замке зажигания... Фу-х, неужели все?

И тут к их автомобилю заспешил полицейский с полковничьими погонами. Рядом шагал старик-рыболов.

– Простите, что задерживаю. Вы могли бы ответить на несколько вопросов?

– Другого времени у вас не было? – возмутилась Анаит.

– Ничего, ничего, – успокаивающе повернулся к ней Максим, – погибли люди, полиция обязана соблюсти все формальности.

– Вы совершенно правы, – полковник поддержал его тон. – Только пара вопросов, и можете ехать.

Анаит снова нехотя вышла из машины.

Увидев ее, полицейский остолбенел:

– Это правда вы?!

Учитывая обстоятельства, подобный восторг показался Максиму не только странным, но и комичным. Анаит, впрочем, не удивилась. На протяжении последних лет она регулярно появлялась в качестве эксперта на различных телеканалах. Ежемесячные «Колонки главного редактора» в газете «Мшакуйт» производили резонанс далеко за пределами культурного сообщества. В Армении Анаит уже стала персоной популярной и медийной. Нестандартное мышление, прямота и искренность, умение угадывать суть под внешней шелухой создали ей широкий круг и поклонников, и противников. Полицейский, как она поняла, принадлежал к первым. Анаит попыталась улыбнуться, но сил хватило только на неопределенную гримасу.

– Полковник Ашот Казарян. Счастлив знакомству. Всегда восхищаюсь вашими выступлениями.

– Спасибо... Очень приятно... – проямлила Анаит, принимая визитную карточку.

– Но как вы здесь оказались?

– Максим Александрович, – Анаит чувствовала, что Власов вышел из автомобиля и стоит у нее за спиной, – приехал из Москвы. Он впервые в Армении. Мы посетили Гарни, затем решили спуститься в ущелье. Я хотела показать наши красоты. Но...

– Вы находились здесь, когда упала люлька?

– Да...

Полковник заметил, что ей трудно говорить.

– Простите, я понимаю, насколько вы взволнованы. Но, к сожалению, ваши показания необходимы.

– Разумеется, – Анаит взяла себя в руки. – Мы втроем – я, Максим Александрович и... Простите, – обратилась она к рыболову, – мы не знаем вашего имени...

– Вардгес, – спокойно ответил старик.

– Так вот, мы стояли здесь, – Анаит указала в направлении зарослей, – разговаривали. Вдруг раздались крики. Мы обернулись, увидели оборвавшуюся с одной стороны строительную люльку и мужчину, который ухватился за канат. То, что упали люди, мы поняли не сразу...

– Они вдвоем стояли спиной, – Максим решил помочь Анаит, – а я лицом к скале. Крики заглушала река. Сначала заметил падение чего-то. Посмотрев вверх, увидел перекошенную люльку. Мгновенно возник вопрос: что упало? Может быть, человек? Подбежал. Мужчина, который постарше, лежал в неестественной позе – я сразу понял, что он мертв. Все-таки нагнулся проверить пульс и тут услышал стоны. Неподалеку наполовину в воде лежал моло-

дой парень. Я пробовал его вытащить... Он что-то бормотал, видимо, на армянском... Скончался прямо у меня на руках...

– Понятно, – задумчиво сказал Казарян. – Вынужден попросить вас задержаться еще на несколько минут. Необходимо составить протокол. Подумайте пока, может, еще что-нибудь вспомните?

Последние слова будто укололи Максима. Он вспомнил о надрезанном канате, висящем на кроне дерева.

– Симонян! – крикнул полковник кому-то из группы полицейских.

Подбежавшему на зов было лет тридцать пять – сорок. Возраст зримо увеличивала седая шевелюра. По контрасту с сединой гладкое, без намека на морщины лицо с ясными живыми глазами говорило о молодости этого человека. Китель распирался изнутри уютным животиком гурмана и хлебосольного хозяина. На погонах – четыре маленькие звездочки. Капитан.

Власов изучающе всмотрелся в круглую капитанскую физиономию. Нижняя губа выпячена – русские называют таких «губошлеп». Наверное, и характер соответствующий. Покладист, легко поддается на уговоры, склонен к компромиссам.

– Быстренько оформи протокол, – скомандовал Казарян. Затем повернулся к Вардгесу: – Пойдем.

Пока Анаит рассказывала все по новой, а капитан записывал, Максим наблюдал за полковником и рыболовом. Они что-то обсуждали под деревом, на которое упал оборвавшийся канат. Вардгес тыкал удочкой в сторону кроны.

Власов уже подумывал присоединиться к ним и высказать Казаряну свои мысли относительно каната. Но тут пришла его очередь отвечать на вопросы.

Солнце в Армении садится стремительно. В ущелье быстро начало темнеть. Влажное тепло, журчание реки, хмельной аромат густых зарослей, словно по злему волшебству, мгновенно преобразились в промозглую стыть, зловещий шум и неприятный запах сырости.

Капитан поспешно завершил возню с протоколом, вручил бумаги Власову. Тот еще не успел прочитать и поставить подпись, как возвратились Казарян и Вардгес. Полковник галантно козырнул Анаит, прощально кивнул Максиму и энергичным шагом направился к ожидавшему его автомобилю.

– Я сяду в машину, – обратилась Анаит к мужчинам, – что-то меня знобит...

– Разумеется, – первым откликнулся капитан.

– Да вы вся дрожите. Часом, не простудились? – спросил Вардгес.

– Не знаю...

– Мой дом здесь поблизости, наверху. Вам обязательно надо согреться, выпить горячего чая.

– Спасибо, не стоит, – отказалась Анаит. – Лучше мы просто подвезем вас домой.

– Буду благодарен, – Вардгес тотчас открыл заднюю дверь, положил на сиденье пластиковый кофр с уловом и сам залез следом.

Максим подписал протокол, вопросительно вскинул на капитана глаза:

– Ну все? Теперь мы можем ехать?

– Да, конечно, – Симонян нагнулся к приоткрытому окну Анаит. – До свидания.

– Прощайте, – без особого дружелюбия обронила она.

16.

Завершив осмотр места происшествия, Казарян выехал из ущелья. Ему необходимо было взглянуть на опоры строительной люльки. Но главное – пообщаться с археологами, чтобы собрать максимум информации.

По компактной площадке были хаотично разбросаны разноцветные палатки. На краю пропасти два человека рассматривали поднятую люльку, опоры и канаты. Здесь, наверху, в отличие от ущелья, лишь начинало смеркаться.

В стороне группа людей что-то шумно обсуждала. Центром сборища, очевидно, был серьезный высоколобый мужчина лет шестидесяти, в брюках песочного цвета, рубашке Burberry в традиционную клетку и безрукавке со множеством карманов.

Полковник безошибочно определил, кто перед ним.

– Вы академик Шукурян? – приблизился он к возбужденной компании.

– С кем имею честь? – сквозь толстые линзы очков на полицейского устремился строгий взгляд.

– Полковник полиции Казарян.

– Да, – кивнул академик, – я понимаю... Нам, на верное, лучше пройти в палатку.

– Желательно, – подтвердил полковник.

– Потом продолжим, – бросил Шукурян компании.

Палатка примерно в десять квадратных метров была тесно заставлена столами и стульями. На всех столах, кроме одного, беспорядочно громоздились предметы, недавно извлеченные из-под земли.

– Прошу вас, – Шукурян указал на стул возле единственного свободного стола и сам сел напротив.

– Слушаю.

– Господин Шукурян, мне необходимо задать вам несколько вопросов. Постарайтесь сообщить максимум того, что вам известно о случившейся трагедии.

Академик прижал ладони к вискам и начал массировать их, словно борясь с тупой ноющей болью. В его глазах, поднятых на Казаряна, читалась искренняя растерянная печаль.

– Вы даже не представляете, какая идиотская ситуация... Мандзони предлагал, чтобы мы вместе спустились в ущелье и осмотрели якобы находящуюся там пещеру. Но, понимаете, все пещеры в районе Гарни – Гегарда давно изучены. А в здешней скале пещеры нет, это просто небольшой грот.

– Почему же вы его не отговорили?

– Пробовал. Но вы не знали Мандзони. Доводы логики на него не действовали. Он был одержим поисками сокровищ Ганнибала.

– Простите, что? Неужели вы искали здесь сокровища Ганнибала?

– Лично я – нет. Но он верил в свою идею. Все началось несколько лет назад, когда мы с Мандзони исследовали ряд пещер в этом районе. Его крайне заинтересовали рукотворные углубления в скалах. А два года назад мы встретились на симпозиуме, и он изложил мне свою гипотезу. Дело в том, что большинство пещер вырублены в период третьего – первого веков до нашей эры. Ганнибал находился в Армении во втором столетии до нашей эры. Время, как видите, совпадает. Предания говорят, что карфагенский полководец обладал несметными богатствами. Историки и археологи полагают, что они

были спрятаны на северо-западе Анатолии, где Ганнибал провел остаток своих дней. Однако Мандзони сопоставил наши пещеры с периодом пребывания Ганнибала в Армении... Вы понимаете?

– Не совсем.

– Но наверняка знаете, что Арташат был построен Ганнибалом?

– Да. Город настолько понравился царю Арташесу Первому, что он перенес туда столицу и назвал ее своим именем. А римляне именовали его армянским Карфагеном.

Шукурян впервые слабо улыбнулся. Начитанный собеседник вызывал у него симпатию.

– Совершенно справедливо. Тогда вы поймете ход мыслей Мандзони. Он рассуждал так: для строительства Ганнибалу требовались различные камни. Под предлогом поиска этих камней он делал вырубку в скалах...

– То есть, по мнению итальянского профессора, Ганнибал спрятал свои сокровища в рукотворных пещерах, а затем замуровал их?

– С вами приятно общаться, – академик оживал на глазах.

– Благодарю.

– Энтузиазм Мандзони укрепился, когда я сообщил ему о захоронениях второго или первого века до нашей эры, найденных здесь, где мы с вами сейчас находимся. Он немедленно прилетел.

– Так раскопки подтверждают его точку зрения?

– Повторюсь: он был фанатично уверен в своей правоте. Дело в том, что эти захоронения, принадлежащие воинам, имеют некоторое разнообразие. Мандзони утверждает... – Шукурян запнулся, – утверждал, и это не вызывало у меня возражений, что в те далекие времена только одна армия отлича-

лась подобной пестротой, поскольку состояла в подавляющем большинстве из наемников-чужеземцев. Это, как вы понимаете, была армия Ганнибала. Но я категорически не согласен с Мандзони в том, что Ганнибал прибыл в Армению со своей армией. Конечно, его сопровождали воины, но не более того. А вот римляне на нашей территории находились. И в различных походах римской армии также принимало участие немало наемников. Мое глубокое убеждение: эти захоронения принадлежат римским легионерам. Вы можете пройти и посмотреть. Всего четыре гробницы. Три четырехугольные, одна сводчатая. Обратите внимание, не могилы, а гробницы. В таких захоранивали знатных римлян, из высшего сословия. Я более чем уверен, что в сводчатой похоронен легионер уровня центуриона. Для наемников таких гробниц не сооружали. Их просто закапывали или сжигали. И уж тем более не клали рядом с телом оружие и доспехи. Поэтому я считаю версию Мандзони необоснованной.

– Интересно. Вы были противником его гипотезы, однако все-таки с ним работали.

– Это нормально. Именно совместная работа могла разрешить наш спор.

– Я правильно вас понимаю: Ганнибал ничего в наших пещерах не прятал и искать его сокровища в Армении – напрасный труд?

Шукурян вновь улыбнулся. Излюбленный конек отвлек его от потрясений нынешнего дня, глаза за очками повеселели.

– Абсолютно точно. После поражения при Заме, где было разбито карфагенское войско и тем самым поставлена точка во Второй Пунической войне, Ганнибал некоторое время занимался государственным управлением. Вместе с тем желание возобновить

борьбу с Римом его никогда не покидало. Но слабый, не располагавший к тому времени собственным флотом, выплачивающий огромную, в десять тысяч талантов, контрибуцию Карфаген в одиночку шансов не имел. И Ганнибал налаживает тайные связи с сирийским царем Антиохом Третьим. Однако организованная ими военная кампания против Рима с треском провалилась. Рим одержал верх, заключил мир с Сирией и потребовал от Антиоха выдать Ганнибала. Вот тогда-то он, спасая свою жизнь, появился в Армении...

Шукурян перевел дух и продолжил, все более воодушевляясь:

– Я уверен, ни о каких огромных богатствах, имевшихся в тот момент при Ганнибале, не может быть и речи. Иначе он сразу направился бы к вифинскому царю Пруссию, тоже воевавшему с Римом. Ведь в конечном итоге он так и сделал. После серии блистательных полководческих побед над всемогущим Римом, последующего предательства и поражения жажда мести не покидала Ганнибала ни на минуту. Однако для войны с Римом требовались не только союзники, но и деньги. Война – дело затратное. Изучив имеющиеся документы, – правда, их ничтожно мало, – я пришел к следующему выводу. В Армению Ганнибал приехал, как говорится, «пустой». И возведение города для армянского царя было не чем иным, как способом получить весомое вознаграждение.

– Логично. Тем более, строительство во все времена приносило и побочные доходы...

– Разумеется. И чем крупнее стройка, тем она выгоднее. Еще доказательство, что Ганнибалу нужны были деньги: после Армении он является при дворе Пруссия Первого и предлагает построить новую сто-

лицу и для него. Прусий соглашается. Исторический факт: первый камень в основание города Прус заложил сам Ганнибал. Сегодня это Бурса, один из мегаполисов современной Турции. Мандзони внушил себе, будто данное строительство Ганнибал затеял, чтобы перепрятать свои сокровища в новых каменоломнях. Якобы он столкнулся с большой проблемой: приходилось каждый раз возвращаться в далекую Армению за очередной порцией золота и терять массу времени. А Вифиния находилась на северо-западе Анатолии, у пролива Босфор, значительно ближе к границам Рима.

– В таком случае почему итальянец решил искать сокровища Ганнибала здесь, у нас, а не в Турции?

– Он считал, что Ганнибал просто не успел вывезти все, ибо спустя пару лет Прусий выдал его, желая выслужиться перед римлянами. Понимая безвыходность своего положения, полководец принял яд.

– Но вы и тут не согласны с Мандзони?

– Послушайте, мир не зря считает Ганнибала великим стратегом. Он что, изначально не знал, где Армения, а где Босфор? А строительство следующего города, просто чтобы переместить сокровища, – не слишком ли хлопотно? Согласитесь, все это слабо вписывается в понятие «стратегия»...

Разгорячившийся Шукурян словно забыл о смерти своего оппонента, с жаром продолжая многолетнюю дискуссию. Полковник бросил взгляд на часы. Они провели в палатке уже более двадцати минут. Меж тем пока рассказ академика представлял ценность скорее для Казаряна-человека, нежели для Казаряна-полицейского.

– Да-а, – протянул он, – все это очень любопытно, но...

17.

Следуя подсказкам Вардгеса, Максим выехал из ущелья другой дорогой, и перед ними сразу выросло несколько двух- и трехэтажных домов, разделенных высокими каменными оградами.

– Здесь направо, – Вардгес продолжал руководить движением.

Вдалеке открылось небольшое плоскогорье, нарядное от беспорядочно раскиданных разноцветных палаток. Вдоль дороги тянулась двухметровая стена из крупных блоков коричневатого-желтого пористого туфа. За стеной словно упирались в вечернее небо стройные тополя.

– Вот мы и приехали. Здесь можно припарковаться.

– Зачем? – недоуменно спросила Анаит.

– Как зачем? Вам необходимо выпить чего-нибудь горячего, а то действительно заболите. И я не могу не воспользоваться шансом пригласить вас в гости.

– Извините, но уже поздно. После таких потрясений хочется домой...

– Даже слушать не стану, – отрезал Вардгес. – Бьюсь об заклад, наш московский гость не знает, какой вкус имеет кармрахайт.

– Спасибо, честно говоря, нет аппетита, – вступил в разговор Максим, догадываясь, что сложное название как-то связано с форелью из пластикового кофра.

– Я вас очень прошу – хотя бы чашку чая или кофе. Пожалуйста, Анаит! Все мои родные, дети, внуки – ваши поклонники. Я не смогу им объяснить, как это очаровательная Анаит Аветисян на своей

машине подвезла меня до дома, а я не пригласил ее в гости. Вы даже не представляете, что будет!

Анаит поймала себя на том, что не отказалась бы от горячего чая. Она заколебалась:

– Ну, не знаю...

Вардгес вместе с пожитками решительно полез наружу, приговаривая:

– Максим, глушите двигатель!

– Скажи, – Власов наклонился к уху Анаит, – а у вас считается нормально – вот так, не зная человека, идти к нему в гости?

– В принципе, да, – тоже шепотом ответила спутница.

– Тогда пойдем, только не очень долго. Попьем чайку и поедем в Ереван.

– Хорошо.

Рыболов тем временем уже распахнул калитку, любезно приглашая новых знакомых в свои владения.

Наверху, в отличие от ущелья, было сухо и тепло. Закатное солнце ласково золотило сад, в многоцветье которого преобладал осенний пурпур. Широкая центральная дорожка, сформированная низким кустарником, вела к двухэтажному дому. Терракотовый фасад из отшлифованного туфа гармонировал с осенней листвой. Слева, подле огромной развесистой ивы, стояла беседка, полностью увитая виноградной лозой.

– Какая прелестная беседка, – не сдержала эмоций Анаит.

Власов взгляделся: среди крупных, пятипалых, словно кисть человеческой руки, листьев светились тугие гроздья.

– Это что, настоящий виноград? – удивился Максим.

– Конечно. Он уже спелый, попробуйте.

Максим выбрал кисть, потянул, оторвал ягоду и положил в рот.

– Сладкий? – спросила Анаит.

– Да, очень вкусно.

– Ну и хорошо. Пробуйте и вы, – обратился Вардгес к Анаит, я сейчас.

Держа в руках удочку и кофр с уловом, он зашагал в сторону дома.

– Знаешь, – Власов продолжал отщипывать ягоды, – смешно признаться, но я впервые вот так ем виноград – прямо с лозы.

– А ты не хотел идти в гости, – Анаит решила чуть подколоть довольного Максима.

– Однако это не повод слишком задерживаться, – с улыбкой парировал он.

– Вы хотите остаться в беседке или пройдем в дом? – обернувшись, крикнул Вардгес.

– Сейчас в беседке приятнее, – взяла на себя решение Анаит, – такой чудный вечер. А потом не застывает?

– Там есть пледы. Вы отдыхайте! Я только заварю чай!

Анаит накинула на плечи плед, а Максим продолжал «пасться» у виноградной лозы.

– Скажи, пожалуйста, вот ты – человек известный в республике. И часто тебя зовут в гости незнакомые люди?

– В такой ультимативной форме – не припомню, но вообще – часто. А что?

– Просто у вас, действительно, очень гостеприимный народ.

– Это да! О нас по всему миру ходят легенды, – Анаит с легкой иронией улыбнулась. – Наш народ по любому поводу готов накрывать стол, и неважно

где: дома, на работе, в ресторане, хоть на обочине дороги. У нас считается, чем чаще угощаешь других, тем больше счастья и благополучия к тебе вернется.

– Интересная философия.

– Не просто философия – образ жизни. Вот ты сидишь под лозой, а ведь у нас к винограду особое отношение. На праздничном столе если нет самого винограда, то обязательно есть долма в виноградных листьях. О вине уж не говорю. Каждый армянин уверен: едва только Ной ступил на землю после потопа, то первым делом посадил виноградную лозу в Араратской долине. Раскопки свидетельствуют, что вино из винограда в Армении начали производить еще в десятом веке до нашей эры. Но самые интересные традиции нашего народа связаны со свадьбой...

– А вы никогда не задавались вопросом, – слышался голос Вардгеса, приближавшегося к беседке с подносом в руках, – почему свадьба у многих народов является главным праздником?

– Ну как почему? Это же радость... – не задумываясь, мгновенно ответила Анаит.

– А почему? Что побуждает людей различного вероисповедания, национальности, цвета кожи ликовать и радоваться на свадьбах?

Вардгес со спокойной настойчивостью задавал вопросы и одновременно расставлял на столе чашки, чайник со свежесваренным чаем, три сорта варенья в пиалах.

– Продолжение рода, – предположил Максим, раскусывая очередную сочную виноградину.

– Конечно. Но есть еще кое-что... Существует одна очень интересная притча, – Вардгес внимательно посмотрел на своих гостей и продолжил. –

После того как Бог сотворил Землю и море, флору и фауну, светила для дня и ночи, мужчину и женщину, Он собрал своих ангелов и сказал: «Все сотворено, осталось сделать последнее – спрятать главную тайну жизни».

– Надо вознести ее на вершину самой высокой горы, – предложил один из ангелов.

– Нет, – сказал Господь, – я сотворил людей по образу Своему сильными и смелыми. Рано или поздно кто-то из них поднимется на эту гору.

– Может, утаим ее на дне моря? – выступил вперед другой ангел.

– Нет, – сказал Господь, – я сотворил людей по образу Своему пытливыми и упорными. Рано или поздно кто-то сконструирует аппарат для подводного погружения, и тогда люди обнаружат нашу тайну.

– Так давайте укроем ее на другой планете, подалее от Земли! – сообразил третий ангел.

– Нет, – возразил Господь, – я сотворил людей по образу Своему очень умными. Рано или поздно они придумают корабль, чтобы путешествовать по Вселенной, ступят на эту планету и найдут спрятанную тайну.

Все предложения отметались Господом. Он уж совсем было загрустил, как вдруг самый маленький ангелочек предложил:

– А что если спрятать тайну жизни человека в самом человеке?

Бог улыбнулся и переспросил:

– Как-как? В нем самом?

– Да.

– Ты прав. Это единственное место, куда человек никогда не будет заглядывать. А если и заглянет, то в последнюю очередь.

В итоге Бог поместил неисчерпаемый источник душевных сил в сердце человека и наблюдает, как мы, люди, ищем его где угодно, только не внутри себя...

– Красивая притча, – восхитился Максим. – А вот вы, Вардгес, мудрый человек, прожили долгую жизнь. У вас получилось заглянуть в себя и познать тайну?

– Представьте себе, да, но, к сожалению, очень поздно, – с глубоким вздохом сказал Вардгес.

Лицо его потемнело, взгляд погас. Он машинально взял чашку, сделал глоток. Максим и Анаит, тронутые искренней печалью хозяина, не сговариваясь, решили помолчать.

– Мне восемьдесят восьмой год, – после паузы тихо начал Вардгес. – Шесть лет назад я потерял жену. Мы с ней прожили долгую и счастливую жизнь. Я был старше ее на десять лет и всегда считал, что первым уйду в мир иной. Но, к сожалению, случилось иначе. За эти шесть лет одиночества, не находя себе места, я понял, в чем заключается тайна жизни, спрятанная в нас Богом. Это любовь.

Вардгес снова бросил взгляд на гостей. Они внимательно слушали.

– Истинный творец, – продолжил Вардгес, – в процессе созидания вкладывает огромную любовь в свое творение. Так всегда было и всегда будет, ибо первый Творец, создавая наш мир и человека по образу Своему, делал это любя. Мироздание сотворено с любовью, и постигнуть его можно только через любовь. В любви рождаются счастливые и здоровые дети. Благодаря истинной любви человек может достичь небывалых высот в своем деле. Все великие ученые, врачи и строители, писатели и музыканты, которые оставили след в мировой истории, были

одарены Господом за безграничную любовь к делу, которому они решили посвятить жизнь. Именно тайну любви Бог спрятал в сердце каждого человека. Только любовь может сделать тебя сильным, мудрым, здоровым. И наоборот – слабым, глупым, больным, если любви нет. Любовь является опорой, фундаментом всего. Вот почему всегда и везде соединение двух любящих сердец считалось Божьей благодатью и большим праздником.

– Значит, не напрасно говорят, – с улыбкой спросила Анаит, – что браки совершаются на небесах?

– Поближе к Господу Богу, – также улыбаясь, прокомментировал Максим.

18.

...– Да, все это чрезвычайно любопытно, – повторил полковник Казарян, – но давайте уточним: когда у Мандзони возникло желание спуститься в ущелье?

– Сегодня утром, – с готовностью ответил Шукурян. – Около недели назад, когда приехал и своими глазами увидел некрополь, он безапелляционно заявил, что это воины из сопровождения Ганнибала. И лежат они здесь не просто так. Дело в том, что в древние времена, зарывая клад, над ним нередко хоронили животных, а то и людей. Причем тех самых, которые этот клад и закапывали. Таким образом освобождались от свидетелей, а заодно ставили своеобразный «замок».

– Если вдруг впоследствии случайные люди наткнутся на скелет, дальше рыть не будут.

– Совершенно верно. Вот и Мандзони считал, что под некрополем находятся сокровища Ганнибала.

Вы не представляете, каких сил мне стоило пресечь дальнейшее углубление.

– А зачем?

– Иначе мы могли уничтожить некрополь. Гробницы просто провалились бы в возникшую пустоту.

– То есть вы уверены, что под могилами ничего нет?

– Естественно.

– Я так понимаю, про пещеру, находящуюся практически под вами, Мандзони не знал?

– Как не знал? Конечно, знал и фотографии внимательно изучал. Но пещерой это нельзя назвать. Всего лишь углубление в скале, больше похожее на грот. Сегодня утром у него появились видеоматериалы этого грота, и он с возбужденной радостью стал показывать мне съемку. Там в углу есть темное пятно, ничего особенного. Утверждать, будто это проход в пещеру, – полный абсурд. Просто одержимый идеей о сокровищах Мандзони сам себя убедил, что из грота можно попасть в пространство, расположенное под некрополем.

Казарян задумался. Материала для анализа хватало.

«Почему у Шукуряна и Мандзони такие диаметрально противоположные точки зрения? Два специалиста с мировым именем могут расходиться, но не настолько же. Стоило бы действительно продолжить раскопки и все прояснить. Хотя доводы Шукуряна о возможном разрушении гробниц убедительны. И его теория о бегстве Ганнибала в Армению и строительстве города ради получения вознаграждения – тоже. Но все-таки было ощущение, будто академик чего-то не договаривает. Возможно, еще до появления Мандзони Шукурян сам проник в пространство под моги-

лами и обнаружил нечто ценное? А потом решил скрыть увиденное от посторонних глаз? Этим бы логично объяснялись его заверения, что все ерунда, под могилами ничего нет, пещеры не существует. Вряд ли Мандзони стал бы болтать попусту. У специалистов такого уровня особая интуиция. И эта интуиция подсказывала итальянцу, что сокровища Ганнибала здесь. А Шукурян, получается, делал все, чтобы коллега не мог доказать свою правоту».

– А строительная люлька – ваша, то есть вашей экспедиции? – Поскольку пауза затягивалась, полковник решил поменять тему.

– Нет. У нас нет своей люльки. Когда Мандзони решил спуститься и осмотреть грот, возник вопрос – каким образом. Привязать и спустить его одного – он не захотел. Кто-то предложил использовать люльку. Я позвонил знакомым строителям, попросил помочь. Буквально в течение часа нам ее привезли и еще за час с лишним установили.

– Но вы тем не менее вместе с Мандзони спуститься в ущелье не стали, – бросил Казарян.

– Посмотрите на меня. На мой возраст и мой живот. Мне уже обычная лестница с трудом дается, а вы говорите – в ущелье...

– Мандзони сам решил, кто будет его сопровождать?

– Первоначально у него были предпочтения. Он хотел, чтобы с ним обязательно спустился кинодокументалист из России Андрей...

– У вас в группе, – удивился Казарян, – есть кинодокументалист из России?

– Прилетел два дня назад снимать сюжет о раскопках.

– Вы его приглашали?

– Нет. У него задание от какого-то телеканала. Он говорил, от какого, – Шукурян запнулся, – но сейчас не припоминаю...

Сам факт съемок Казаряна не впечатлил: после обнаружения гробниц к раскопкам было приковано широкое внимание. Удивило другое.

– Почему Мандзони хотел спуститься с документалистом, как вы полагаете?

– Очень просто. Его уверенность в том, что сокровища Ганнибала совсем близко, стала зашкаливать. Мечтал продемонстрировать всему миру, как он проникает в пещеру и совершает бесценную находку. Так сказать, летопись триумфа. Чистой воды тщеславие.

– Вы сказали, что эти предпочтения у Мандзони были первоначально. Я правильно понимаю, что затем они изменились?

– Да. Мне удалось его убедить, что, даже если пятно в углу грота является сквозным отверстием, оно слишком маленькое и внутрь он не сможет пробраться ни при каких условиях. Так что фиксировать все это на камеру преждевременно. Он согласился. И взамен предложил отпустить с ним моего ученика и аспиранта Саркиса, самого худенького в нашей экспедиции...

У Шукуряна затуманились очки.

– Совсем молодой парень, недавно женился. Если бы отказался и не шагнул в эту злополучную люльку, был бы жив...

Академик полез в карман, достал платок, вытер прослезившиеся глаза.

Когда он успокоился, полковник, несколько минут о чем-то напряженно думавший, задал следующий вопрос.

– А кто был третьим в люлке?

– Скварчалупи.

– Итальянец?

– Да, у нас же международная экспедиция. На раскопках с самого начала работают еще двое итальянцев, парень и девушка.

– По всей видимости, кандидатура Мандзони?

– Скорее моя. Люлька-то ручная. Надо иметь силы, чтобы канат тянуть. Мандзони не молод, Саркис физически слабо развит. Скварчалупи предложил я. И, как видите, именно сила его и спасла.

– Думаю, не только сила, но и хорошая реакция. Кстати, он здесь? Я хотел бы с ним пообщаться.

– Нет. Когда его подняли, у него штаны были грязные...

– В смысле? – не понял Казарян.

– От страха испачкал брюки. Так называемая «медвежья болезнь». Состояние ужасное, весь дрожал и к тому же, извините, вонял. Я буквально минут за пять до вашего появления его отпустил.

– Отпустили? И никто из наших сотрудников с ним не общался?

– Почему – не общался? Я отправил его в гостиницу после того, как он дал показания вашему сотруднику. Не могу на него смотреть – противно. Здоровый бугай, а копни поглубже – тот еще трус.

– Можно попросить у вас список членов экспедиции?

– Конечно.

Шукурян встал и перешел к соседнему столу. Открыл тонкую пластиковую папку, выбрал из нескольких бумаг одну и вернулся на свое место.

– Пожалуйста, полный список.

Казарян пробежал глазами по распечатке: шестнадцать человек.

– Не вижу здесь документалиста.

– Так он же не является членом экспедиции. Прилетел на несколько дней.

Казарян потянулся к лежащему на столе карандашу. Внизу списка поставил цифру «17» и написал: «Андрей». Не поднимая головы, спросил:

– Как его фамилия?

– Романов.

– Ро-ма-нов... Так. И последний вопрос: кто представил вам люльку?

– Мой приятель, руководитель строительной компании. Я позвонил, и он тотчас отправил на машине люльку и двух рабочих для установки.

– Рабочие находились здесь, когда ваши коллеги спускались в ущелье?

– Нет. Установили, проверили и уехали.

– А как именно проверили?

– Сами опустились на несколько метров и поднялись.

– Разве они не должны были находиться возле работающей люльки постоянно?

– В этом не было необходимости. Управление довольно простое.

– Мне понадобится номер вашего приятеля из строительной компании.

Шукурян достал смартфон и принялся перелистывать контакты.

– Вот он. Сейчас запишу вам.

19.

Попрощавшись с академиком, Казарян вышел из палатки. Здесь его ожидала оперативная группа. В форме капитана полиции – Карен Симонян. Седой, невысокого роста, в джинсах, светлой рубашке

и темно-синем пиджаке – криминалист Бабкен Варданян. Третьим был старший лейтенант Амаяк Манукян, высокий стройный парень, однако с уже заметными залысинами.

– Ну, что у вас? – с начальственной фамильярностью поинтересовался Казарян.

– Падение люльки – результат механического повреждения каната в двух местах. Оба повреждения похожи на надрез большей части в диаметре каната. Когда ориентировочно произвели повреждение и чем именно, скажу после лабораторного анализа, – первым степенно отчитался пожилой криминалист.

– Понятно. Ты общался, – обернулся полковник к Манукяну, – с итальянцем, который...

– Так точно, – поняв с полуслова, отчеканил Манукян, – общался и составил протокол.

– И что же он говорит?

– Что постоянно находился в люльке, поскольку площадка в углублении на скале крошечная, там еле уместились профессор Мандзони и Саркис Петросян. По просьбе Мандзони Саркис пытался проникнуть в отверстие в нижней части углубления. Минут через десять-двенадцать, когда Саркис стал возвращаться, итальянец решил приготовиться к подъему. Говорит, что стоял спиной, когда Мандзони и Саркис шагнули в люльку. Потянув к себе канат, почувствовал, как люлька ушла из-под ног. В ту же секунду услышал позади крик. Считает, что сам спасся только благодаря тому, что крепко вцепился в канат. Чувствуется, натерпелся... Вонял невыносимо.

– В таком случае у меня вопрос к вам, – полковник обратился к криминалисту. – Допустим, канат был бракованный. Могли те, кто устанавливал люльку, не заметить надрез?

– Трудно сказать. Ответ можно получить после разговора с теми, кто устанавливал. Не заметить в одном месте, в принципе, возможно по невнимательности, но в двух – это уже чересчур.

– Получается, некоторое время канат выдерживал нагрузку, а затем оборвался из-за тяжести, – вслух стал рассуждать Казарян.

– Получается так, – согласился седой криминалист.

– Если кто-то целенаправленно сделал надрезы на канате после установки люльки, значит, они должны быть свежими...

– Логично, – подтвердил осторожный эксперт. – Давайтеждемся экспертизы. Я не исключаю наличия в отвесной скале острых граней, которые и срезали канат, когда люлька качалась.

– Ну что ж, версия, вполне заслуживающая внимания.

– Экспертиза покажет. Если эти срезы – от скальных пород, то небольшие частицы на оборванном канате должны остаться.

– Это понятно, – прервал эксперта Казарян, – но не будем ждать милостей от природы. Остановимся на трех возможных версиях. Бракованный канат, не замеченный при установке. Надрез каната в результате трения последнего об острый камень. И третье – злой умысел.

– Если кто-то специально повредил канат, то он мог это сделать, только находясь у опоры, державшей люльку, – высказался оперативник Манукян. – Иной возможности я не вижу.

– Пожалуй, – Казарян повернулся в сторону закрепленной опоры. – Необходимо с точностью до секунды восстановить картину, кто и как долго находился у опоры, когда археологи спустились в ущелье.

лье. Кстати, Манукян, вот тебе список всех членов археологической экспедиции... Теперь следующее. Обладатели смартфонов постоянно делают фотографии по поводу и без. Хорошо бы скопировать снимки с телефонов членов экспедиции, сделанные ими во время раскопок и особенно сегодня. Не исключаю, случайный кадр сможет стать главной уликой при расследовании дела. Пока археологи здесь, надо этим срочно заняться.

– Я вас понял.

– И еще. В конце списка я добавил имя и фамилию кинодокументалиста из России...

Упомянув об Андрее, полковник вздрогнул, словно пронзенный неожиданной мыслью. Если в беседе с Шукуряном он не придал значения персоне документалиста, то теперь у него возник настойчивый вопрос: «Каким образом за два дня знакомства Мандзони настолько сблизился с Романовым, что решил вместе с ним спускаться в ущелье? Шукурян не смог припомнить, какая телекомпания заказала сюжет об археологической экспедиции. Следовательно, она малоизвестная и потому не на слуху. Быть может, заказчиком документальных съемок был сам Мандзони? Чтобы отвести от себя возможные подозрения, обратился не к итальянским телевизионщикам, а к российским?»

– Необходимо разузнать, – продолжал Казарян, – все о Романове. От какой телекомпании он здесь находится и кто конечный заказчик сюжета о раскопках. Прилетел ли он в Армению один или с кем-то еще. А самое главное – посмотреть отснятый им видеоматериал, особенно сегодняшней. Ты все понял?

– Так точно! – отчеканил Манукян и двинулся в сторону стоящих у палатки археологов.

– Симонян, вот тебе телефон строительной компании, – Казарян передал капитану маленький клочок бумаги, где рукой Шукуряна несколько минут назад были написаны номер, имя и фамилия. – Это они предоставили люльку. Позвони и отправляйся туда. Выясни у начальства, как монтируют люльку. Возможно ли в процессе не заметить брак каната? Найди тех рабочих, кто устанавливал, осторожно переговори с ними, без особого давления. Узнав о гибели людей, они могут замолчать. Испугаются, что из них сейчас попробуют сделать «стрелочников».

– Не беспокойтесь, господин полковник, все будет как надо.

Закончив с распоряжениями, Казарян направился к опоре. Он осматривал ее так внимательно, хватался за стойки с такой силой, словно простой механизм был чудом человеческой мысли. Но голова полковника была неотступно занята одним. Его мысли упорно крутились вокруг противоречий между светиллами археологии Шукуряном и Мандзони.

«Если Шукурян, – думал он, – случайно что-то обнаружил под некрополем и скрыл эту находку от остальных, смерть Мандзони ему только на руку. Значит, он мог незаметно надрезать канат».

Капитан Симонян и криминалист Варданян подошли к полковнику:

– Да, и еще...

В кармане у Казаряна звякнул телефон. По привычной осторожности сделав пару шагов в сторону, он взглянул на текст сообщения.

– Так, мне надо срочно уезжать. Бабкен, постарайся побыстрее провести экспертизу. Завтра в девять ноль-ноль жду вас у себя с результатами.

20.

...Не прошло и десяти минут, как в беседку с подносом в руках вернулся Вардгес. Теперь на подносе были тарелки, приборы и большой судок с отварной рыбой. От судка валил умопомрачительно аппетитный пар. Максим не сдержался:

– Вардгес, неужели это та самая?

– Да, я же обещал вам. Угощайтесь.

Анаит и Максим смаковали форель, пойманную несколько часов назад. Власов не переставал расхваливать угощение.

– Теперь я понимаю, почему здесь, в Гарни, находилась резиденция армянских царей, – с довольным лицом произнес он.

– И почему же? – поинтересовалась Анаит.

– Они могли наслаждаться этим божественным вкусом каждый день.

Все трое рассмеялись.

– А вы уже видели резиденцию царей? – спросил Вардгес.

– То, что от нее осталось. Кстати, очень странно: храм сохранился, а резиденция лежит в руинах...

– Действительно, интересно. Я об этом раньше не задумывалась. Вардгес, а вы? – сказала Анаит.

– Здесь, под Гарни, 4 июня 1679 года находился эпицентр одного из самых страшных землетрясений в истории Армении. Мощность толчков достигала девяти-десяти баллов. Обрушилось множество зданий и церквей в Араратской долине. Селение Гарни тогда было практически уничтожено.

– Как? И храм?

– Да.

– Странно. Мне показалось, все камни старые, и он сохранился в своем первоначальном виде.

– Храм был восстановлен в середине прошлого века. Я прекрасно помню, как на протяжении десяти лет строители и архитекторы кропотливо трудились над восстановлением. Каждый найденный фрагмент необходимо было вернуть и приспособить на свое место. А ведь обломки приходилось разыскивать по всему ущелью. К счастью, недостающих деталей оказалось немного. Их вытачивали заново, но уже без орнамента. Была проделана невообразимая по трудности работа. Гораздо легче было бы построить новый храм, нежели восстановить этот.

– А как получилось, что языческий храм, посвященный солнечному божеству Митре, с принятием христианства был не тронут? Ведь наследие язычества уничтожалось, – продолжал допытываться Максим.

– Так и было. Когда в начале четвертого века христианство стало государственной религией, все языческие храмы в Армении снесли. На месте большинства из них появились христианские церкви. Божьей милостью храм Митре спасла сестра царя Трдата III, принявшего христианство, Хосровидухт. Поскольку храм располагался на территории летней резиденции, то его стали использовать в качестве беседки. Церковь была построена рядом.

– Вы сказали «Божьей милостью», хотя храм был языческий... – удивился Максим.

– Да, именно Божьей милостью, – с добродушной улыбкой повторил Вардгес, – вам это кажется странным?

Гость молча кивнул.

– А как вы думаете, откуда появились древние боги? – продолжал улыбаться Вардгес.

– Ну, поскольку многие природные явления не поддавались пониманию, – Максим чувствовал легкую неловкость, повторяя азы школьной программы, – и разум наших предков не мог объяснить такие явления, как гроза, землетрясение, извержение вулкана, в их сознании возникли различные боги: ветра и воды, огня и дождя. У разных народов они назывались по-разному, но суть оставалась той же.

– Потом они исчезли... – вставила Анаит.

– Бесспорно, – Максим отложил нож и вилку. – Постигая все новые тайны мироздания, люди уже не нуждались в помощи ряда богов. Так продолжалось, пока не остался один...

– Для нас это Иисус Христос, – радостно произнесла Анаит дорогое ей имя.

– Нет, – улыбнулся Максим, – до Иисуса Христа было еще много столетий. Между древними богами происходила нешуточная борьба. И в этой борьбе за верховную власть появлялись победители, которые стали называться царями богов. В Древней Греции им стал Зевс, в Древнем Риме – Юпитер, ну, а в Армении, как мне рассказывали, был Арамазд.

– Но ведь и сегодня, – спокойно начал Вардгес, – мы зачастую сталкиваемся со сверхъестественным, необъяснимым. Тем, что многими считается доказательством существования Бога.

– Вы хотите спросить, верю ли я в Бога? – уточнил Максим.

– Нет. Я и так знаю, что вы верите.

– Да, я верю в существование высшего разума. Более того, как крещеный христианин я верю, что человек – больше, чем комбинация физики и химии. Человек – духовное творение, созданное по образу и подобию Божию.

– Вот именно. Вы верите. Но в истории человечества с развитием науки немало людей перешли в стан атеистов. Именно они стали внушать всем остальным, что Бога нет. Якобы Он был придуман малограмотными дикарями, не знающими, как объяснить явления природы.

– Простите, – возразил Максим, – атеизм был известен еще в древние времена. И широко распространен в среде философов-материалистов Древней Греции, таких как Гераклит, Демокрит, тот же Эпикур.

– Правильно, как мировоззрение, отрицающее существование Бога, атеизм известен давно. Но в той же Древней Греции был Платон, утверждавший: «Бог» есть Единое Существо, обнимающее все другие и заключающее в себе причину всего, что существует на небе и на Земле. Бог есть высшая идея». Для Платона Бог есть высшая Идея всякого бытия. Он есть Великий Разум, Источник всякого разума, Солнце, светом Которого озарен мир. Бог есть совершенство. Но мне больше нравятся слова Сократа, произнесенные после объявления ему смертного приговора, – Вардгес сознательно сделал небольшую паузу. – «Теперь нам пора расстаться, мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить; но кого из нас ожидает лучшая доля, – это неизвестно никому, кроме Бога».

Максим и Анаит не сговариваясь, словно на одной волне, вообразили возможность лучшей доли после смерти...

– Однако не об этом я хотел сказать, – продолжал Вардгес. – Вы со мной согласитесь, что широкое распространение атеистическая идея получила в восемнадцатом веке. На протяжении двух столетий шла массивированная атеистическая про-

паганда, которой подверглись многие поколения. Их заставили считать, будто бы наука и религия противоречат друг другу и несовместимы. Но за последние лет приблизительно пятьдесят связь науки и религии стала поразительно тесной. Современная наука существенно изменилась, когда поняла, что наш разум не может дать окончательные ответы об устройстве мироздания, что в горизонтах познания человек ограничен. Нынешние ученые имеют гораздо больше оснований верить в Бога, нежели их коллеги сто, двести лет тому назад. Даже открытые в минувшие века законы физики сегодня свидетельствуют не только о познаваемости мироздания, но и о его управляемости, спланированности, что ли. Если бы этого не было, то наш мир был бы неорганизованным, самопроизвольным, имел случайную структуру, и называлось бы это...

– Хаосом, – Максим опередил Вардгеса.

– Совершенно верно, – Вардгес приятно порадовался тому, сколь внимательно слушает его гость, как точно употребил в речи категорию космогонии, означающую бесформенную совокупность материи и пространства. – А наш мир не просто так называется космосом. Ведь «космос» в переводе с древнегреческого – «порядок»! Одним словом, чем глубже и полнее знания человека, тем очевиднее для него существование Бога. Знание не может привести к неверию. Мое глубочайшее убеждение: единственным логичным объяснением возникновения жизни на Земле может быть только акт Творения. Помните слова Ньютона: «Чем дальше человек проникает в тайны природы, тем яснее перед ним открывается единство предвечного плана». Лучше и не скажешь.

– Вы правы, – отметила Анаит, – но тогда скажите, пожалуйста: мы видим, с одной стороны, как многие государственные деятели, известнейшие люди, различные звезды мира кино, музыки стали верующими. А с другой – повсеместно торжествует безбожие. По всему миру есть те, кто искореняет образ Божий в человеке. Сознательно уничтожают основы морали и духовности, развязывают и финансируют войны, в том числе религиозные...

– Уважаемая Анаит, с вами невозможно не согласиться. Много лет назад мне повезло встретиться с одним умнейшим человеком. Я задал ему практически такой же вопрос. Он объяснил по-своему: созданное Богом мироздание имеет баланс, без которого жизнь на Земле не смогла бы существовать. Сколько света – столько и тьмы, сколько добра – столько и зла, сколько любви – столько и ненависти, сколько жизни – столько и смерти, и так далее, и так далее. Противоположности стремятся к равновесию, тем самым рождая движение и жизнь. А затем этот человек привел мне в пример интереснейшую аллегория. Вот смотрите: в природе существуют мухи. Даже посреди благоухающего сада муха обязательно разыщет какую-нибудь нечистоту. Если вы спросите у нее, где в саду растут розы, она не сможет вам ответить, ибо не знает, что это такое. Зато охотно расскажет про помойки и туалеты. Однако есть в природе и пчелы, призвание которых – находить красивое и сладкое. Если на свалке распухнет лишь один цветок, то пчела сядет именно на него. Спросите пчелу, где поблизости выгребные ямы или навозные кучи, – она не сможет ответить. Зато всегда готова рассказать, где цветет липа, а где – клевер... Так и люди. К большому сожалению,

одни умеют видеть исключительно грязное и злое и повсюду обнаруживают нечто подобное. Кто грязен изнутри, интересуется только грязью. Если он ее не найдет, то создаст сам. Но, к нашему великому счастью, есть и другие люди. Те, кто, подобно пчелам, видит прежде всего красивое и доброе, думает о хорошем и способен разглядеть это хорошее и светлое в любой тьме. А если не будет баланса пчел и мух, то вместо космоса получится... – Вардгес лукаво посмотрел на своих гостей.

– Хаос, – с улыбкой ответила Анаит.

– Правильно!

– Хм, – усмехнулся Максим, возвращаясь к остывшей форе, – в связи с вашей притчей о пчелах и мухах я вспомнил Гоголя. В одном из его писем есть такие строки: «Кто увлечен красотами, тот не видит недостатков и прощает все; но кто озлоблен, тот постарается выкопать в нас всю дрянь и выставить ее так ярко внаружу, что поневоле ее увидишь».

21.

Полковник Казарян выехал из Гарни. На заднем сиденье служебного автомобиля он еще раз перечитал последнее смс. Взгляд его посуровел. Кустистые брови сблизились, словно две закипающие грозой тучи. Еще мгновение – раздастся гром и польхнет молния. С суровым лицом он начал набирать на экране смартфона ответный текст. Отправив сообщение, опять мысленно вернулся к беседе с Шукурьяном. Для Казаряна оставалось неуловимо подозрительным, почему академик так рьяно отрицал саму возможность того, что Ганнибал припрятал свои сокровища в Армении.

«Различные точки зрения, – рассуждал Казарян, – это нормально. На то и наука. Без споров и столкновения идей не будет прогресса. Как там у Пушкина:

О сколько нам открытий чудных

Готовят просвещенья дух

И опыт, сын ошибок трудных,

И гений, парадоксов друг,

И случай, бог изобретатель...

Но почему Шукурян абсолютно уверен, что ни пещеры, ни сокровищ не существует? Почему он, ученый, избегает опыта? А как бы я повел себя на его месте? Однозначно – спустился с Мандзони в ущелье. Нет пещеры – значит, итальянец ошибся. Пещера есть, однако она пуста – версия моего оппонента опять-таки разгромлена. При таком раскладе мой авторитет – то есть авторитет Шукуряна – резко возрастает. Ибо именно я выстроил наиболее точную историческую ретроспекцию. Странно, почему Шукурян, будучи на сто процентов уверенным в своей правоте, не обернул поиски Мандзони в свою пользу. Странно. Все-таки наиболее вероятным объяснением такого упрямства является некая информация о некрополе, точнее, о том, что находится под ним. Информация, которую Шукурян тщательно скрывает от всех».

Мысли Казаряна, завершив логический круг, зашли в тупик. Он посмотрел в окно. Машина въехала в пригород Еревана, по обочинам все чаще мелькали рекламные щиты. На одном из баннеров Казарян успел прочитать слоган: «Вы – первый, вы – победитель». Все вокруг словно нарочно напоминало полковнику о противостоянии Мандзони и Шукуряна.

– Точно, пальма первенства, – шепотом буркнул Казарян. – Кто первый откроет спрятанные две

с лишним тысячи лет назад сокровища, того и увенчают лаврами победителя.

– Господин полковник, куда едем? – спросил водитель, не получивший конкретных указаний в начале поездки.

Казарян взглянул на часы. Начало седьмого. Ему надо доложить Макаряну результаты осмотра места гибели археологов и первоначальные выводы следствия. Раздумывая, как построить разговор, Казарян решил пока не сообщать о беседе с Шукуряном, разногласиях между научными светилами и, главное, о том, что Мандзони спускался в ущелье в поисках сокровищ Ганнибала.

– Притормози где-нибудь, сейчас определимся.

Машина, проехав метров пятьдесят и миновав остановку общественного транспорта, плавно прижалась к бордюру. Не первый год работая с Казаряном, водитель знал: если начальнику требовалось поговорить по телефону конфиденциально, он просил припарковаться. Поэтому сразу после выключения двигателя шофер вышел из автомобиля.

Оставшись один, Казарян ткнул пальцем в знакомый номер и поднес аппарат к уху.

– Да, слушаю тебя, Ашот, – начальственным тоном пробасил в трубке Макарян.

– Господин полковник, я завершил осмотр места происшествия и возвращаюсь в Ереван. Когда можно явиться к вам для доклада?

«Неужели там все настолько серьезно? – лихорадочно подумал Макарян. – Иначе он доложил бы по телефону».

Казарян физически ощутил волнение руководителя и переждал паузу с чуть заметной довольной улыбкой – ему удалось создать интригу.

– Что-то серьезное? – после нескольких секунд гробового молчания выдавил Макарян.

– Нет.

– Точно?

– Абсолютно. Все, как мы с вами предполагали.

– Ну и славно, – Макарян с облегчением выдохнул.

– Разрешите подъехать? – Казарян еще раз попытался получить аудиенцию.

– Если ничего серьезного, – голос Макаряна вновь обрел командные нотки, – давай завтра. Я уже собирался выезжать.

– Слушаюсь. До свидания, господин полковник. Хорошего вечера вам!

– Спасибо, и тебе.

Казарян еще несколько минут посидел в одиночестве, обдумывая план завтрашнего доклада. Затем приоткрыл дверцу и окликнул терпеливо маячившего метрах в пяти водителя:

– Поехали!

Тот быстро сел за руль.

– Куда?

– Домой.

22.

В хорошем расположении духа Анаит и Максим отъехали от гостеприимного дома Вардгеса.

Анаит, оправившись от тягостных впечатлений, пережитых в ущелье, сидела за рулем своей серебристой «Вольво». Максим же, пропустив в беседке с хозяином несколько рюмок домашней водки, согрелся в машине и захмелел. Нет, он не был пьян, просто им овладело прекрасное беззаботное на-

строение. И так же, как его спутнице, трагические события прошедшего дня стали казаться Власову далекими и неправдоподобными.

Полчаса назад, когда гости встали из-за стола, Вардгес мягко остановил Анаит:

– Прежде чем вы уедете, хочу вам подарить кое-что.

И, не дожидаясь ответа, быстро зашагал в сторону дома.

– Удивительный человек. Зазвал к себе в дом, накормил, напоил, а теперь еще и подарок... Не перестаю поражаться гостеприимству вашего народа, – растроганным полупшепотом сказал Максим.

– Вот, – Вардгес вернулся, держа в руках небольшую рамку, обтянутую черным бархатом. В центре рамки был бронзовый барельеф – голова женщины с волнистыми волосами.

Хозяин протянул рамку гостю.

– Богиня Анаит, – еле слышно определила она.

– Вам нравится?

– Очень. Какое реалистическое изображение. Словно живая женщина. Спасибо!

– Можно посмотреть? – поинтересовался Максим.

– Да, конечно, – Анаит передала подарок Власову.

– Ого, тяжелая. Вы говорите, кто это?

– Богиня Анаит! – уже громче повторила его спутница.

– Анаит, – Вардгес повернулся к Максиму, – считалась главной в древнеармянском государстве, она же богиня-мать, богиня плодородия и любви. Ряд историков называют ее Великой госпожой, покровительницей и защитницей Армянской земли. Анаит была известна под эпитетами «Великая Царица»,

«Златорожденная», «Золотая мать». А теперь, уважаемый Максим, посмотрите внимательно на ее лицо, — Вардгес сделал паузу. — Никого не напоминает?

Власов пристально взгляделся в барельеф.

— Ну как?

— Вы знаете, нечто знакомое ощущается, но точнее сказать не могу...

— Вас сбивает знание того, что это античная богиня. Постарайтесь абстрагироваться.

Максим поднял голову, задумчиво посмотрел на Анаит, и по его телу вдруг пробежали мурашки. Он понял: эти тезки — античная богиня и Анаит Аветисян — практически одно лицо.

— Хм, а ведь действительно... — вслух поразился Власов.

— Правда похожи? — улыбался Вардгес.

— Очень! — подтвердил Максим.

Смущенная Анаит молчала, не совсем понимая, о чем говорят мужчины.

Пару лет назад, — Вардгес повернулся к Анаит, — со мной произошел забавный случай. Я занимался домашними делами, гладил белье и, чтобы не было скучно, включил телевизор. Шла какая-то передача о чем-то мне совершенно неизвестном, да и неинтересном. Решил доглядить рубашку и сразу переключить канал. Как вдруг — слышу приятный, интеллигентный женский голос. Спокойно, уравновешенно, доброжелательно он произносит слова, которые сразу попадают в душу. Я поразился. Поднимаю голову — на экране симпатичная, чтобы не сказать красивая, женщина. Золотистые волосы, умные карие глаза, чувство собственного достоинства в каждом жесте. И вот, эта женщина каждым словом, словно мощнейший магнит, притягивает все мое внимание. Она четко разложила причинно-след-

ственную связь событий, которые там обсуждались, очень корректно и внятно предложила простые, но вместе с тем мудрые решения. Я смотрел и поражался: ибо, чтобы так говорить, необходимо так думать, а для того чтобы так думать, требуются большое сердце с огромным запасом любви, чистота помыслов и благородная душа. Я вглядывался в ее лицо и видел что-то неуловимо знакомое. На противоположной от телевизора стене, среди фотографий и портретов, было и вот это изображение, — Вардгес указал на бронзовый барельеф. — Помню, как я тогда поразился сходству. На экране тоже была богиня — мудрости и любви...

Максим сразу понял, о ком говорит хозяин дома. Ведь он и сам испытал накануне те же переживания, ощутив на себе магическую силу Анаит, выступавшей с трибуны конференции.

Мне страстно захотелось узнать, кто эта женщина, — продолжал рассказывать Вардгес. — И в этот момент появился титр: «Главный редактор газеты «Мшакуйт» Анаит Аветисян». Анаит! Я даже задрожал от волнения. Возникло ощущение, будто богиня спустилась на землю и сейчас находится в студии, перед телекамерами. А самым поразительным было сочетание имени и фамилии.

Вардгес повернулся в сторону Максима и разъяснил:

— Аветисян происходит от слова «аветис» — что означает «благовест».

Настала пора прощаться. Старик пожал руку Максиму. Анаит, немного смутившись, тоже протянула свою ладонь. Вардгес наклонился, поцеловал ее и произнес:

— Анаит Аветисян — богиня, несущая благую весть. Спасибо вам за то, что посетили мой дом!

Теперь, сидя на пассажирском сиденье, Максим держал в руках подарок Вардгеса. Он то и дело переводил взгляд с бронзовой женщины на живую и обратно, не переставая изумляться сходству.

– Удивительно, – выдохнул он наконец, – просто какая-то мистика.

– Что именно? – не поняла Анаит, поскольку была полностью сосредоточена на дороге. Вождение в темное время суток всегда ее нервировало.

– Насколько все похоже. Ты и это изображение. То, что рассказывал нам Вардгес, и мои впечатления от тебя вчера, на конференции... Аветис – благовест. Действительно, Вардгес прав: ты богиня, несущая благую весть.

– Мне, конечно, приятно это слышать, но, боюсь, вы оба меня переоцениваете, – улыбнулась Анаит.

– Напрасно боишься. Вардгес – мудрейший человек, с большим жизненным опытом. И сильный духом. Такие говорят все, что думают, – у Максима слегка заплетался язык. – За несколько часов общения с ним могу твердо заявить – в отношении тебя он прав.

– А в остальном? Мы ведь о многом говорили... – Анаит только сейчас почувствовала, что ее спутник подшофе.

– Да-а, – протянул Власов, – интересный собеседник. Кладезь знаний и мудрости. Здорово, что мы с ним познакомились. Правда?

– Конечно. Хотя кое-кто не хотел идти в гости и всячески сопротивлялся...

Анаит мягко притормозила.

– Ну, кто же мог знать, – Максим комически развел руками, признавая собственную неправоту. – А зачем мы остановились?

– Приехали.

– Так быстро? Может, по чашке чая? Или вашего армянского кофе?

– Давай отложим до завтра. Сегодня был на редкость тяжелый день, – Анаит помрачнела, вернувшись мыслями к разбившимся археологам. – Я очень устала, да и поздно уже.

– Понимаю, – Максим мгновенно отрезвел, также вспомнив трагические события дня. – Значит, увидимся завтра? Тогда спокойной ночи...

Власов склонился к женщине с намерением прижаться губами к ее щеке. Но она правой рукой перехватила повыше руль, отстранилась и улыбнулась:

– Спокойной ночи. Утром созвонимся.

23.

После гибели профессора Мандзони и сопровождавшего его молодого археолога Эндрю, воспользовавшись первой возможностью, отправил сообщение тому полицейскому, которого рекомендовал Баух. Полицейский нехотя откликнулся. В его смс содержалась информация о месте и времени встречи.

Был десятый час вечера. В одном из тихих переулков в центре Еревана вдоль слабо освещенных тротуаров остывали от дневной работы припаркованные автомобили. Лишь в черном внедорожнике, за чуть приспущенными тонированными стеклами угадывались двое мужчин. В темноте не было видно их лиц, голоса звучали приглушенно, и случайный прохожий ничего не смог бы разобрать.

– Неужели была такая острая необходимость – уронить люльку и убить людей? – спросил полицейский.

– Представьте себе, да.

– И что вы хотите?

– Во время работы археологической экспедиции каждую ночь, в соответствии с графиком дежурств, члены экспедиции попарно оставались на объекте, выполняя функцию охраны. Так вот, сегодня один из археологов сказал мне, что ближайшие три дня работы проводиться не будут. Нечто вроде траура. Мне бы хотелось знать, насколько точна эта информация. А также: если археологов не будет, могут ли там находиться сотрудники органов внутренних дел, чтобы охранять раскопки?

– По поводу траура не знаю, хотя почему бы нет? Что касается охраны объекта, – собеседник задумался, – завтра с утра посмотрю, что можно сделать. Но я не совсем понимаю, для чего вам охрана.

– Действительно, не понимаете. Как раз охрана мне и не нужна.

Полицейский повернул голову и постарался в темноте нащупать взглядом глаза Эндрю.

– Мне необходимо проникнуть в пещеру. Времени в обрез. Не более двух-трех дней.

– В ту пещеру, куда спускались погибшие?

– Да, – отрезал Эндрю.

У него имелось несколько вариантов действий. Однако обязательным условием каждого варианта была полная секретность. Он должен быть один. Любой посторонний глаз уничтожал его планы на корню. Чтобы просто спуститься по скале в пещеру, его навыков альпиниста хватало вполне. Но Эндрю хотел сразу вынести из пещеры все, что там находится. А для этого лучшим инструментом могла служить строительная люлька. Та, установленная над пещерой, его же стараниями была приведена в негодность. Поскольку в работе экспедиции был объ-

явлен перерыв, Эндрю получил шанс восстановить рабочее состояние механизма, но его появление на территории раскопок вызвало бы массу вопросов у охраны.

И вот теперь, в машине, Эндрю озарило: заново установить люльку могут сотрудники полиции – под предлогом проведения следственного эксперимента. Эти соображения он высказал вслух.

Баух не преувеличивал умственные способности «серьезного чина». Тот схватывал все на лету. Его волновало упорное желание собеседника попасть в пещеру. Это могло быть связано только с убежденностью, что игра стоит свеч. Хороший оперативник, он держал в уме всю картину происходящего. Однако свои личные интересы привык ставить на первое место. И сейчас соображал, как бы не подешевить и получить возможно больше за любую помощь, которую придется оказать.

– Вы считаете, в пещере находится нечто ценное, так?

– Есть некоторые предположения, – Эндрю решил быть в меру откровенным. – Вход завален камнями. Однако существует небольшое отверстие. Молодой археолог был худым и ему удалось пролезть внутрь...

– Который разбился?

– Да. Он проник в лаз, правда, совсем неглубоко и направил туда видеорегиистратор. На изображении можно что-то разглядеть...

– Чувствуется, вы настроены оптимистично.

– В противном случае мы бы с вами сейчас не разговаривали, – уклончиво подтвердил Эндрю. – Кстати, мне еще понадобятся пластит и детонатор. Пещера завалена камнями, необходимо расширить лаз.

– Ну, это непросто, – протянул полицейский, откровенно повышая свои ставки.

– Для вас, полковника полиции...

Полицейский не увидел ироничную улыбку, но ощутил ее в голосе.

У Эндрю оставалась еще пара вопросов. Прежде всего – когда гроб с телом Мандзони будет отправлен в Италию. От этого зависело время спуска. Однако раскрывать свой план, а тем паче – истинную цель поисков, Эндрю в данный момент не собирался.

– Понимаю, что еще рано об этом говорить, но вы сможете узнать точную дату и время отправки тела Мандзони в Италию?

– Думаю, смогу.

– Прекрасно. Сразу сообщите мне.

– Хорошо.

– И последнее, – Эндрю достал свой смартфон, открыл фото и показал полицейскому. – Что здесь написано?

На снимке было скошенное изображение каменной плиты с надписью. Взяв аппарат, полицейский стал пристально всматриваться в изображение.

– Не знаю...

– Никаких предположений?

– Нет. Но явно что-то древнее. Вам лучше заехать в Матенадаран.

– Куда?

– Матенадаран, институт и хранилище древних рукописей. Там вам помогут.

– А где он находится? В Ереване?

– Да, недалеко отсюда. Практически в центре города.

Они сухо простились, не подавая друг другу руки.

24.

Максим стоял под душем, ощущая, как с потоком воды уходят усталость и напряжение. День, начинавшийся сказочно, с отменно теплой осенней погодой и интереснейшей экскурсией по историческим жемчужинам Армении, был омрачен гибелью людей, случившейся прямо у них с Анаит на глазах. Власову необходимо было буквально смыть негатив, давивший на него последние несколько часов. Он повернул регулятор в сторону горячей воды и, почти обжигаясь, прогрел тело не хуже, чем в русской бане. Затем резко вывернул кран обратно – вспоминая, как, бывало, из жаркой парилки нырял в холодную купель. Повторив контраст температур еще пару раз, Максим, будто заново рожденный и уже совершенно трезвый, завернувшись в белый махровый халат, вышел из ванной.

Кровать в комнате была завалена наспех сброшенной одеждой. Власов слегка поморщился и принялся за уборку. Взял ветровку, чтобы повесить в шкаф, но вдруг почувствовал тяжесть в правом кармане. Потрогав ткань снаружи, нащупал прямоугольный плоский предмет. Телефон? Чей? Откуда взялся? Его собственный аппарат мирно заряжался на прикроватной тумбочке. Максим стал напрягать память, рассматривая смартфон, как две капли воды похожий на свой. Этот, на первый взгляд, не подавал признаков жизни. Стекло покрывала сетка трещин. Власов безрезультатно нажимал кнопку включения – экран оставался темным. Сломан или просто разряжен?

Максим освободил зарядное устройство и подключил к нему находку. Надо было немного подождать.

«Чей же это телефон и как он оказался у меня?»

Первое, что пришло в голову: смартфон принадлежит Анаит. Где, когда, при каких обстоятельствах он попал в карман к Власову – версий не было. Однако, поскольку в доме Вардгеса московский гость приналег на абрикосовую, вполне возможно, что эпизод передачи не зафиксировался сознанием. А вдруг экран треснул уже у него в куртке? Получается, Анаит – правда, непонятно зачем – доверила ему свой смартфон, а он его сломал.

«Надо завтра же, – решил Максим, – купить ей хороший новый аппарат».

Странная история с телефоном лишила Максима умиротворенности. Он открыл мини-бар, взял бутылочку коньяка, пакетик арахиса. Залпом осушил бутылочку, бросил в рот пару соленых орехов и вернулся к тумбочке – загадочный смартфон притягивал. Не отключая провод питания, Максим снова на несколько секунд прижал кнопку. Неожиданно экран засветился. Динамик издал хрипловатые прерывистые звуки. Затем возникла смазанная картинка. Несмотря на расколотое стекло, было ясно – это заставка.

Максим стал осторожно двигать указательным пальцем по экрану и затрепетал от радости, когда проступили окошечки меню. Нажал иконку «Галерея». Возникли ряды фотографий. Все изображения были черными, лишь на одном угадывались проблески. Не успел Максим открыть хотя бы один из снимков, как экран вновь потемнел и погас.

Более полчаса Власов старался повторно оживить аппарат. Однако все попытки оказались тщетными. Нехотя оставив таинственную находку в покое, он выключил свет и забрался под одеяло.

Досада не давала уснуть, и Максим стал перебирать в памяти подробности утренней поездки. Перед его глазами возник монастырь Гегард на склоне отвесных скал, врезающихся в синеву неба... Величественный языческий храм Гарни, украшенный многоцветьем золотой осени... Ущелье с тянущимися вверх базальтовыми пяти- и шестигранными призмами, – словно огромный орган, на котором сама природа исполняет вечную симфонию камня...

– И смерть археологов, – прошептал Максим.

Вдруг его озарило. Берег. Река. Парень, которого он вытаскивает из воды, надеясь спасти. Телефон на песке рядом с телом.

Максим даже подпрыгнул в кровати. Он вспомнил, как положил аппарат в карман, приняв за свой, случайно выпавший из куртки. Теперь понятно: смартфон принадлежал несчастному молодому археологу.

«Интересно, что у него там за темные фотографии. Не исключено, он сделал их перед смертью – в пещере, о которой говорил Андрей. Необходимо завтра же найти сервисный центр и срочно починить смартфон. Последняя съемка может дать ценнейшую информацию».

Удовлетворенность от разгаданного секрета снова расслабила Максима. Он стал думать про Анаит и, разнеженный, улыбающийся, вскоре крепко заснул.

25.

Ровно в девять часов эксперт-криминалист Бабкен Варданян постучался в кабинет полковника Казаряна и приоткрыл дверь.

– Доброе утро, господин полковник, разрешите? – спокойно, без особого чиновничества произнес он.

– Здравствуйте! – тут же поднял голову Казарян. – Я вас очень ждал, проходите.

Седовласый Бабкен Варданян был скорее стройным, чем худым. Он всю жизнь активно занимался спортом и даже сейчас, несмотря на свои без малого шестьдесят лет, по выходным гонял мяч на стадионе наравне с молодежью. Футбол он любил больше всего на свете. Футбол и свою работу. Полицейские приходили и уходили, начальники менялись, а Бабкен Варданян невозмутимо и безукоризненно выполнял скрупулезную работу криминалиста вот уже на протяжении сорока лет. Сотрудники уважали его за профессионализм, отзывчивость и благородство и, независимо от возраста и звания, обращались к нему на «вы».

– Присаживайтесь, – предложил Казарян.

– Благодарю.

– Итак, что скажете?

– Явный свежий надрез острым металлическим предметом, возможно, небольшим ножом.

Криминалист протянул Казаряну лист с результатами экспертизы. Полковник быстро просмотрел бумагу, откинулся на спинку кресла и, нахмурившись, о чем-то задумался.

– Выходит, гибель археологов не случайность, – в конце концов произнес он.

– Выходит, так, – подтвердил Варданян.

– Значит, это кто-то из археологической экспедиции... Как думаете, есть ли необходимость проводить следственный эксперимент?

– По большому счету и так понятно: тот, кто сделал надрез, находился возле опоры. Но меня немного смущает расстояние между надрезами.

– То есть?

– Канат повредили в двух местах, причем достаточно далеко друг от друга.

– Не совсем понимаю, – сдвинул брови полковник.

– Я полагаю, это было сделано потому, что после первого надреза люлька не сорвалась...

– И тогда, – продолжил Казарян, прищурившись, – кто-то сделал второй?

– Так точно, – кивнул эксперт. – По всей видимости, канат сначала повредили, когда люлька еще была наверху, а затем – когда она уже находилась в ущелье. Только так я могу объяснить такое расстояние между двумя надрезами.

– Очень интересно. Зачем же понадобился второй надрез? Ведь в конечном счете канат лопнул именно в этих двух местах.

– Думаю, злоумышленнику, – неторопливо проговорил Бабкен Варданян, – кое-что помешало. Люлька начала спускаться, а потом остановилась, но все не обрывалась. Дело в том, что ее вес уменьшился, ведь археологи перебрались из нее в скальную нишу. Преступник же подумал, что люлька не падает из-за недостаточного надреза, и решил сделать еще один. И вот как только археологи загрузились обратно в люльку, канат лопнул в двух местах сразу.

Казарян вновь задумался, по своему обыкновению уставившись в одну точку. На этот раз его взгляд приковал кончик остро заточенного карандаша.

– А если кому-то из строительной компании просто понадобился кусок каната, и он решил отрезать его от бухты на складе? Только почему-то не закончил начатое дело. Вы же не можете с точностью до

двух-трех дней определить, когда был сделан надрез.

– С точностью даже до недели практически невозможно, – повел плечом криминалист. – В данной версии смущает одно: если нужен кусок каната, зачем брать его из середины бухты? Гораздо проще отрезать от любого конца...

– С точки зрения логики – да. Но мы, к сожалению, часто имеем дело именно с нелогичным поведением.

– Поэтому необходим следственный эксперимент.

– Да-а, необходим, – вздохнул полковник.

Быстро что-то обдумав, Казарян протянул руку к коммутатору и нажал одну из кнопок.

– Рузанна, найдите мне срочно Симоняна.

Несколько секунд спустя из динамика коммутатора послышался голос секретаря Казаряна:

– Господин полковник, капитан Симонян.

Казарян взял трубку и приложил к уху.

– Карен, здравствуй. Ты где? Очень хорошо! Экспертиза подтвердила свежие надрезы на канате, так что необходимо осмотреть место, где находилась люлька, опоры и канаты. Это закрытый склад или проходной двор, где разгуливают все кому не лень?

Криминалист отметил про себя, что Казарян все-таки решил не сбрасывать со счетов версию повреждения каната в строительной компании.

– Далее, – продолжал полковник. – Возьми рабочих, которые устанавливали люльку, и все необходимое для следственного эксперимента и приезжай в Гарни. Когда ты там сможешь быть? В таком случае, как только будешь выезжать, позвони Варданяну, чтобы он выдвигался к вам. Все, действуй.

Казарян положил трубку и посмотрел на криминалиста.

– Симонян как раз находится в строительной компании, которая предоставила эту злосчастную люльку. Ориентировочно через час он с рабочими поедет в сторону Гарни. Он вам позвонит. Возьмите мою машину и тоже отправляйтесь туда.

– Спасибо за машину, – признательно улыбнулся Варданян. – Если больше нет вопросов...

– Да, конечно.

Бабкен Варданян встал из-за стола, придвинул стул и не спеша зашагал к двери. Не успел он выйти из кабинета, как Казарян окликнул:

– И большая просьба: не сообщайте результаты следственного эксперимента по телефону. Когда приедете, тогда и разберемся.

– Ясно, – криминалист вновь улыбнулся и закрыл за собой дверь.

Оставшись один, Казарян принялся расхаживать по кабинету. Его тревожил предстоящий разговор с Макаряном. Еще вчера вечером он выстроил план доклада, но после получения данных экспертизы определенно было над чем подумать. Сценарий разговора с начальством нуждался в существенных дополнениях, а времени оставалось мало. Договоренность утром доложить Макаряну о ходе расследования висела над полковником как дамоклов меч. Сделав еще несколько кругов по кабинету, Казарян вернулся к своему рабочему столу.

– Рузанна, приготовь, пожалуйста, кофе и узнай, Макарян на месте? И найди мне Манукяна, – попросил полковник в коммутатор.

Мысли разбегались, нужный вариант никак не находился. Давно бросивший курение Казарян достал из среднего ящика стола пачку сигарет и зажигалку.

Прикурив, он прищурился от глубокой затыжки, закашлялся и раздраженно потушил сигарету.

В дверь коротко постучали, и тут же в кабинет вошла невысокая симпатичная женщина лет тридцати, с большими карими глазами и темными волосами, спадающими на плечи. Она держала в руках чашку.

– Вы же не курите... – Рузанна укоризненно покачала головой.

За ней в кабинет шагнул Манукян в темно-сером костюме и светлой рубашке с расстегнутым воротом.

– С вами не только закуришь, – Казарян вымучил улыбку.

– Господин полковник, Макаряна нет. Секретарь сказала, он будет часа через полтора. Ваш кофе.

– Попроси, чтобы дали знать, как придет.

– Есть, – отозвалась Рузанна и вышла из кабинета.

– Что стоишь как незванный гость? – бросил полковник Манукяну. – Проходи, присаживайся.

– Здравия желаю! – по-военному отчеканил молодой оперативник.

– Ну, что там у тебя? – спросил Казарян, словно не он сам искал подчиненного.

– Вчера, как вы сказали, я перекинул все фотографии из телефонов археологов на планшет.

Манукян открыл планшет, протянул его полковнику, и тот перелистнул несколько кадров.

– Здесь на фотографиях все члены экспедиции?

– Так точно. Все файлы я разложил по папкам. Один член археологической экспедиции – одна папка. Так как есть групповые снимки, они дублируются в соответствующих папках.

– Молодец, это ты хорошо придумал, – похвалил Казарян оперативника. – А что с кинодокументалистом, он у тебя здесь тоже есть?

– Да, конечно, вот его папка. Я вчера общался с этим Андреем, но он отказался передать мне отснятые материалы, только на экране продемонстрировал. Вообще у него было плохое настроение.

– Да понятно, люди же погибли.

– Вы знаете, не только из-за этого. Оказывается, он снимал спуск археологов в ущелье квадрокоптером. В том числе как они выбрались из люльки ко входу в пещеру.

– Это уже интереснее! – оживился полковник. – Ты видел весь материал?

– К сожалению, есть только часть видео, самое начало.

– В смысле? – озадаченно поднял брови Казарян. – Как это – начало?

– Дело в том, что, когда археологи еще находились в углублении скалы, квадрокоптер камнем упал вниз.

– Почему? Управление подвело?

– Вряд ли, – покачал головой молодой оперативник. – Андрей уже несколько лет использует квадрокоптеры во время съемок, и такое у него случилось в первый раз. Он мне также рассказал, что после падения археологов он и еще три члена экспедиции тут же спустились в ущелье на машине. Квадрокоптер как сквозь землю провалился.

– Он вполне мог упасть в реку.

– Скорее всего. Иначе хоть какие-нибудь детали, да нашлись бы.

– Значит, у Андрея было плохое настроение из-за какого-то потерянного квадрокоптера? – хмыкнул Казарян.

– Так точно. Дело в том, что вся аппаратура для съемок принадлежат заказчику, и за потерю оборудования с документалиста вычтут его стоимость.

– Они же недорогие, эти вертолеты...
– Не совсем. Я специально посмотрел: квадрокоптеры для профессиональной съемки стоят от трех до десяти тысяч долларов, – веско проговорил Манукян. – Андрей сказал, что тот квадрокоптер, которым он пользовался, стоит около семи тысяч долларов.

– Не дешевый, – кивнул Казарян и бросил взгляд на планшет с фотографиями.

Полковник все это время не переставал обдумывать разговор с Макаряном, но общение с молодым оперативником мешало ему сосредоточиться.

– Давай сделаем так. Мне сейчас надо к начальству, а потом мы с тобой вернемся к фотографиям. Кстати, ты выяснил, этот Андрей прилетел в Армению один?

– Скоро выясню, господин полковник.

– Хорошо, но поторопись к моему возвращению от Макаряна. Все, свободен.

Оставшись в кабинете один, Казарян наконец сделал глоток кофе и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

«Прекрасно. Вот теперь можно все спокойно обдумать».

26.

В начале десятого Анаит, как гостеприимная армянка, сама позвонила Максиму. После воспоминаний о вчерашнем дне Максим рассказал о смартфоне погибшего парня и необходимости найти мастерскую для ремонта. Власов был крайне удивлен тем, как восприняла эту информацию Анаит. Она сказала, что у нее есть знакомый мастер и что

через тридцать минут она будет ждать его у входа в гостиницу.

Анаит сегодня была в светлом. Пудровые джинсы и хлопковый кардиган нежного оттенка чайной розы подчеркивали фигуру. Так же, как вчерашний темно-бирюзовый наряд, розовый очень гармонировал с лицом, волосами, прической. Власов же в силу небольшого выбора был одет как в первый вечер их знакомства: светло-бежевые брюки, голубая рубашка и темно-синий блейзер.

– Сразу починить не получится, – объявил вердикт мастер по ремонту.

– А сколько времени вам требуется? – раздраженно спросила Анаит.

– Думаю, дня три-четыре.

– Нам надо срочно! – в ее голосе зазвучала мольба.

– У нас нет необходимых деталей, придется заказывать. Так что срочно никак не получится.

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? – вступил в разговор Максим.

Его очень удручало такое положение дел: столько времени у него не было, он возвращался в Москву в воскресенье, через три дня.

– К сожалению, – сочувственно сказал мастер...

– А где можно купить к нему необходимые запчасти? Мы бы сейчас поехали и привезли. У ваших коллег найдутся?

– Честно говоря, модель старая, даже не знаю, у кого могут быть к нему запчасти. Надо спрашивать, искать. А зачем вам этот старый телефон?

– Вы понимаете... – Максим помедлил, подбирая нужные слова. – У меня там номера, которые необходимы сейчас.

– У вас есть другой телефон?

– Да, вот он, – Власов достал из кармана смартфон.

– Я могу с этого телефона, – мастер приподнял на ладони неисправный аппарат, – все номера перенести в компьютер, а с компьютера – в ваш телефон.

Максим и Анаит переглянулись. Они даже не предполагали возможность подобного решения проблемы.

– Простите, а фотографии... – Власов запнулся. – Фотографии тоже можно?

– Да, конечно. Дайте ваш телефон.

Максим отдал мастеру смартфон. Коснувшись несколько раз экрана, мастер сказал:

– Памяти разве что маловато. Я вам на всякий случай поставлю дополнительную карту памяти.

– Делайте, как считаете нужным, – с явным облегчением одобрил Максим.

27.

Получив обратно смартфон, Анаит и Максим направились в кафе неподалеку от мастерской. Сев за столик и заказав по чашке кофе, они с нетерпением принялись разглядывать фотографии. В основном это были снимки, связанные с экспедицией и раскопками. Особое внимание Анаит и Максим уделили последним кадрам, сделанным в день гибели археологов. На трех были очень темные изображения.

– Это, по всей видимости, пещера и случайные снимки, – констатировал Максим. – А вот здесь, смотри, что-то есть.

Власов большим и указательным пальцами растянул картинку. Серый прямоугольник в центре снимка увеличился.

– Что это? – Анаит низко склонилась над экраном.

Максим еще раз развел пальцы. На экране появилось не слишком качественное, но вполне отчетливое изображение.

– Похоже на каменную плиту, – проговорила Анаит.

– Да. Смотри, на ней что-то написано.

– Точно. Слушай, может, на другом снимке получилось более четко?

Но следующий кадр оказался совсем расплывчатым.

– Должно быть, рука дрогнула.

– Да, – с сожалением согласилась Анаит. – Давай назад.

Максим открыл предыдущий снимок и вновь стал увеличивать масштаб.

– Стоп! – вскрикнула Анаит, – тут армянские буквы.

Максим передал смартфон Анаит. Она долго всматривалась в фотографию, периодически то увеличивая, то уменьшая изображение.

– Непонятно, – наконец прошептала Анаит, – изображение сделано под углом, и как будто армянские буквы, но только вот эти, – она пальцем указала на две буквы, – а остальные не знаю. В армянском алфавите таких нет.

– Может, это старинное написание?

– Не думаю. Они не похожи ни на какие существующие буквы.

– Ты можешь догадаться, что здесь написано?

– Нет, какая-то абракадабра получается.

Максим стал перелистывать фотографии в надежде найти еще что-то интересное, не замеченное при первом просмотре, но его внимание ничего больше не привлекло.

– Мне кажется, – задумчиво сказала Анаит, когда экран смартфона вновь показал каменную плиту, – это какая-то древняя надпись.

– Но не армянская?

– Не знаю.

– Вчера Андрей сказал, что археологи спускались в ущелье, чтобы попасть в пещеру в отвесной скале. Получается, разбившийся парень сделал эти снимки как раз перед тем, как погибнуть.

Размышляя о последних фотографиях археолога, Максим вспомнил про канат на кроне дерева.

– Я не исключаю вероятность не случайной гибели археологов, а преднамеренного убийства.

– Что?! У тебя есть основания?

– Представь себе, да. На дерево под люлькой упал кусок каната, и его концы были обрезаны. Во всяком случае мне так показалось. К сожалению, точно утверждать я не возьмусь. Только экспертиза способна установить, в каком месте был срезан канат и чем именно. Так что мои доводы могут быть ошибочными...

– Но если они не ошибочны, логически следует, что гибель археологов связана с пещерой, в которую они спустились.

Максим усмехнулся.

– Ты словно мисс Марпл из рассказов Агаты Кристи.

– И нечего хихикать, – нахмурилась Анаит.

– Не обижайся. Давай подумаем вместе. Допустим, трагедия произошла из-за посещения пещеры. Сама по себе пещера интереса представлять не может. Согласна?

– Да.

– Интерес может представлять только то, что находится в пещере. Так?

– Да.

– А в пещере находится каменная плита с непонятной нам надписью.

Анаит задумалась, закусив губу.

– Парень не просто так, – продолжал Максим, – сфотографировал эту плиту.

Девушка-официантка принесла две чашки кофе, поставила на стол.

Максим снова увеличил фотографию, всматриваясь в детали.

Анаит, убедившись, что официантка отвернулась, положила свою ладонь на руку Максима:

– Но откуда он мог знать, что надпись древняя?

– Парень был археологом. А древность – это специальность археологов.

– Вообще-то логично, – согласилась Анаит.

– Здесь явно что-то кроется, – задумчиво сказал Максим.

Ощущение, что все их рассуждения ведут в тупик, заставило собеседников пить кофе в молчании.

– Слушай, чего мы зря голову ломаем? – Анаит чуть не подпрыгнула на стуле.

– То есть?

– В десяти-пятнадцати минутах ходьбы отсюда находится Матенадаран.

– Что-то знакомое. Я слышал...

– Это хранилище древних рукописей. Там работает подруга моей мамы. Она однозначно подскажет нам специалиста по древним языкам.

– Так чего мы ждем? – Максим был готов буквально лететь в Матенадаран.

– Секунду, – Анаит достала из сумочки телефон и принялась нажимать кнопки. – Алло, мама! Дай мне, пожалуйста, номер Гаяне. Да. Хочу Максиму показать Матенадаран.

При последних словах Анаит Максим сделал глубокий вдох и долгий выдох. Было ясно, что Анаит рассказывала матери о нем. В противном случае она не называла бы его имя. Доверительные, открытые, теплые отношения между дочерью и матерью подтверждали уже отмеченную Максимом душевную чистоту Анаит. В ней был тот внутренний стержень, который дает силу, не стесняясь, делиться чем-то важным. Максиму было чрезвычайно приятно, что Анаит говорила о нем с самым родным ей человеком.

– А лучше Гаяне это никто не сделает, – продолжила говорить по телефону Анаит. – Да, я запомню. Хорошо, спасибо. Пока.

Она нажала отбой и тут же стала набирать по памяти номер.

– Главное, чтобы она была на работе, – пробормотала Анаит. – Алло, Гаяне, здравствуйте, как вы? Ничего, спасибо. Вы на работе? Ой, как хорошо, я хочу к вам зайти с моим гостем из Москвы. Нет. Не только посмотреть. Есть один вопрос. Отлично. Минут через пятнадцать, от силы двадцать. Спасибо!

Анаит положила аппарат обратно в сумку, сделала глоток кофе и после этого обратилась к Максиму:

– Нам повезло, она на работе и ждет нас.

28.

Максим с Анаит шли по проспекту Месропа Маштоца. В четырех небольших кварталах от них на высоте метров двадцати-тридцати, словно вырастая из скалы, поднималось величественное здание из серого базальта – институт и хранилище древних

рукописей, Матенадаран. Строгий лаконичный фасад в форме прямоугольника был обращен к городу. Высокий арочный портал главного входа и глубокие ниши в духе традиций национального зодчества XII–XIII веков оживляли огромное сооружение.

Перед зданием стоял памятник Месропу Маштоцу – создателю армянской письменности. По обе стороны от главного входа были установлены еще шесть статуй выдающихся деятелей науки и культуры древней и средневековой Армении: памятники историку-писателю V века Мовсесу Хоренаци, мыслителю и математику VII века Анании Ширакаци, правоведу и баснописцу XII века Мхитару Гошу, философу XIV века Григору Татеваци, поэту XIII века Фрику и художнику-миниатюристу XIII века Торосу Рослину.

Миновав лестничные марши и пологие пандусы, Анаит и Максим вошли в Матенадаран. Власов даже удивился, какую величественную торжественность и в то же время простоту излучают интерьеры Матенадарана, наполненные скульптурами, фресками, мозаиками и керамикой. Выставочные композиции прославляли мастерство народных умельцев, воспевали труд неутомимых переписчиков рукописей, армянских зодчих, мыслителей и художников.

– Здравствуй, моя красавица, – послышался приветливый женский голос, и к Анаит быстро подошла сотрудница Матенадарана.

Женщины обнялись, расцеловав друг друга в щеки.

– Максим, – Анаит повернулась к Власову, – познакомьтесь: Гаяне, подруга моей мамы. Сколько я себя помню, она работала в Матенадаране.

Гаяне была невысокой, с крашеными каштановыми волосами. Очки, которые она носила практи-

чески на кончике носа, и темно-синий костюм с белой рубашкой придавали ей строгий вид.

– Очень приятно, – Максим вежливо склонил голову.

– Я так понимаю, вы у нас впервые?

– Да.

– Если вы не возражаете, – Гаяне повернулась к Анаит, – сначала я немного расскажу о нашем музее и покажу самые интересные экспонаты, а потом уже займемся вашим вопросом.

– Обязательно! – одобрительно кивнула Анаит и добавила: – Если уж приехал в Армению, нельзя упустить шанс открыть для себя Матенадаран.

– Это даже не обсуждается. Давайте пройдем, – предложила сотрудница Матенадарана.

Максим и Анаит последовали за Гаяне. Двери с резными орнаментами гармонировали с интерьерами выставочных залов, где на специальных стендах хранились древнейшие свитки, карты, манускрипты и рукописи.

– Итак, Матенадаран в переводе с армянского означает «хранилище рукописей». Начало создания коллекции датируется пятым веком. И Матенадаран – настоящая сокровищница, достояние всего человечества. Это одно из крупнейших хранилищ рукописей в мире. Сюда на протяжении многих столетий из разных монастырей и уголков мира привозили сотни уникальных армянских рукописей. Некоторые произведения мировой литературы, к примеру труды древнегреческих, сирийских, старофранцузских и других авторов, сохранились лишь в армянских переводах.

Они переходили из зала в зал. Приятный, мелодичный тембр голоса Гаяне заставлял внимать каждому сказанному ею слову.

– У нас собраны всевозможные рукописи на бумаге, папирусе и даже камне. Вот, посмотрите, это самая объемная книга – весом двадцать восемь килограммов. А вот это самая маленькая – церковный календарь. Он датируется 1434 годом и весит всего девятнадцать граммов. Размеры этой книги три на четыре сантиметра.

Они подошли к следующему стенду.

– Армянские рукописи разделяли тяжелую участь своих творцов. Некоторые, вот, посмотрите сюда, – Гаяне показала на несколько раскрытых фолиантов, – хранят на себе следы пожаров, сабельных ударов и крови. В годину тяжелых испытаний их спасали как редчайшую реликвию; прятали в пещерах, зарывали в землю, выкупали из плена. Среди сохранившихся армянских рукописей древнейшей является написанное на пергаменте «Евангелие» седьмого века, вот оно.

Теперь обратите внимание на эту окаменевшую книгу. Она датируется пятым веком. Чтобы спасти данную рукопись, ее в седьмом веке зарыли в землю, и подпочвенные воды буквально зацементировали ее.

А вот здесь представлены первые напечатанные и старопечатные книги. Некоторые из них с картинками. Краски, используемые в миниатюрах, получали исключительно из натуральных красителей, поэтому с течением времени они не выветрились, не потеряли своей первоначальной свежести и яркости. Красную краску – «вордан кармир», получали из корневого червя – кошенили, распространенного в Араратской долине.

– Фантастика! – не смог сдержать эмоций Максим. – Я и представить себе не мог, какое это уникальное хранилище! Интересно, а сколько всего книг в Матенадаране?

– Более семнадцати тысяч древних рукописей и более ста тысяч старинных архивных документов.

– Неужели так много? – удивился Максим.

– Да, мы ведь не только собираем и храним. У нас ведутся научно-исследовательские работы по изучению и публикации памятников армянской письменности, по исследованию проблем текстологии, источниковедения, палеографии, средневековой книжной живописи, историографии. Наши специалисты владеют многими древними, в том числе забытыми языками.

– Кстати, о древних языках, – вступила в разговор Анаит. – Гаяне, дорогая, нам нужен именно такой специалист.

– Это и был ваш вопрос? Никаких проблем. А что случилось?

– Да ничего, просто надо проконсультироваться, – уклонилась от ответа Анаит.

– Верится с трудом, – женщина иронически улыбнулась, – буквально полчаса назад, когда я вас ждала в вестибюле, ко мне подошел молодой мужчина. Тоже спрашивал специалиста по древним языкам. И, видимо, тоже из России.

– Ну и что?

– Как что? Я здесь не первый год работаю, но чтобы сразу трое за полчаса спрашивали специалиста по древним языкам, такого не припомню.

Анаит вопросительно развернулась к Максиму.

– Вчера была... – подыскивая нужные слова, начал Максим, – интересная передача о древних языках. Мы поспорили, а рассудить нас может только специалист.

– Неужели? И что же это за передача?

– Познавательная, на канале «Дискавери», – не раздумывая, сказала Анаит.

– А-а, – кивнула Гаяне. – Жалко, я не смотрю этот канал. И что же там было? По поводу чего возник спор?

Максим решил ускорить события:

– Гаяне, простите, у меня еще несколько дел и очень мало времени...

– Да, да, да, извините, давайте пойдем.

Они поднялись по величественной мраморной лестнице и через огромную дверь попали в коридор, где располагались рабочие кабинеты сотрудников института древних рукописей.

Дойдя до середины коридора, Гаяне остановилась и постучала в высокую дверь. Ей никто не ответил. Женщина растерянно оглянулась на Максима и постучала еще раз. Тишина.

– Странно, – обронила Гаяне и толкнула дверь.

В кабинете, положив голову на стол, спал мужчина.

– Гарегин, вы спите? – осторожно произнесла Гаяне.

Реакции не последовало, и женщина повторила вопрос, но уже чуть громче.

Максим с Анаит подошли ближе к двери, и Власов вздрогнул от ужасного предчувствия. Он шагнул в кабинет, всматриваясь в мужчину. Правую руку видно не было, а левая лежала на столе. Максим и сам, бывало, от усталости дремал сидя, и отлично знал, что любой заснувший за столом всегда подкладывает под голову одну или сразу обе руки, а иногда и вообще пару-тройку книг, но при этом обязательно обнимет их для удобства.

Осознав, что специалист по древним языкам не просто спит, но явно уснул вечным сном, причем для скоростижно скончавшегося человека поза совершенно неестественная, Максим похолодел.

Здесь произошло убийство. Мысли лихорадочно заметались, мгновенно вспомнился вчерашний день, гибель археологов. И вот сегодня, сейчас, еще один труп. Как ни странно, они с Анаит опять стали свидетелями смерти...

Власова бросило в ледяной пот. Надо было быстро принимать решение.

– Давайте не будем мешать, – тихо произнес он, словно не хотел разбудить уставшего сотрудника. – Человек, видимо, не спал ночь и очень устал.

Гаяне посмотрела на Максима, одобрительно кивнула и, пропустив его в коридор, осторожно закрыла дверь.

Они пошли обратно.

– Я предлагаю, – Гаяне выразительно подняла брови, – показать вам наши другие экспонаты, затем опять придем сюда. Думаю, Гарегин скоро проснется.

– К сожалению, вынужден отказаться, – мгновенно отреагировал Максим. – Как я уже говорил, у нас, увы, очень мало времени.

– Жаль, – вздохнула женщина.

– Гаяне, а может, вы порекомендуете обратиться к кому-нибудь другому?

– Даже не знаю... Но давайте спустимся, я кое с кем посоветуюсь.

Максиму не давали покоя мысли, что его и Анаит уже вторые сутки преследуют странные смерти. Размышляя о возможных версиях случившегося, он даже не слышал разговор женщин, идущих рядом.

– Вы подождите, я сейчас, – на ходу бросила Гаяне и ушла.

Тут Максим вспомнил слова Гаяне, что до их с Анаит прихода специалиста по древним языкам спрашивал какой-то молодой мужчина. Наверняка

этот посетитель побывал в кабинете ученого, и открытым оставался вопрос: он увидел якобы спящего специалиста и просто ушел или же... Или же именно он его и убил.

– У меня такое ощущение, что у тебя плохое настроение. Что-то случилось? – заметила Анаит.

– Случилось, но об этом я расскажу, когда выйдем отсюда. – Максим постарался улыбнуться, дабы не напрягать Анаит раньше времени.

– Ну, я договорилась, – довольным голосом сказала подошедшая Гаяне, протягивая маленький листок бумаги. – Седрак Арутюнович, величайший человек в нашей области, прекрасный специалист. Вот телефон и адрес. Я ему уже звонила, он вас ждет.

– Ой, спасибо! – Анаит потянулась к Гаяне, обняла и поцеловала. – И за контакты, и за интереснейшую экскурсию по вашему храму древнейших рукописей.

– Всегда пожалуйста, – улыбнулась сотрудница хранилища. – Жду вас снова, я еще многое вам не показала.

– Кстати, Гаяне, – Максим старательно улыбнулся, – вы не помните, как выглядел тот мужчина, который спрашивал специалиста по древним языкам?

– Обычный, европейского типа. Лет тридцать, может, чуть больше. Приятный бронзовый загар. Крупные темные очки. Что еще... Ну, широкоплечий такой, спортивного телосложения, в джинсах и светлой курточке.

– Спасибо еще раз, – Максим пожал протянутую женщиной руку.

29.

– Так что случилось, почему у тебя испортилось настроение? – спросила Анаит, как только они вышли из Матенадарана.

– Пойдем отсюда подальше, – бросил Максим, ускоряя шаг, – и где-нибудь присядем.

– Давай, – согласилась Анаит, скрывая раздражение.

Они молча спустились по гранитной лестнице к центральному проспекту Еревана. Максим чувствовал, что Анаит нервничает. Однако он еще не мог говорить, поскольку мысли крутились только вокруг мертвого специалиста по древним языкам и описанного Гаяне молодого мужчины с бронзовым загаром.

Молчание длилось минут десять, пока они не вышли на раскрашенный осенними красками бульвар.

– Как тебе здесь? – поинтересовалась Анаит, кивнув в сторону первой же пустующей скамейки.

– Нормально.

– Ну, и что же случилось? – едва успев сесть, поинтересовалась Анаит.

– Ты ничего странного не заметила?

– Нет, – Анаит задумалась. – А где именно? Или в чем?

– Мужчина в кабинете не спал...

– Как не спал?

– Он был мертв.

– Мертв?! С чего ты взяла?

– Поза для спящего человека была неестественной.

– Я не совсем понимаю, что означает «неестественной».

– Ты когда-нибудь спала за столом?

– Иногда приходится.

– Ты голову кладешь прямо на стол или все же на руку?

– На стол неудобно, жестко. Я руки кладу вот так, а на них уже голову. – Анаит скрестила руки и поднесла к голове.

– И так поступают все. А этот специалист по древним языкам спал просто на столе.

– Хочешь сказать, с расстояния пяти-шести метров, не подходя к человеку, ты смог определить, что он мертв? К тому же там ракурс от дверей такой, что очень легко ошибиться, – Анаит не хотела поверить в смерть ученого.

– Допустим, он спал и не услышал звук открывающейся двери, но как же он не проснулся, когда Гаяне пару раз, и довольно громко, назвала его по имени?

– Может, крепко спал, как говорится, провалился.

– А ты смогла бы крепко спать в такой неудобной позе?

– Не знаю, не пробовала. Но тогда объясните, пожалуйста, – от раздражения Анаит даже перешла на «вы», – почему вы сразу об этом не сказали, а предложили быстренько уйти? Как это называется?

Последние слова Анаит произнесла на повышенных тонах.

Максим, отлично понимая состояние, в котором она находилась, постарался заглянуть ей в глаза, но та моментально отвернулась.

– Я тебе больше скажу: он был убит.

– Что? – Анаит резко повернулась обратно.

– Убит, – отчетливо повторил Власов. – Я уже говорил, что поза слишком неестественна для спящего человека, и даже для того, кто скорострительно скончался от инфаркта или инсульта.

– Тогда почему мы ушли? Почему?

Симпатия и теплые чувства, появившиеся у Анаит к Максиму за последние два дня, рушились. Исчезали впечатления от Власова как от добропорядочного и интеллигентного человека. Ей хотелось вскочить и убежать. Чтобы больше никогда не видеть его, не слышать о нем...

– Возможно я поступил неправильно, но...

– Вы поступили как... – Анаит умолкла, подбирая приличное слово.

Максим чувствовал разочарование и неприятие спутницы. Отношения могло спасти только внятное объяснение случившегося.

– Анаит, вы помните, для чего мы пришли в Матенадаран? – тоже перейдя на «вы», спокойно начал он. – Вчера мы стали свидетелями смерти археологов, причем, по моему глубокому убеждению, вовсе не случайной. И мне в руки попал смартфон погибшего парня с фотографией неизвестной надписи на плите. Вы не придали значения словам Гаяне, что перед нами в Матенадаран приходил молодой мужчина и спрашивал специалиста по древним языкам. Но не кажется ли вам странным это совпадение? Я уверен, что все это связано со вчерашними событиями. И за снимками в этом смартфоне кроется нечто крайне серьезное. Теперь вы понимаете, что мы попали в очень неприятную историю?

Лицо Анаит бледнело с каждым произнесенным Максимом словом. Воспоминания о гибели двоих несчастных в ущелье были такими яркими, что раздражение быстро сменилось тревогой, женщина содрогнулась и, помолчав, виновато проговорила, вновь перейдя на «ты»:

– Прости, я даже представить не могла, насколько все запутано.

Максим решительно обнял ее и крепко прижал к себе. Тепло, исходящее от Власова, согревало Анаит, и холодная дрожь стала отступать.

– Я чувствую, как тебе плохо. Но мы в этой ситуации оказались не по своей воле.

Максим понимал, что надо дать возможность Анаит прийти в себя, и молчал до тех пор, пока та не заговорила сама:

– Что же нам делать?

– Ты знаешь, – Максим словно не услышал вопрос, – у меня из головы не выходит суетливость Андрея. Помнишь, вчера в ущелье был парень, с которым мы вместе прилетели в Ереван?

Анаит кивнула.

– Он был какой-то дерганый, что-то искал. Сказал, что упал... – Максим нахмурился, припоминая название небольшого вертолета для съемок, – какой-то квадро...

– Я помню его, и он действительно суетился, а когда я подошла к вам, тут же ретировался.

– Вот именно, ты тоже заметила. Не исключаю, что у Андрея оказались такие же фотографии, как у нас.

– В том числе кадр с каменной плитой и надписью, – Анаит, справившись с первым потрясением, активно включилась в размышления. – Но откуда у него мог появиться такой же снимок?

– Так, – задумался Максим, – постараюсь объяснить. Представь, что у тебя есть кадр с неизвестной древней надписью на каменной плите. Что бы ты сделала?

– Попыталась бы прочитать, конечно же. А если бы не смогла, обратилась к специалистам. Этот Андрей работал среди археологов, которые однозначно могли его проконсультировать.

– Умница! – воскликнул Максим. – И по всей видимости, консультантом был тот разбившийся парень-археолог, после чего стал ненужным свидетелем. Так же, как ученый из Матенадарана.

– Почему ты считаешь, что убийство в Матенадаране связано с этим Андреем? Ну, приходил к Гаяне какой-то мужчина, спрашивал специалиста по древним языкам. Знаешь, сколько в Ереване молодых мужчин?

– Да все описание Гаяне уж очень напоминает этого Андрея. У него европейский тип лица и очень заметный загар, помнится, я даже спросил, где он его приобрел. Говорили мы с ним по-русски, как и тот мужчина с Гаяне. Потом, Андрей – парень широкоплечий, сильный, более того, чувствуется, хорошо натренированный. Еще в самолете я заметил, какие у него холодные глаза. Такой может убить. Ну и самое интересное: и мы, и так похожий на Андрея мужчина пришли в Матенадаран за одним и тем же. И мы, и Андрей вчера были в ущелье. Телефон разбившегося археолога попал ко мне совершенно случайно, а Андрей, появившись в ущелье, что-то искал.

– Может, телефон и искал?

– Очень может быть.

– Получается, эта надпись несет очень важную информацию, если кто-то ради нее идет на убийства.

– Получается, так. Нам срочно надо встретиться с человеком, которого порекомендовала Гаяне.

Анаит достала из сумки записку, и Максим с радостью отметил, что его спутница взяла себя в руки и приготовилась действовать.

– Где он живет? Далеко отсюда?

– Ты знаешь, нет. На такси минут десять.

– Как интересно: все, что нам нужно, находится в пределах пятнадцати минут пути, – Власов улыбнулся.

– Да, Ереван довольно компактный город, – кивнула Анаит, – здесь все близко. Это вам, уважаемый Максим Александрович, не Москва.

30.

По сложившейся за последние годы традиции Нильс Баух после легкого завтрака садился за рабочий стол и просматривал новости. После того как Эндрю вылетел в Армению, Баух ежедневно заходил еще и на армянские новостные ленты и прочитывал все, что имело хоть какое-то отношение к археологической экспедиции.

Компьютерная мышка дрогнула в его руке: сегодня главная новость на армянских сайтах была связана с трагическим несчастным случаем – гибелью профессора Мандзони и молодого армянского археолога.

Баух откинулся в кресле, невольно вспоминая профессора, их первую и одновременно последнюю встречу.

Это было в начале сентября, всего лишь месяц назад, когда Баух играл в гольф. Один из постоянных партнеров пришел со своим старинным другом и представил его как величайшего археолога современности профессора Федерико Мандзони. Профессор был среднего роста, стройный, с широкими плечами. Крепкое телосложение свидетельствовало о том, что он готов переносить все трудности археологической жизни и перемены климата. Выглядел Мандзони моложе своих лет, ему можно было дать

не более пятидесяти. Темные коротко остриженные волосы лишь на висках отливали серебром, а глубокие морщины залегали только на переносице.

Баух вспомнил, что смуглое лицо профессора, тонкий, с горбинкой нос, оставляли впечатление гордой, даже надменной породистости. Такие люди способны на многое, но порой собственный апломб подчеркивает все их достижения.

Они прогуливались тогда по одному из самых красивых в мире полей для гольфа, среди каменных выступов и небольших природных водоемов со средиземноморской растительностью – восхитительно благоухающими можжевельником, миртом и земляничным деревом. Именно в этот день Нильс Баух узнал от Федерико Мандзони об археологической экспедиции в Армении, о том, как несколько лет назад он со своими армянскими коллегами нашел и раскопал уникальный археологический памятник, дворец-крепость, возведенный в период Ванского царства и представляющий собой часть культурного наследия Урарту. Мандзони говорил, что эта древняя страна уникальна, и многое в ее далекой истории еще не до конца раскрыто. Упомянул об огромном количестве рукотворных пещер на такой небольшой территории. Особое место в его рассказах занимало пребывание в Армении изгнанного отовсюду великого полководца Ганнибала.

– Ганнибал не был бы Ганнибалом, если бы не придумал хитроумную задачу, – говорил Мандзони. – Находясь в Армении, он решил построить для царя Арташеса город в стиле Карфагена...

– По всей вероятности, – предположил низенький полненький Маттео, приятель Бауха, – это был своего рода дар царю за то, что Ганнибала приютили в стране.

– Возможно, но ведь Ганнибал обладал огромным состоянием, разве ему не проще было подарить что-нибудь Арташесу? – возразил Джованни, среднего роста мужчина в соломенной шляпе с широкими полями.

– Вот он и подарил – город, – усмехнулся Баух.

– Не слишком ли высокая цена для тех далеких времен? – засомневался Джованни.

– Собственно говоря, для сегодняшнего времени тоже, – ответил Мандзони.

Компания дружно рассмеялась.

Никто из присутствующих на поле для гольфа не придал рассказу Мандзони особого значения. Никто, кроме Нильса Бауха, знавшего предания о несметных богатствах Ганнибала. Он сразу сопоставил информацию о пещерах и потерянных сокровищах Ганнибала и стал ждать удобного момента, чтобы пообщаться с археологом наедине. Вскоре все начали играть, и Баух с профессором остались вдвоем.

– Я не большой знаток в археологии, – Баух решил зайти издалека, чтобы не спугнуть Мандзони, – но мне как-то попала информация, что суммарная величина всех спрятанных сокровищ в мире оценивается в добрый триллион долларов. Как думаете, насколько это цифра правдоподобна?

– Я знаю эту статистику и считаю, что она отражает точку зрения кладоискателей, а не археологов.

– Есть разница?

– О да, еще какая. Я лично вздрагиваю каждый раз, когда узнаю о кладоискателях, которые что-то нашли. Ведь искать, чтобы изучать, и искать, чтобы продать и заработать, – не одно и то же. Кладоискатели, или, как мы их часто называем, «черные копатели», приносят огромный вред. Их деятельность является браконьерской и, безусловно, губительна

для культурного наследия. Археология – серьезная и трудоемкая научная методика раскопок, а поиск кладов – всего лишь банальная погоня за предметами для личного обогащения. Археология – это не гонка за находками, а изучение прошлого. Мы изучаем историю, изучаем прошлое, но, в отличие от «классических» историков, опираемся не на летописи и другие письменные свидетельства, которых иногда просто не существует или они предвзяты, а на то, что составляет так называемый культурный слой.

Чтобы реконструировать тот или иной объект, нам нужны мельчайшие подробности: не только сам артефакт, но и место его залегания, где и как он располагался по отношению к другим объектам, земельным пластам и так далее. А человек с металлодетектором разрушает всю картину: он пришел, выкопал артефакт и по ходу дела необратимо разрушил слои. Изъятый же им предмет потерял свою научную ценность, потому что теперь невозможно определить его местоположение, зачастую невозможно дать ему хронологическую, культурную и иные точные привязки. Археологию можно сравнить с чтением книги, вот только ученый бережно читает ее от корки до корки, а кладоискатель вырывает самые красивые иллюстрации, а саму книгу выкидывает. Кстати, вы знаете, Шлимана, который откопал Трои, несколько поколений археологов буквально проклинают, потому что методики, которыми он пользовался, были крайне несовершенны, и то, что он нашел, дает минимум информации.

– Мистер Мандзони, а в Армении, кроме строений, возведенных в период Ванского царства, вы еще что-то нашли? – Баух медленно подбирался к интересующей его теме.

– О да! – Мандзони радостно заулыбался. – Это уникальная страна. Копни на несколько метров – и тебе откроются уникальные древности. Кстати, мой коллега, с которым я работал последние годы, нашел некрополь около города Гарни. Именно в этом районе находится множество рукотворных пещер, я вам о них говорил. Судя по той ничтожной информации, которой я владею, это может быть связано с Ганнибалом. Повторюсь, Ганнибал был великим стратегом, и я уверен, что он решил построить город для армянского царя не просто так. Для строительства города ему нужны были различные породы камней, а согласитесь, что пещеры – те же каменоломни.

Последние слова ошеломили Бауха. Действительно, только человеку с большими способностями, недюжинным талантом расчета мог прийти в голову идеальный способ скрыть от всех свои сокровища в сделанных им самим же каменоломнях. И у авантюриста Бауха вспыхнула идея.

– Профессор, мне очень нравятся ваши доводы. Они настолько логичны, что невозможно с ними не согласиться. Если бы я верил в реинкарнацию, то однозначно предположил бы, что в прошлой жизни вы были Ганнибалом. Ибо никто из живущих на Земле не смог бы так точно прочитать его мысли.

Умело построенная лесть понравилась Мандзони. Он улыбнулся Бауху.

– Спасибо...

– Вы уникальный человек, – Баух, не медля, начал воплощать свой план в жизнь, – и к тому же, чувствую, очень скромный. Но о вас должны знать, ваша работа, ваши выводы бесценны. Знаете, я финансирую одну компанию, которая снимает различные научно-познавательные фильмы. И сейчас я по-

нял, что обязательно, во что бы то ни стало должен заказать документальный фильм о вас.

– О-о, – польщенно протянул Мандзони, – мне даже неловко...

– Ничего неловкого нет. Вы говорили, что собираетесь вылетать в Армению, а когда?

– В воскресенье. Скажу честно: с нетерпением жду этого дня! – Мандзони даже закивал головой.

– Это уже послезавтра?

– Да.

– К сожалению, в таком случае я не успею познакомиться вас с одним молодым человеком, который работает в этой компании. А он настоящий профессионал, мне очень нравится его подход к материалу. Как вы смотрите на то, чтобы он приехал следом за вами в Армению, на раскопки?

– Прекрасно! Там есть что снимать и о чем рассказывать.

– По своему опыту знаю, что многие люди стесняются камеры, особенно когда она нацелена прямо на них. Вот и вы, профессор, чересчур скромный человек. А такие люди часто суетятся перед объективом, выглядят неестественно. Предлагаю вам относиться к моему документалисту как к молодому археологу, своему ученику. Так и представьте его окружающим – как своего коллегу. Тем самым вы максимально нивелируете ситуацию, привыкнете считать его младшим, нижестоящим и на экране будете самим собой.

– А знаете, мистер Баух, вы определенно правы. Одно дело, когда общаешься с журналистом, и совсем другое – с коллегой, тем более молодым. Получается более раскованно, что ли.

– Договорились. Тогда оставьте мне ваш номер телефона, позже я вам позвоню и сообщу дату приезда документалиста.

Мандзони продиктовал Бауху два номера и на прощание подарил журнал со своей статьей об археологической экспедиции в Армении.

Выпрямив спину, Нильс Баух пробежал глазами еще несколько статей о трагической гибели профессора Мандзони и еле слышно сказал в пространство:

– Жаль, симпатичный был человек.

Единственное, чего ему сейчас хотелось, – поговорить с Эндрю, узнать все подробности случившегося. Посмотрев на часы, которые показывали начало десятого, он мысленно прибавил два часа, взял телефон и отправил Эндрю сообщение с командой срочно созвониться.

Не прошло и трех минут, как скайп подал специфические сигналы вызова.

– Здравствуй, Эндрю, – с нотками раздражения в голосе начал патрон.

– Доброе утро!

– Ты уверен, что оно доброе? – бросил Баух.

– Более чем, – у Эндрю, наоборот, в голосе звучала радость.

Баух очень хотел бы посмотреть в глаза Эндрю, но на экране, как и в прошлый раз, была лишь заставка.

– Не понимаю, чему ты радуешься. Как погиб Мандзони?

– Вы же сами дали мне полномочия принимать необходимые решения в зависимости от ситуации.

– Значит, это ты... – в голосе Бауха прорезалась тревога.

– Если бы не мое вмешательство, сегодня в новостях вы бы услышали о крупных находках в пещере под некрополем.

– И как это было?

– Случайно сорвалась люлька. У меня не было выбора. Как я уже говорил, сначала все шло хорошо. Я показал Мандзони запись, сделанную квадрокоптером в пещере. Его это заинтересовало, он решил туда спуститься, и вот тогда-то и начались проблемы. Пока устанавливали строительную люльку, Мандзони попросил меня еще раз запустить квадрокоптер, чтобы наиболее точно обследовать вход и оценить, как из строительной люльки перебраться в небольшой грот. Потом я завел квадрокоптер в пещеру, и на экране показалось темное пятно. Мандзони попросил посмотреть поближе, и я направил туда квадрокоптер и включил фонарь. Мы увидели, что это лаз, уходящий далеко вглубь скалы. Мандзони очень обрадовался, сказав, что это именно та пещера, которую он искал. А потом он попросил меня до тех пор, пока не поднимется из пещеры, никому об этом не говорить.

– Почему? – удивился Баух.

– Гордыня. Я же говорил, он был одержим мыслью переплюнуть Шлимана. Если бы мы тут же объявили, что нашелся проход вглубь пещеры, получилось бы, что это моя находка, а не его. А такой честолюбец не мог допустить ничего подобного. Лавры открытия должны были принадлежать исключительно Мандзони.

– Я правильно понимаю, Мандзони в пещере обнаружил то, что мы ищем?

– Вроде да. Лаз узкий, по нему смог пробраться только молодой худенький армянский археолог, да и то не слишком глубоко. Войти в саму пещеру ему не удалось. Но благодаря тому, что я дал ему с собой видеорегиистратор, у меня есть снимки больших глиняных кувшинов и каменной плиты с надписью. Парень тоже это видел и сразу рассказал Мандзони.

Как вы понимаете, у меня оставался один-единственный выход...

– Да, видимо, ты прав, иного выбора у тебя не было, – задумчиво протянул Баух и после недолгой паузы продолжил: – Интересно, а что написано на этой каменной плите?

– Не знаю. Наш общий знакомый рекомендовал обратиться к специалистам из Матенадарана.

– Тебе необходимо срочно поехать в этот... как ты сказал?

– Матенадаран. Это хранилище древних рукописей.

– Точно, Матенадаран.

– Я там уже был.

– Молодец! Ну не тяни, говори, что там написано?

– К сожалению, не знаю. Мне удалось выяснить только, что эта надпись сделана на арамейском языке. Кстати, сотрудник Матенадарана сказал, что видел только одну такую плиту, и на ней на арамейском языке написано: «Пограничный камень Арташеса Первого». Плита датируется вторым столетием до нашей эры.

Нильс Баух не сразу уловил, к чему клонит Эндрю. Он тупо смотрел на заставку монитора, не понимая, что он должен по этому поводу сказать.

– «Пограничный камень Арташеса Первого», – повторил Эндрю.

– Ну...

– Арташес Первый, это же для него Ганнибал строил город.

Баух подпрыгнул на стуле, осознав, какая четкая прослеживается связь между этими двумя каменными плитами с надписями на арамейском языке.

– Я на что обратил внимание, – продолжал Эндрю, – в Армении, по идее, все надписи должны

были делаться на родном армянском языке. Вы согласны?

– Согласен. Вполне логично.

– А кто мог на камнях делать надписи на иностранном языке?

– Получается, иностранцы, – за все время разговора Баух впервые улыбнулся.

– А при царе Арташесе иностранцами, кстати, недалеко отсюда строившими город, были карфагеняне, то есть Ганнибал. А арамейский, как я узнал, в то время был языком международного общения. В пещере однозначно находятся сокровища Ганнибала.

– Я всегда верил в твой профессионализм. Но скажи, пожалуйста, а этот специалист из Матенадрана не интересовался, откуда у тебя снимок этой плиты? Не поднимется лишний шум?

– Конечно, интересовался.

– И как ты думаешь решить эту проблему?

– Классическим образом, – в голосе Эндрю слышался смехок. – Как говорится, Бог дал человеку глаза, чтобы видеть, но вместе с этим Он дал и веки.

– То есть... – Баух отлично понял, что имеет в виду Эндрю, но решил специально сыграть в непонятки.

– Тот, у кого навсегда закрываются веки, никогда не сможет стать свидетелем.

– Эндрю, дружище, ты уж постарайся больше не оставлять за собой шлейф из скоростных смертей. Свяжись с человеком, которого я тебе посоветовал. Он все-таки полицейский и, если что, снимет напряжение.

– Мы с ним в контакте. Не волнуйтесь.

– Слушай, а гибель Мандзони не затруднит вывоз артефактов?

– Нет. Более того, смерть Мандзони мне на руку вдвойне.

– Это почему же?

– Во-первых, приостановлены археологические работы. Всем участникам экспедиции предоставлены выходные на три дня.

– Ты хочешь туда проникнуть днем?

– Ни в коем случае. Ночью.

– А охрана? Там что, раскопки не охраняются?

– Охранялись. Раскопки практически завершены, и все ценные предметы уже находятся в Ереване. В последние дни здесь сделали график дежурств, на ночь оставалось по два человека. Но, как оказалось, вместо того чтобы бодрствовать и охранять территорию раскопок, они спали. Шукурян, руководитель экспедиции, когда узнал об этом, сказал, что своих распоряжений не отменяет, и те, кто хочет дежурить, должны выполнять свои обязанности как подобает. А кто хочет спать, пусть ночуют дома и не занимаются очковтирательством. Так что зачастую территория вообще не охраняется.

– Ты уверен, что нужной ночью там никого не будет?

– Да, – решительно сказал Эндрю. – Никого не будет, а если кто-то и окажется, для меня это не проблема. Ночью легче легкого проникнуть в сокровищницу.

– А как ты собираешься решить вопрос вывоза артефактов?

– О, это и есть вторая причина, по которой смерть Мандзони мне на руку. Думаю использовать отправку тела профессора в Италию. Детали утрясу сегодня.

В голосе Эндрю зазвенел металл, подтверждая его убежденность.

На лице Бауха появилась широкая улыбка. Он был доволен умением Эндрю филигранно решать поставленную ему задачу.

– А когда планируется отправка тела Мандзони? День известен?

– К сожалению, не знаю, как быстро в этой стране улаживаются формальности, связанные со смертью и транспортировкой тела в другую страну, но наш общий знакомый нам поможет. Он обещал в ближайшие часы узнать точную дату отправки. От этого зависит, когда мне спустаться в пещеру. А пока лучшее место для сокровищ – сама пещера. – Эндрю довольно хмыкнул.

– Понимаю. Ты молодец, все продумал!

– И еще. У меня к вам две просьбы.

– Слушаю, – Баух насторожился.

– Я бы очень хотел, чтобы гроб отправили не обычным рейсовым самолетом. Как вы смотрите на возможность прислать для этого небольшой частный борт? И обязательно уведомить итальянское посольство, что за гробом Мандзони прибудет специальный самолет.

– Считаю, уже сделано, – с облегчением выдохнул Баух. – Что еще?

– Было бы неплохо, если сегодня и завтра в средствах массовой информации побольше поговорят о скоростной смерти великого ученого, археолога Мандзони. Формирование сочувствия – хороший инструмент для прохождения таможенных процедур.

– Хорошая идея, но тебе нет смысла волноваться. Борт прибудет на Сардинию, а здесь, как понимаешь, у нас нет проблем. Самое главное, мне надо знать, когда отправлять самолет.

– Я вам в течение ближайших двух часов отпишу, когда и желательно во сколько.

– Жду.

31.

Макарян за столом подписывал бумаги, которые ему подавала высокая миловидная секретарша. Казарян сидел напротив и смотрел на большие напольные часы. Обе стрелки подходили к двенадцати, и, значит, через несколько мгновений зазвучит знакомая приятная мелодия.

– Это все? – Макарян вопросительно взглянул на секретаршу.

– Так точно, – по-военному ответила молодая женщина и вышла из кабинета.

– Докладывай, – вальяжно бросил в сторону Казаряна Макарян. – Так из-за чего свалилась эта несчастная люлька?

– Канат оборвался. Есть три версии. Первая: канат был нарочно поврежден во время спуска люльки. Это версия самая маловероятная, поскольку людей было много, и на глазах у всех орудовать ножом практически невозможно. Вторая версия: брак, имевшийся на канате и не замеченный при установке.

– Вы выяснили, кто устанавливал?

– Как раз сейчас капитан Симонян находится в строительной компании, которая привезла и установила эту люльку. Я попросил его тщательно изучить место, где хранилась люлька и канаты. Оценить, насколько помещение пригодно для хранения. Ведь часто, если территорию не обрабатывать, в подсобных помещениях заводятся мыши и крысы, которые могли повредить канат еще до того, как им решили воспользоваться.

– Весьма интересный ход. Это ты хорошо копнул по поводу склада, – Макарян одобрительно кивнул.

Казарян заметил, что начальник отвлекся, о чем-то задумавшись, и решил сделать небольшую паузу.

– Что дальше? – Макарян словно очнулся ото сна, посмотрев на Казаряна колючими глазами.

– Третья версия, которая также заслуживает внимания, это вероятность обрыва каната в силу трения об острые грани скальных пород.

– Хм, тоже интересная версия. А что говорит экспертиза?

– Господин полковник, экспертиза еще не готова, – вздохнул Казарян. – Я считаю, для более точного определения выводов нужно провести следственный эксперимент. Вновь установить люльку и посмотреть.

Глаза Макаряна зажглись.

– Ты меня опередил. Только хотел предложить вам провести следственный эксперимент, как ты сам об этом сказал. Опыт все-таки не пропьешь, – Макарян пришел в отличное расположение духа. – И когда же ты собираешься это сделать?

– Симонян, как только осмотрит место хранения каната, возьмет с собой рабочих, которые вчера устанавливали люльку, и поедет с ними в Гарни.

– Ну что же, прекрасно. Я еще вчера докладывал министру о нелепой случайности. Твоя версия хранения каната в помещении, где, возможно, завелись грызуны, мне кажется очень правдоподобной. А вот то, что рабочие не заметили поеденный крысами канат – это не просто халатность, это преступная халатность. Хотя вариант, что канат просто перетерся об острый камень, также заслуживает внимания. Думаю, экспертиза и следствен-

ный эксперимент покажут, какая из этих двух версий наиболее вероятна.

– Вы, как всегда, правы. Главное, чтобы все прошло тихо-мирно и без международных скандалов.

– Пока все как будто тихо. Мы с министром сегодня уже посетили итальянское посольство, выразили соболезнования и сожаление о несчастном случае. Видимо, этого было для них достаточно. Никаких официальных обращений по поводу рухнувшей люльки не будет.

– И слава Богу... – Казарян на мгновение задумался. – Теперь остается отправить тело Мандзони в Италию и успокоиться.

– Этот вопрос уже решен. Авиасообщение с Италией у нас два раза в неделю. Поскольку нет смысла долго держать тело в морге, а завтра как раз утром рейс Ереван – Рим, было решено на нем и отправить гроб в сопровождении одного из членов экспедиции... – Макарян замялся, вспоминая итальянскую фамилию. – Какая-то странная фамилия у него, чуть ли не Скворец...

– Скварчалупи, – подсказал Казарян, уже зная наизусть фамилии всех участников археологической экспедиции.

– Да, точно. Как ты сказал?

– Сквар-ча-лу-пи.

– Язык можно сломать, – усмехнулся Макарян. – Ну да ладно, фиг с ним. Министр поручил мне за всем проследить и организовать отправку.

– Все понятно. Если возникнет необходимость чем-то помочь, господин полковник, я всегда к вашим услугам.

– Я это знаю. Если что-то будет нужно, я сообщу.

– Спасибо! Разрешите идти?

– Идите.

Казарян направился было к двери, но Макарян его окликнул:

– Кстати, ты выяснил, зачем они спускались в ущелье?

Казарян вернулся к столу начальника.

– В беседе с академиком Шукуряном, который руководит раскопками, я задал этот вопрос. Дело в том, что у итальянского профессора Мандзони были определенные представления о пребывании в Армении во втором столетии до нашей эры карфагенского полководца Ганнибала.

– А при чем здесь Ганнибал? Ты садись.

– Враг Древнего Рима, – присаживаясь, продолжил Казарян, – некоторое время укрывался в Армении. В благодарность за гостеприимство он построил для армянского царя город Арташат.

– Интересно, а я и не знал... Ну и какая связь? – Макарян любил долгие отвлеченные вступления.

– Ганнибал считался одним из богатейших людей того времени. После его смерти сокровища так и не нашли, что привело к появлению разного рода легенд – где они могли быть спрятаны. Когда начались раскопки у Гарни и обнаружили некрополь, Шукурян позвонил Мандзони, рассказал о находке. По его словам, Мандзони не скрывал радости и уже через неделю прилетел в Ереван. Как утверждает Шукурян, Мандзони был убежден, что Ганнибал спрятал свои сокровища в одной из пещер Армении, а точнее в районе Гарни, неподалеку от некрополя. Именно ради этих сокровищ Мандзони и спустился в ущелье, где нашли якобы многообещающую пещеру. Да только пещерой это назвать трудно, скорее еле заметный грот.

– Ага, – промямлил Макарян и задумчиво откинулся на спинку кресла.

Всегда придерживаясь принципа, что несдержанность в мелочах, как правило, губит великое дело, Казарян решил снова взять паузу и дать начальнику переварить полученную информацию.

– Я так понимаю, Шукурян не разделяет точку зрения Мандзони, – Макарян подался вперед.

– Вы, как всегда, правы, – Казарян не упустил момент повторить лесть. – Шукурян в беседе со мной доказал всю абсурдность этого предположения.

– Ты же говорил, что Мандзони – ученый с мировым именем, такие специалисты редко ошибаются. А Шукурян, хоть и академик, разве имеет такое же международное признание?

– Бесспорно. Я вчера вечером просматривал в соцсетях информацию о Мандзони и Шукуряне. Нашего соотечественника признают как высокопрофессионального и опытного археолога.

– Тогда почему у них противоположные точки зрения?

– Не знаю, я не специалист в этой области. Но выводы Шукуряна для меня более убедительны.

– И в чем они заключаются?

– Если вкратце, Мандзони считал, что Ганнибал, обвиненный в антиримских настроениях и вынужденно находясь в изгнании, имел при себе огромное количество золота и драгоценностей. И в Армению он прибыл со своими несметными богатствами. А Шукурян убежден, что Ганнибал после поражения, преследуемый Римом, прибыл в Армению, как он сказал, «пустой». Он строил город для царя Арташеса, чтобы заработать. В противном случае, будь у него финансовые возможности для борьбы с Римом, он сразу отправился бы к вифинскому царю Пруссию, который тоже воевал с Римом. В итоге Ган-

нибал это и сделал, но уже после того, как побывал в Армении и построил Арташат.

– Хм, слушай, а не проехаться ли нам к месту раскопок?

– Хорошая идея! – Казарян нацепил на лицо улыбку.

– Давай сделаем так. Сегодня у меня не получится, а вот завтра... Завтра утром я проконтролирую отправку гроба и после буду свободен. Встретимся на месте в двенадцать часов. Как ты на это смотришь?

– Нет проблем.

– Да, и еще... – Макарян отвел взгляд, – пусть пока не убирают люльку, может, мы с тобой спустимся и осмотрим эту пещеру...

– С вами куда угодно! – Казарян еще шире растянул губы в улыбке.

32.

Выйдя из кабинета начальника, Казарян не успел сделать и пары шагов, как его окликнули.

– Ашот!

Казарян остановился и обернулся. К нему, протягивая руку, подходил его коллега, руководитель одного из департаментов полиции полковник Рубен Бабаян. Низкий скошенный лоб выдавал в нем человека с невысоким интеллектом, но при этом практичного и твердо стоящего на ногах. А тонкие губы говорили о холодности и расчетливости.

– Привет.

– Здравствуй, – Казарян дружелюбно ответил на рукопожатие.

– Слушай, ты вчера телевизор вечером смотрел?

– Что-то интересное было? – привычно отозвался Казарян вопросом на вопрос.

– Говорят, шла передача про древние языки.

– Нет, я точно не смотрел.

– Жалко. Никто не видел.

– А что случилось?

– Утром брат жены скончался, прямо на работе...

– Соболезную. Но я не понял, какое отношение к этому имеет передача?

– Он работал в Матенадаране. Сегодня утром какой-то парень спрашивал специалиста по древним языкам. Сотрудница отправила его к моему шуруину. А еще через полчаса к той же сотруднице подошла пара, мужчина и женщина, и тоже интересовались специалистом по древним языкам.

– Из-за телепередачи, что ли?

– Якобы да. Кстати, ты наверняка знаешь Анаит Аветисян, главного редактора газеты «Мшакуйт».

Казарян напрягся. Буквально вчера он видел Анаит в ущелье, где произошла трагедия. Как профессионал высокого уровня, полковник мгновенно стал анализировать полученную информацию.

«Вчера Аветисян была в ущелье, – думал Ашот Казарян, – и именно в это время там разбились два человека. Сегодня утром она в Матенадаране интересуется специалистом по древним языкам, который также оказывается мертвым. Не много ли смертей? Но вряд ли Анаит Аветисян к ним причастна, она совершенно иного уровня женщина. Это может быть просто совпадением. Стоп! Она же была не одна. С ней был русский, Максим Власов, если мне память не изменяет. Я о нем ничего не знаю. Если для Анаит Аветисян это случайное стечение обстоятельств, то для Власова, возможно, нет. Кстати, са-

мое главное: от чего скончался специалист по древним языкам?»

– Она часто выступает по телевидению, – продолжал Рубен Бабаян.

– Да, да. Я ее знаю. А твой родственник от чего скончался?

– Инфаркт.

– Болел?

– В последнее время часто жаловался на сердце. У него ведь после защиты докторской диссертации уже был один удар.

– Ты считаешь, его смерть связана с посетителями?

– Может, да, а может, и нет.

«Что за информация могла убить человека? – Казарян вновь задумался. – Как правило, люди очень болезненно воспринимают информацию, касающуюся их самих, если она несет в себе ложь и необъективность. Интересно, когда он скончался, кто был в это время рядом?»

– А ты уже был в Матенадаране?

– Конечно, несколько минут как приехал.

– Получается, твоему шурина рассказали о вчерашней телепередаче, и ему сразу стало плохо? – Казарян специально доводил ситуацию до абсурда, чтобы вытянуть из коллеги максимум сведений.

– Этого я не знаю. Я общался с сотрудницей по имени Гаяне, которая, оказывается, давняя знакомая Анаит Аветисян. Она мне и рассказала, как за одно утро три человека вдруг заинтересовались специалистом по древним языкам.

– Ты мне уже говорил. А сотруднице не показался странным такой интерес?

– Естественно, показался. Анаит объяснила ей, что вчера была передача про древние языки, и она

со своим знакомым поспорила. И их спор якобы может разрешить только специалист.

Рубен сделал паузу, ожидая, пока мимо них пройдут сотрудники полиции.

– Ну и что дальше?

– Они в сопровождении Гаяне прошли в служебную часть Матенадарана. Постучались в кабинет, открыли дверь, а там Гарегин... Мой шурин. Он сидел за рабочим столом. Посетители решили, что он спит, и ушли.

– А он, по всей видимости, уже был...

– Да, он уже был мертв, – подтвердил Рубен.

– Кто в итоге заметил, что твой шурин умер?

– Та же сотрудница. Проводив пару до выхода, она вернулась в кабинет. По ее словам, она удивилась, как можно столь крепко спать, чтобы не услышать прихода посторонних и громкого разговора рядом. Гаяне пару раз толкнула Гарегина в плечо, а он просто упал на пол.

– А этот мужчина, который первый спрашивал, о нем что-нибудь известно?

– Ты в любой ситуации не перестаешь быть сыщиком, – еле заметно улыбнулся Рубен. – Я понимаю, куда ты клонишь. Но, как я уже говорил, шурин давно жаловался на сердце, и у него уже был один инфаркт. Я понимаю, ты сразу думаешь о преднамеренном убийстве. Нет, на убийство не похоже. Бизнесом он не занимался, политикой не интересовался, был тихим, спокойным человеком, никогда никого не обижал. Мотивов просто нет.

Услышав такие выводы от своего коллеги, Казарян не стал задавать вопрос о вскрытии.

– Ну, что тут скажешь... – Он протянул Рубену руку. – Еще раз соболезную. Если чем-то смогу помочь...

– Спасибо, – Рубен ответил на рукопожатие. – У тебя небось у самого одни проблемы с тем разбившимся итальянским профессором.

– Да нет, вроде все идет к тому, что имели место случайные обстоятельства.

– А экспертиза что говорит? Почему люлька со-
рвалась?

Казарян не удивился вопросу Бабаяна, поскольку знал: в их ведомстве практически невозможно утаить что-либо, все обо всем осведомлены.

– Есть определенные предположения, но без следственного эксперимента, как ты понимаешь, ничего нельзя сказать точно. Вот сегодня проведем эксперимент, возможно, и ответу на твой вопрос, – улыбнулся Казарян.

– А посольство Италии дергает?

– Начальство говорит, информацию о гибели своего гражданина они восприняли довольно спокойно.

– Будь осторожен, сегодня спокойно, а завтра начнут мозги выносить. Я так понимаю, пока тело не отправят в Италию, надо быть начеку.

– Возможно. Кстати, они настолько спокойны, что уже завтра гроб с телом итальянского профессора летит в Рим.

– Разве у нас есть авиасообщение с Римом?

– Два раза в неделю, как раз завтра ближайший рейс.

– Ну, тогда я за тебя спокоен, – Бабаян впервые за все время разговора улыбнулся.

33.

Рассказ Рубена о скончавшемся родственнике озадачил Ашота Казаряна. Погруженный в раз-

мышления, он пошел в сторону своего кабинета. Полковник интуитивно чувствовал логическую взаимосвязь между вчерашними разбившимися археологами и сегодняшней смертью ученого в Матенадаране. Казарян сел за стол и не мигая уставился в стену. Это помогало сосредоточиться и сконцентрироваться на главном, не обращая внимания на все остальное.

«Итак, – начал свой анализ Казарян, – вчера Анаит Аветисян и Максим Власов после осмотра храма в Гарни спускаются в ущелье. Зачем? Ежедневно в Гарни приезжают сотни туристов, но в ущелье никто не спускается. Увидеть там туриста – большая редкость. А эти спустились. Причем по просьбе Власова. Именно в это время разбиваются археологи. Случайность? Может быть. Скорее всего, могло быть совпадением, если бы не сегодняшнее появление Анаит и Максима Власова в Матенадаране. С одной стороны, Власов – гость, и Анаит как радушная хозяйка показывает ему достопримечательности республики. Матенадаран – одно из сокровищ Армении, и его, как правило, посещают все. А, с другой, почему они интересовались специалистом по древним языкам? Телепередача наверняка блеф, для отвода глаз. Есть ли связь между мужчиной, который также интересовался этим специалистом, и Анаит с Власовым? Надо срочно узнать, кто такой этот Максим Власов».

Казарян нажал кнопку селекторной связи и вызвал секретаршу. Открыв папку, он взял исписанный лист бумаги. Это был составленный капитаном Симоняном протокол свидетельских показаний Максима Власова.

– Разрешите? – приоткрыв дверь, спросила секретарша.

– Рузанна, перепиши данные этого человека и свяжись с нашими московскими коллегами. Мне необходимо знать о нем все, что только возможно.

Записав данные Власова, помощница Казаряна отчеканила:

– Есть, господин полковник! Что-то еще?

– Пока все. Кстати, сама тоже поищи в интернете, может, что-нибудь накопишь.

Оставшись один, Казарян задумался: «Почему Рубен Бабаян так уверен в естественной смерти своего родственника? Ему, полицейскому, много лет проработавшему в полиции, явно не хочется даже думать о вскрытии. Почему? Ведь вскрытие может дать ответ на многие вопросы. Когда скончался, что было реальной причиной смерти. Да-а... на него это не похоже».

Полковник взял лежащий на столе смартфон и набрал номер.

– Микаел, добрый день, – спокойным голосом проговорил он в трубку. – У меня к тебе одна очень срочная просьба. На тебя, как на великого судмедэксперта, вся надежда человечества. Сегодня в Матенадаране скончался сотрудник по имени Гарегин. Фамилию, к сожалению, не знаю. Думаю, тебе не трудно будет узнать, в какой морг его отвезли. Ты правильно меня понял. Посмотри внимательнее. Да. Разумеется. Мне необходимо понять, была ли это естественная смерть от инфаркта, или кто-то ему помог. Как только появится хоть какая-то информация, тут же позвони мне.

Положив смартфон в карман, Казарян встал и вышел из кабинета.

– Рузанна, я отъеду, а ты найди Манукяна, пусть минут через сорок зайдет ко мне, – распорядился полковник, выходя из приемной.

34.

– Здравствуйте, – поздоровалась Анаит.

В проеме открывшейся двери стояла миниатюрная шатенка с миндалевидными темными глазами.

– Здравствуйте.

– Мы к Седраку Арутюновичу!

– Да, пожалуйста, проходите, – девушка улыбнулась, затем, повернувшись в сторону квартиры, громко позвала: «Дедушка! К тебе».

Из комнаты появился худощавый мужчина пенсионного возраста. Несмотря на светлый, серебристый цвет волос, усы и брови у него были черные, – явный признак породы в человеке, подобно черной гриве и черному хвосту у белой лошади. Высокий широкий лоб свидетельствовал об уме и склонности к интеллектуальной деятельности.

– Добрый день, уважаемые, – с радушной улыбкой поприветствовал гостей хозяин квартиры.

– Нам рекомендовали вас как знатока древних языков... – Анаит сделала паузу.

– Прошу, проходите, – старик посторонился, пропуская Максима и Анаит в квартиру. – Мне безгранично приятно, что я могу чем-то помочь известной журналистке Анаит Аветисян.

Максим ощутил гордость: его спутницу не только знают, но и искренне уважают.

– Спасибо! Седрак Арутюнович, разрешите вам представить моего друга и гостя нашей республики Максима Александровича.

– Очень приятно, – старик добродушно улыбнулся, протянул ладонь Максиму.

Маленькая комната, куда вошли Анаит с Максимом, оказалась похожей на книжный магазин. Все

стены были в книжных полках. Где-то красовались стройные ряды многотомников, а где-то выпирали корешки беспорядочно втиснутых книг и папок. И – специфический запах, присущий всем библиотекам и крупным архивам. Тот, кто хоть раз посетил библиотеку или архив, непременно ощутил этот книжный аромат и уже никогда не сможет его забыть.

– Проходите, вот здесь можно присесть, – Седрак Арутюнович указал на диван и с гостеприимным энтузиазмом предложил: – Кофе?

– Спасибо, нет, – вежливо отказалась Анаит. – Скажите, вы можете проконсультировать нас по одному старинному тексту? Гаяне Зограбян рекомендовала вас как одного из величайших знатоков древних языков.

– Гаяне, – повторил старик и задумался, видимо, что-то вспоминая. – Прекрасная женщина и прекрасный человек. Она мне звонила. Я вас слушаю, молодые люди.

Максим достал из кармана смартфон, включил его, в галерее изображений нашел фотографию с надписью на каменной плите и протянул старику.

Седрак Арутюнович долго всматривался в экран.

– Откуда это у вас?

– Долгая история, – отделался Максим заготовленной фразой.

– Не хотите говорить, – старик многозначительно улыбнулся и вернул смартфон Максиму.

– Здесь некоторые буквы похожи на армянские, – вступила в разговор Анаит, – но получается какая-то абракадабра. Это реально древняя письменность?

– Знаете, то, что вы мне показали, уникально. Если, конечно, это реальная каменная плита, а не фотомонтаж.

– Вот, – Максим провел пальцем по экрану. – Это второй снимок, правда, менее удачный...

– Позвольте, – хозяин квартиры протянул руку.

Он пристально всмотрелся на изображение, потом сказал:

– А можно сделать покрупнее?

– Да, конечно, – Максим большим и указательным пальцами раздвинул изображение.

Лоб Седрака Арутюновича под седыми, редко растущими волосами превратился в гармошку.

– Это же уникальная находка! – воскликнул старик и быстрым шагом направился к книжным полкам. – Она бесценна!

Максим с Анаит переглянулись, одобрительно кивнув друг другу.

В поисках нужной книги хозяин квартиры поднял правую руку с вытянутым указательным пальцем и стал на расстоянии водить им по корешкам.

– Вот! – наконец радостно воскликнул он.

Взяв книгу с полки, Седрак Арутюнович открыл ее, листая, подошел к креслу и сел.

– Ну вот! Пожалуйста.

Старик протянул открытую книгу своим гостям. Максим увидел на развороте фотографию каменной плиты с непонятными надписями.

– Университетский учебник прошлого столетия по истории армянского народа. А это снимки двух разных пограничных камней с высеченными на них надписями.

Анаит, пристально сравнивавшая фотографию в книге с изображением на смартфоне, заметила:

– Буквы вроде те же самые...

– Вы совершенно правы. Написано: «Пограничный камень Арташеса Первого».

– Это что? На древнеармянском? – Анаит была в недоумении, поскольку никак не могла разобрать слов.

– Очень интересный вопрос, – Седрак Арутюнович широко улыбнулся. – И именно этот вопрос волновал меня на протяжении всей моей жизни.

Старик радостно потер руки и встал с кресла.

– И тем не менее давайте выпьем кофе. Альбина! – практически крикнул он. – Не слышит. Моя внучка замечательно готовит кофе, а разговор наш будет долгим.

Когда хозяин квартиры вышел из комнаты, Максим обратился к Анаит.

– Скажи, пожалуйста, эта книга на армянском языке?

– Да.

– А что здесь написано? – Он ткнул пальцем в подпись к фотографии.

– «Пограничный камень Арташеса Первого. На арамейском языке», – перевела с армянского Анаит и вопросительно посмотрела на Максима. – Странно, почему на арамейском?

Максим поднял брови и пожал плечами.

Они сидели молча, ожидая, когда вернется Седрак Арутюнович.

Тот пришел не один, а с внучкой Альбиной, которая держала в руках поднос.

– Вы даже не представляете, какую прекрасную вещь вы мне принесли, – радостная улыбка не сходила с лица старика.

Альбина расставила чашки, налила из джезвы кофе и вышла.

– Седрак Арутюнович, а почему текст на пограничном камне армянского царя Арташеса напи-

сан на арамейском языке? – недоуменно спросила Анаит.

– Угощайтесь, – предложил старик и сам взял чашку. – Видите ли, в этом и заключается вопрос, который уже много веков рождает многочисленные споры, споры о существовании письменности в дохристианской Армении.

Неспешно сделав глоток кофе, он продолжил:

– Вам совершенно правильно показалось странным, что армянский царь Арташес высек надписи на каменных плитах для своего народа на иностранном языке. На так называемом арамейском. Если рассуждать логически, такого не могло быть в принципе. Арамейский язык имеет более чем трехтысячелетнюю историю. Арамейский был языком международного общения и административным языком многих империй в древние времена, он был языком Талмуда. И наконец, арамейский считается родным языком Иисуса Христа.

– Седрак Арутюнович, вы сказали, что арамейский был языком международного общения, – учтиво остановил рассказ старика Максим. – В таком случае логично, что его использовали для пограничных камней. Это как сегодня в любой стране на указателях дорог, помимо национального письма, применяется английский.

– Хорошее сравнение! – Старик одобрительно кивнул. – Вы правильно заметили, что английский применяется как универсальный, но обязательно вместе с национальным языком. А здесь, – хозяин квартиры указательным пальцем постучал по раскрытой книге, – второй письменности нет.

– Ну, возможно, были такие обычаи, – Максим старался защитить свою версию. – Древний мир, другая логика, иные нравы.

– Уважаемый Максим...

Седрак Арутюнович сделал паузу. Было очевидно, что он вспоминает отчество гостя. Максим, заметив его смущение, хотел было уже подсказать, но тут хозяин квартиры радостно потряс указательным пальцем, давая своим гостям возможность порадоваться, что память его не подводит, несмотря на преклонный возраст.

– Александрович! – воскликнул он.

– Можно просто Максим, – предложил Власов.

Седрак Арутюнович словно не услышал и продолжил:

– Так вот, уважаемый Максим Александрович, скажу честно, мне самому бывает очень трудно расставаться с привычными мифами. Иногда я держу в руках древний документ и испытываю жгучее желание не читать его, потому что он может разрушить очередной бастион моих представлений об истории. Иногда я хочу выбросить документ, забыть о содержащихся в нем фактах и продолжать жить, как живет большинство людей, довольствуясь привычными сказками. Но в то же время я очень хочу преградить путь распространителям лжи, которые используют доверие людей в своих целях. Понимаете, лживый миф не может возникнуть сам по себе, и уж тем более не может существовать долго, если этому никто не содействует. Вы только представьте, насколько могущественны те, кто скрывал от людей истину на протяжении долгих веков. Борьба с недоговоренностью и искаженной правдой очень сложно. Но я верю, что власть этих мифов не безгранична. Рано или поздно все тайны станут явными.

Это касается и арамейского языка. Почему историки утверждают, что арамейские племена, не имевшие собственной страны и просуществовавшие

каких-то три столетия, имели свою письменность и алфавит, которым пользовались все империи того времени? А в то же время огромное, как часто те же историки его называют, древнее Великое Армянское царство до Месропа Маштоца, то есть до пятого века уже нашей эры, не имело ни своей письменности, ни своего алфавита?

– Разве? – Максим посмотрел на Анаит, затем на старика. – Вы это серьезно?

– Удивлены? Это вполне логично. Никому и в голову не придет, что огромная страна, существовавшая на протяжении многих веков, обходилась без своего языка и письменности. И самое интересное, на что совершенно не обращают внимания: как мог в древнеармянском пантеоне существовать Тир – бог письменности, если таковой не было?

– И каким же языком пользовались в древнем Великом Армянском царстве? – заинтересованно спросил Максим.

– Арамейским.

– Седрак Арутюнович, но арамейский язык принадлежит к семитской языковой семье! – вознегодовала Анаит. – В армянском, конечно, есть некоторые заимствования из арамейского, однако это самостоятельный язык, причем совершенно другой группы.

– В существующей сегодня классификации – да. Но ведь эту классификацию создавали люди, то есть однозначно присутствовал фактор субъективности. Хотя этот фактор имел свои объективные условия.

– Не совсем вас поняла.

– Все дело в том, что древний армянский и есть тот самый арамейский язык, который, естественно, является семитским. Кстати, ряд специалистов считает, что, поскольку в Армении не было своего языка и письменности, в древние времена они ис-

пользовали арамейский. Они правы, действительно использовался арамейский, но не потому что родного языка и письменности не было. Без своего языка и письменности ни один народ мира не сможет стать государством, тем более таким крупным, каким была Великая Армения. Я проделал огромную работу...

Седрак Арутюнович встал, подошел к письменному столу и, открыв один из ящиков, стал что-то в нем искать.

– Вот оно! – потрясая исписанной бумагой, старик вернулся к своим гостям. – Посмотрите: несколько лет назад я начертил таблицу, в которой расположил арамейские буквы напротив похожих армянских. Анаит, вы знаете армянский, и вам будет проще понять. Видите? Из двадцати восьми арамейских букв семнадцать идентичны армянским. Вот эти, – старик ткнул пальцем в таблицу, – семь букв просто похожи. И только четыре буквы отличаются. Вы представляете? Всего четыре!

– Ну... может быть, – засомневалась Анаит, – но с большой натяжкой.

– Естественно, при сравнении современных армянских букв с древнеармянскими, то есть арамейскими, видно, что написание современных букв на протяжении веков изменялось несколько раз. А древние буквы, высеченные на скалах и камнях, как на вашей фотографии, долгое время находились под открытым небом и очень сильно от этого пострадали.

– Допустим, но как же тот факт, что по-арамейски писали справа налево, а по-армянски мы пишем слева направо?

– Вот мы и подошли к самому интересному. Принятие Арменией христианства было истинной рево-

люцией. Несмотря на то, что в Армении к этому времени было немало приверженцев христианства, да и сам царь Армении Трдат Третий решил христианство сделать государственной религией, для большинства жителей страны в далеком триста первом это было неприемлемо. У них существовал целый пантеон богов, в которых они верили из поколения в поколение. Поэтому сам процесс перехода к христианской религии был противоречивым, истинно революционным. А как вы знаете, всякая революция идеологически противопоставляет себя прошлому. Всякая революция, невзирая на то, где и как она происходит, борется с самым главным – с прошлым. И наконец, всякая революция ставит цель «разрушить до основания» старый мир, чтобы на его руинах воздвигнуть свой новый. При этом «разрушение старого мира» часто превращается в буквальное уничтожение памятников прошлого. Ибо у революции есть враг – отживший мир, и она безжалостна к нему.

Вспомните французских революционеров. Провозгласившая «декларацию прав человека и гражданина» и взявшая себе девиз «свобода, равенство и братство», революция сама, не замечая того, скатилась в ужасы террора и бесправия. Король и королева свергнуты, Церковь объявлена пособницей старого режима. Вместо культа Христа насаждается «культ Разума», который в действительности стал культом необузданного безумия. Закрыты парижские храмы, богослужения под запретом. Революционеры хотели истребить саму память о королях и христианстве. Даже летоисчисление стали вести не от Рождества Христова, а от установления Республики.

Я не говорю уже об октябрьском перевороте в России семнадцатого года. Вы не хуже моего знаете.

Так вот и для молодой армянской Церкви без разрушения старого не было бы созидания нового. Именно разрушения требовала Церковь. Поэтому после принятия христианства все древние армянские книги были преданы огню. Ничего не осталось. Однако тексты, высеченные на камнях, невозможно было уничтожить повсеместно. И слава Богу, что они уцелели, и тот, что на вашем снимке, – особенно. Поскольку не сохранилось ничего письменного, с легкой подачи «доброжелателей» было объявлено, что армяне до Маштоца письменности не имели. Затем последовательность букв в алфавитах арамейского и армянского перемешали, создав искусственный беспорядок, чтобы высеченные древние армянские надписи стало невозможно прочесть.

– Седрак Арутюнович, – перебила Анаит, – но вы не ответили на вопрос про направление письма. Это ведь очень серьезный аргумент.

– Я помню, – обаятельно улыбнулся старик, – и практически подошел к ответу на ваш вопрос. Кстати, наш гость внимательно слушает, но молчит...

– Просто все, о чем вы говорите, мне очень интересно, – признался Максим.

– Тогда я поставлю перед вами задачу, а результатом будет ответ на вопрос нашей уважаемой Анаит.

– Слушаю вас внимательно!

– Представьте себе конец третьего – начало четвертого века. Армения – христианская страна, разделенная между Персией и Византией. Ослабление и падение Армянского царства привело к оживлению языческих верований. Спасение армянского государства Церковь видела только в укреплении христианской веры среди всего народа. Однако была одна очень серьезная проблема. Богослужение

в основном, под влиянием Византии, велось на греческом языке. Естественно, народные массы, не владевшие этим языком, оказывались вне сферы влияния церкви. И вполне естественно, что появляется необходимость перевода Библии и богослужбных книг, а вместе с этим и необходимость разработки алфавита. На греческом языке пишут слева направо. На древнеармянском, то есть арамейском, наоборот. Так что же вы, Максим Александрович, постарались бы сделать?

– Интересный вопрос, – задумался Власов. – Думаю, поскольку Армения как христианская страна объективно больше тяготела к Византии, чем к Персии, то, по всей видимости, чтобы не создавать путаницу у священнослужителей, я бы создал алфавит подобно греческому и писал бы слева направо.

– Умница! – горячо одобрил Седрак Арутюнович. – Так поступали и поступают по сей день. В дебри истории можно не углубляться. В Советском Союзе в двадцатых годах прошлого столетия для всех тюркских языков был разработан новый латинский алфавит – яналиф, который заменил арабский. Да и не только в Советском Союзе. Во многих странах с учетом новых политических интересов менялся алфавит.

– Получается, – задумчиво проговорила Анаит, – что Месроп Маштоц не только создал новый алфавит и изменил систему правописания, но и стал своего рода первопроходцем в истории.

– Да, именно так. В силу естественных условий, ведь к началу пятого века армяне потеряли свою письменность, а применение алфавитов иных народов было невозможным.

– Почему? – живо отреагировал Власов, внимательно ловя каждое слово старика.

– Видите ли, уважаемый Максим Александрович, армянский язык насыщен неким количеством звуков, которые нельзя передать с помощью других алфавитов.

– Как все запутано...

– Да, к сожалению. Я вам показывал таблицу. Большая часть букв соответствует арамейским. Во-первых, это позволяло армянам легко адаптироваться к новому алфавиту и создать – заметьте, не древнеармянский, поскольку он уже был, – а староармянский язык «грабар» с измененными правилами правописания. Во-вторых, это некоторым образом объединяло армянскую церковь с византийской. И в-третьих, в Византию мигрировало много армян, которые в конечном итоге стали занимать видные места в составе господствующего класса Византии. Из приезжих вышел целый ряд императоров и династий. Именно влияние греческого языка изменило древнеармянский, то есть арамейский, и он стал типично европейским языком, с правописанием слева направо. Такова история нашего грабара.

– Вполне логично, – задумчиво согласился Максим. – Все вами сказанное кажется реальным. Действительно, есть общеизвестный арамейский язык, который являлся языком международного общения в древние времена, но нет реальной страны – носителя этого языка. Более того, ведь считается, что арамейцы – исчезнувший народ. Если предположить, что в пятом веке, после принятия христианства, был создан новый армянский алфавит с изменением направления письма, многое становится на свои места. Но у меня остался еще один вопрос, Седрак Арутюнович. Как быть с тем, что на арамейском языке не только общались жители Ближнего Востока и Месопотамии, но на нем же были запи-

саны несколько книг Библии из Ветхого Завета – Даниила, Ездры – и ряд книг Нового Завета? Зачем надо было переводить с греческого, если у армян был подлинник без перевода, на родном, как вы говорите, арамейском языке?

– Дело в том, что после принятия христианства все древние армянские книги сожгли. И такое происходило не только в Армении. Еще со времен апостолов Петра и Павла в первом столетии повсеместно, где создавались христианские церкви, все написанное на арамейском языке уничтожалось.

– Это известный факт. Но меня всегда интересовал вопрос: почему? – настаивал Максим.

– Просто они считали, что старый мир отжил свой век, и были безжалостны к наследию прошлого.

– Я так много сегодня узнал! Огромное спасибо вам!

– Ну, если наш русский гость пришел к этому выводу, – широко улыбнулся старик, – думаю, мы ответили на ваш вопрос, уважаемая Анаит.

– Да. Рассказанное вами многое переворачивает в сознании...

– Понимаю, понимаю.

– Кстати, все время хотел спросить, – Максим подался вперед, – Седрак Арутюнович, а как вы считаете, почему ближневосточные народы пишут справа налево? Я читал про то, что еврейская и арабская письменность якобы возникла на основе древневавилонского клинописного письма, а западная традиция письма – из древнеегипетского папирусного.

– Хм, – улыбнулся старик, – есть такая версия, но она весьма спорная. Все объясняется довольно просто и логично. Представьте, что перед вами лежит папирус, а в руках у вас стило. В какой руке вы его держите?

– Естественно, в правой.

– То есть вы правша, которых восемьдесят пять процентов на земле. Итак, вы царапаете иероглифы правой рукой. Вы можете при этом видеть то, что написано справа от вас?

Максим подвигал кистью, представляя, будто что-то пишет.

– Нет, рука все закрывает.

– Зато вам прекрасно видно то, что вы написали слева, не так ли?

Власов кивнул.

– Возникает вопрос: как вам удобнее писать?

– Конечно, слева направо, поскольку так видно уже написанное, – вклинилась Анаит.

– Правильно. А теперь представьте, что перед вами каменная плита, и вы должны молотком и зубилом высечь на ней клинописные иероглифы. Возьмите в руки молоток и зубило. Так как вы правша, то возьмете в рабочую руку молоток, а в левую зубило.

Максим вновь поднял руки и показал, как бы работал инструментами:

– Ну да, все верно.

– Здесь все противоположно. Левая рука с зубилом напрочь закрывает написанное слева, зато вся правая сторона видна хорошо. Согласны?

– Да, получается именно так.

– Так как вам удобнее высекать на камне иероглифы?

– Справа налево! – опередила Анаит Максима с ответом.

– Семитские языки, в число которых входит и арабский, и иврит, одни из древнейших на нашей планете. Они зародились в то время, когда никто даже и мечтать не мог о бумаге. А поскольку была необходимость каким-то образом фиксировать информацию,

древние люди высекали ее на камне. Кстати, если вы внимательно присмотритесь к буквам еврейского алфавита, то заметите их своеобразную конфигурацию, свидетельствующую о том, что изначально буквы высекались на чем-то твердом, то есть на камне. Именно такие буквы удобно вытесывать с помощью зубила. Таким образом, мы подошли к ответу на ваш вопрос, уважаемый Максим Александрович. – Седрак Арутюнович любезно улыбнулся. – Конечно, камень давно уже перестал быть единственным долговечным хранителем информации, но правила письма этих древних народов сформировались настолько фундаментально, что никто не стал их кардинально менять.

– Оказывается, загадка о направлении письма в иврите и арабском языках объясняется на удивление легко и просто, – удивленно покачала головой Анаит.

Максим посмотрел на часы. Они находились в гостях уже больше часа. За интереснейшим разговором время пролетело как одно мгновение. Оба – и Максим, и Анаит – словно захмелели от беседы с хозяином, от обилия информации, которую получали из первых рук.

– С вами очень интересно, но пора и честь знать, – встав с дивана, вздохнул Максим.

Анаит тоже поднялась:

– Да, нам действительно пора.

– Жаль, но не смею вас задерживать.

Седрак Арутюнович проводил их до выхода и любезно открыл дверь.

И тут Максим вдруг вспомнил, для чего они приходили.

– Седрак Арутюнович, самое главное-то мы забыли! Что же написано на той каменной плите? Вы смогли прочитать?

- Багаран.
- Что? – переспросил Максим.
- Багаран, – повторил старик.
- Название одной из столиц Древней Армении, – пояснила Анаит.
- Совершенно верно, – хозяин квартиры лучезарно улыбнулся.
- Спасибо, до свидания!
- А вам всех земных благ! – попрощался Седрак Арутюнович.

35.

В сквере возле ереванского Театра оперы и балета раскинулись многочисленные кафе. В теплые вечера здесь всегда было многолюдно, в отличие от дневного времени. На скамейке, стоящей в глубине небольшой тенистой аллеи, сидели двое мужчин. Один развернул газету и всем своим видом демонстрировал, что внимательно изучает прессу. Второй расположился с края, в полутора метрах от соседа. Его лица тоже не было видно, поскольку он, низко склонив голову, смотрел в смартфон. На первый взгляд это были совершенно незнакомые люди, молча занимающиеся каждый своим делом. Но на самом деле это был Эндрю и высокий полицейский чин, которого рекомендовал Нильс Баух. Полчаса назад полицейский послал Эндрю сообщение, что есть новости и они должны встретиться.

– Когда тело Мандзони отправляют в Италию? – не тратя время на приветствия, спросил Эндрю.

– Завтра утром. Рейс Ереван – Рим, вылет по расписанию в половине девятого.

– Хорошо. – Эндрю задумался. – Есть какие-то нормативы по перевозке тел умерших?

– Да, при авиаперевозках гроб с покойником обязательно кладут в цинковый контейнер и запаивают.

– Нам необходимо подумать, каким образом отправить вместе с гробом еще кое-что. У вас есть предложения?

– То, что предполагается к отправке, большого объема?

– Возможно.

– Тогда будет довольно сложно.

Полицейский решил потянуть время, словно он тщательно обдумывает различные варианты. В реальности же поражался, насколько его собеседник уверен в том, что в подземной пещере находятся ценности. А если там, в этих катакомбах, ничего не будет? Полицейский скривил губы и, чтобы замаскировать скептический настрой, поменял позу, закинув правую ногу на левую.

– Ну-у, – потянул он, – в принципе, есть один вполне надежный вариант.

Полицейский в деталях обрисовал Эндрю свой план по отправке сокровищ в Италию.

– Прекрасно. Вот видите, а вы говорили, будет сложно, – надменно бросил Эндрю.

– Но, – задумчиво продолжил полицейский, – тут возникнут дополнительные затраты. – Он сделал паузу, словно подсчитывая в уме. – Я бы даже сказал, очень существенные.

Это только утвердило Эндрю во мнении, что для его собеседника самое главное – деньги, что он не чурается даже мелкого шипачества. При хорошей оплате он готов грызть гранит, усмехнулся про себя Эндрю.

– Не волнуйтесь, ваш гонорар будет весомым, а все понесенные вами расходы мы компенсируем с лихвой.

– Спасибо!

– Теперь расскажите, как у вас идет следствие по разбившимся археологам?

– Все склоняется к тому, что неудачное стечение обстоятельств привело к несчастному случаю.

– А как насчет восстановления работоспособности люльки?

– Через несколько часов запланирован следственный эксперимент.

– После эксперимента не будут разбирать?

– Нет, до завтрашнего дня она останется в сто процентно рабочем состоянии.

– Ну что же, пока все прекрасно, – довольно кивнул Эндрю. – Теперь технические вопросы. Мне сегодня вечером нужна машина. В нее вам придется загрузить большой...

– Я понял, – прервал его полицейский.

– Прекрасно. Надеюсь, это будет для вас не сложно. Успеете?

– Да, – отрезал полицейский, недовольный командным тоном собеседника.

Эндрю заметил, как изменилась интонация полицейского, но не стал придавать этому значения.

– Вы уже решили вопрос пластита и детонатора?

– Пока нет. Сколько штук вам надо?

– Брикет по четыреста граммов?

– Да.

– Тогда я думаю, – стал прикидывать Эндрю, – расширить лаз – это сто, максимум двести граммов. Под конец завалить вход в пещеру. Граммов двести-триста. Ну и в самой пещере, не исключая, понадобится еще столько же. Получается, два брикета

и три-четыре детонатора с дистанционным подрывом.

– Хорошо. Они будут в машине. Во сколько встретимся?

– Желательно вечером, но не очень поздно.

– Давайте в восемь.

– Давайте. Где?

– Посмотрите налево. Там Северный проспект, пешеходная зона. Пройдете по ней до первого переулка и свернете направо. Машину вы мою знаете, уже видели.

– Тогда до вечера, – вставая, бросил Эндрю.

Полицейский остался на скамейке в одиночестве. Ему было над чем подумать.

В детстве, начитавшись детективных романов о Шерлоке Холмсе, комиссаре Мегрэ, Пинкертоне, он мечтал стать великим сыщиком. В начале своей карьеры усердно боролся с теми, кто нарушал законы общественной жизни, однако, будучи по натуре довольно жадным, всегда старался отхватить лакомый кусочек. Наблюдая, как общество, переориентировавшись только на потребление, забыв о душе и совести, старается делать все ради материального обогащения, он радовался, поскольку именно такое общество создает плодородную почву для совершения различных преступлений, особенно в экономической и финансовой сфере. А чем больше преступлений, тем выгоднее служить полицейским такого склада, как он. Личный достаток просто лежал под ногами, надо было лишь нагнуться и взять. Но в то же время он хотел поддерживать репутацию высокого профессионала. И тогда он пошел хитрым и нетрадиционным путем. Армения – страна маленькая, и многие друг друга не только хорошо знают, но и обмениваются ново-

стями, обсуждая, кто и что сделал. Любая информация становится известна многим, если не всем, буквально со скоростью света. Достаточно у кого-то взять хотя бы пачку сигарет, как тут же все сослуживцы и начальство узнавали, кто для чего дал и почему он взял. Поэтому свою систему он создал на связях с иностранцами и их компаниями. Довольно сносно владея английским языком, он быстро находил и легко поддерживал нужные контакты, предлагая дружескую помощь при возникавших проблемах. За содействие в решении задач, стоящих перед иностранными представительствами, его неплохо вознаграждали. Через некоторое время одна из фирм предложила полицейскому отдохнуть на Лазурном Берегу за счет компании. Однако он, дальновидный и осторожный, прекрасно понимал: любая поездка в Европу на несколько дней сразу вызовет массу разговоров и подозрений. К тому же во Франции проживает много армян, и, по закону подлости, обязательно попадется кто-нибудь знакомый.

По воле судьбы компания, предложившая полицейскому поездку во Францию, принадлежала Нильсу Бауху. И когда ему доложили о некоем осторожном страже порядка, который успешно решает различные вопросы на территории Армении, Баух, как любитель коллекционировать людей, пожелал непременно с ним встретиться. Ему настолько понравилась характеристика полицейского, что он великодушно предложил ему воспользоваться своим самолетом и пообещал максимально законспирировать пребывание в Милане.

У Армении нет собственного морского побережья, и многие армяне летом ездят в соседнюю Грузию, проводя свой отпуск в районах Батуми и Кабулети. Так же поступил и полицейский, от-

правившись с семьей в законный отпуск в Грузию, а потом, сославшись на неотложные и срочные дела в Тбилиси, незаметно для всех утром вылетел в Милан, но уже вечером вновь был со своей семьей и новыми знакомыми по отдыху.

Сейчас, сидя на скамейке возле ереванского оперного театра, он вспомнил свой первый приезд в Милан. Как в аэропорту его встретил глава ереванского офиса Николо де Сантис, с которым у него сложились самые хорошие отношения. Как они вместе приехали в укромный ресторан позавтракать. Там их уже ждал немолодой сухощавый человек, представившийся Нильсом.

Он вспомнил, как новый знакомый сказал ему: «Невозможно делать серьезную карьеру без материальных вложений. Вы отменный профессионал, умеете дружить и защищать своих друзей, умный, скромный и осторожный. Одним словом, у вас есть все для блестящей карьеры – кроме возможности инвестировать в нее. Поскольку вы нам очень помогаете в Армении и наши взаимовыгодные отношения переросли в настоящую дружбу, мы бы хотели предложить вам недостающий инвестиционный пакет».

Именно после этой встречи в Милане карьера полицейского стала расти как на дрожжах. У него появились прекрасные возможности: с одной стороны, вести себя как неподкупное и не связанное с коррупционерами должностное лицо, а с другой – делать дорогие подарки начальству, искусно создавая щекотливые ситуации, при которых одариваемые чувствовали себя в некотором смысле должниками полицейского. Сам он считал, что схватил за хвост Жар-птицу. Компания же свою деятельность в Армении постепенно стала сворачивать, и полицейскому

не часто приходилось в чем-то помогать ее представителям. Тем не менее он регулярно получал причитающийся ему пакет с денежными знаками и различные брендовые товары, предназначенные для дарения. За все это время каких-либо сложных задач перед ним не ставили в принципе. Все шло размеренно, спокойно, к нему относились почтительно.

Но после встречи с Эндрю он, словно мальчишка на побегушках, должен был выполнять все его просьбы. Хотя просьбами это назвать было трудно. Скорее приказами. Ощущение того, что он попал на серьезный крючок и соскочить будет невозможно, бесило. Впрочем, его мысли больше были заняты другим. Что находится в пещере? Золото, драгоценные камни? Или же некие старинные артефакты?

– Не продешевить бы, – сквозь зубы произнес полицейский, вставая со скамейки.

36.

– Какой интересный человек этот Седрак Арутюнович, – сказала Анаит, как только они вышли из дома старика.

– Да, очень.

Напряжение, сковывавшее их до посещения старого ученого, полностью рассеялось.

– И погода такая чудесная, – добавил Максим.

– Давай немного пройдемся, – предложила Анаит.

– С удовольствием.

Все еще находясь под впечатлением от разговора со стариком, некоторое время они шли молча. Каждый размышлял о случившемся многие столетия назад, и в их мыслях было одно общее: как безжа-

лостны к прошлому все те, кто совершает действия, меняющие и искажающие не только ход истории, но и духовность самого человека.

– Как это ужасно, – выдохнул Максим.

– Искаженная история? – Анаит словно прочитала мысли Власова.

– Да. Ведь можно сказать, что, помимо известной нам истории с ее фактами и датами, параллельно существует другая, скрытая от большинства людей. Это, как говорится, изнаночная сторона истории, и о ней мы можем только догадываться... А официальная версия исторической картины, которая нам предоставляется и активно поддерживается средствами массовой информации, всего лишь политическая конструкция, и с ее помощью одних обеляют за счет других. К счастью, в искусственно созданном тумане все же можно разглядеть дорогу. Ни одна тайна, покрытая мраком, не исчезает бесследно. У каждого события из нашего прошлого своя судьба, и во многих случаях суд истории выносит им справедливый приговор.

– Во многих, но не во всех... К тому же может быть слишком поздно, и какой тогда в этом смысл? Как говорится, дорога ложка к обеду.

– Ты права, много в истории человечества искажений, боюсь даже, кое-каким обедам ложек теперь и не достать. Как же милейший Седрак Арутюнович негодовал насчет этих искажений! И как ни парадоксально, с одной стороны, история играет важнейшую роль в жизни людей, помогает избежать опасных ошибок, которые совершили наши предки много лет назад. В конечном итоге без знания прошлого невозможно изменить настоящее и будущее. С другой стороны, историческая наука, как продажная девка, каждый раз подстраивалась и подстраи-

вается под власть имущих. Кто платит, тот и заказывает летописцам и историкам выгодный для себя вариант событий. Поэтому, к большому сожалению, правду далеких времен нам не суждено когда-либо узнать. И за всем этим стоит специфическая когорта людей, которые описывали происходящее с чьей-то субъективной позиции.

– Почему специфическая? Историк не самая худшая профессия. Во всяком случае, очень интересная и нужная. Поиск и изучение прошлого – это же так интересно.

– Поиск, изучение – да, но не написание. Помнится, когда я учился в аспирантуре на кафедре управления, один из сотрудников мне сказал: «Есть люди, которые умеют управлять, они занимаются практической деятельностью. Те, которые не умеют управлять, учат, как надо управлять. И есть люди, которые не умеют управлять и не умеют учить, и они-то, как правило, учат, как надо учить управлять». Эта формула универсальна. Ее можно использовать для любой профессии и специальности. Возьмем историю. Есть личности, которые делали и делают историю. Не умеющие делать историю люди изучают прошлое, устанавливают подлинность событий и истинность фактов. Ну а те, которые не умеют делать историю и не умеют ее изучать, переписывают события и факты под заказ.

Они, словно мухи из той притчи, которую вчера рассказал нам Вардгес. Как точно эта притча описывает людей, занимающихся созданием псевдоистории! Любое искажение, неточность в прошлом и настоящем подобны нечистотам, и те, кто порождает эти нечистоты, вольно или невольно создают среду для появления все большего количества себе подобных навозных мух.

Получается, есть истинная история, которую знают немногие, и они используют ее практически безошибочно. А для большинства населения планеты история преподносится искаженной, в силу чего людям приходится повторять ошибки предков и совершать новые. Ведь, чтобы понимать события настоящего, необходимо знать достоверные факты прошлого. Мы часто сталкиваемся с ложью – то с безобидной, то с такой, которая приносит боль и горе. Но есть еще другая, страшная, целенаправленная и подготовленная ложь – информационная. Она незаметно проникает в умы людей, в самую глубинную его часть – подсознание. Эта ложь правит бал годами, десятилетиями. Да что там десятилетиями – веками люди из поколения в поколение боготворят тех, кого, по идее, зная правду, должны презирать. И наоборот, некоторые исторические персонажи, которых история покрасила без стыда и совести в черный цвет, оказывается, были достойны уважения и подражания.

Седрак Арутюнович сравнил принятие христианства в Армении с французской революцией. Я сейчас задумался. А ведь, действительно, появление христианской религии было истинной революцией. И апостолы были революционерами. Вспоминается, как говорил Отто фон Бисмарк: «Революцию замышляют романтики, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются мерзавцы». Если поразмыслить над этими словами, то Иисус Христос был реальным романтиком, а его апостолы фанатиками. А плодами воспользовались проходимцы-мухи, исказившие истину. Иначе не назовешь тех церковников, которые устраивали крестовые походы против своих же христиан, объявляя их еретиками. Да одна только инквизиция чего стоит! Сейчас трудно сказать, ради

чего они это делали, но вот, что очевидно: такое отношение к людям не было истинно христианским, оно не имело ничего общего с тем учением, которое проповедовал Христос. Помнишь, как в синоптических евангелиях Иисус Христос, обращаясь к своим ученикам, всегда говорит: «Истинно говорю». Истина, – повторил Максим, – правда, противоположность лжи, различного рода искажений и нечисти. Для людей, схожих с пчелами, истина подобна пурпурному цветку в саду, благоуханной фиалке во мгле лесной, она подобна лепесткам лавра, из коего в земном раю плетут венки...

Анаит, идущая рядом с Максимом, повернулась в его сторону. Власов, почувствовав направленный на него взгляд, посмотрел на собеседницу. Ее глаза излучали восхищение.

– Замечательная аналогия, – тихо проговорила Анаит. – Подари мне эту идею. Она мне так понравилась! Мне хотелось бы ее развить и написать статью.

– Она твоя, – охотно кивнул Максим.

– Спасибо!

Они смотрели друг на друга молча, улыбаясь и, казалось, излучая огромное тепло.

– А хочешь еще пару подарков? – наконец предложил Власов.

– Я очень люблю подарки. Особенно если они необычные и интересные.

– В продолжение сравнения христианства с истинной революцией. Получается интересная штука. В студенческие годы нас учили, что всякая революция происходит из-за взаимосвязи производительных сил и производственных отношений. И приводили доказательства. Но, в силу случившихся в последнее время так называемых «цвет-

ных революций» в разных странах, мы четко стали понимать: за каждой революцией стоят определенные, вполне конкретные люди. На самом деле ни одна революция в истории человечества не происходила на основе неких закономерностей. Уже давно известно, например, что за французской стояли Ротшильды.

– А за Октябрьской социалистической революцией в семнадцатом году – Германия...

– Нет, – отрезал Максим. – Сейчас считается, что Германия давала деньги большевикам для организации переворота в России, но, если посмотреть на сумму, она просто смехотворна. За такие деньги малоизвестная и немногочисленная партия большевиков никогда не смогла бы привлечь в свой стан столько людей.

– Тогда кто же, по-твоему, финансировал октябрьский переворот?

– Тот, кто стремился уничтожить царскую семью.

– Это что, и была главная цель?

– К сожалению, да. Желание уничтожить Романовых появилось, я думаю, чуть раньше, чем возможность революции в России. И появилось она у создателей небезызвестного банка Федеральной резервной системы – эдакой частной лавочки, печатающей доллары США.

В свое время Майер Амшель Ротшильд как-то сказал: «Дайте мне право выпускать и контролировать деньги страны, и мне будет совершенно все равно, кто издает законы!» Желание основателя династии с блеском осуществили его потомки, вместе с другими кланами. Первая их попытка создать Федеральную резервную систему провалилась: им противостояли не менее сильные финансовые воротилы. И нужно было от них избавиться.

Есть разные точки зрения, однако наиболее правдоподобной мне кажется не самая популярная. Она заключается в том, что для неудобных людей была устроена тайная ловушка, которая называлась «Титаник». На борту этого океанского лайнера отправились в плавание почти все противники ФРС, а вот владелец «Титаника» Джон Пирпонт Морган, у которого за пару лет до катастрофы собирались основатели системы, в последнюю минуту отказался от круиза. Не было на корабле и остальных участников этого собрания. Они словно заранее знали, что должно случиться. Катастрофа пятнадцатого апреля тысяча девятьсот двенадцатого года похоронила в морской пучине не только сто восемнадцать из ста семидесяти пяти миллионеров, находившихся на «Титанике», но и обрушила все преграды для создания ФРС.

– Сколько миллионеров, ты сказал? Сто восемнадцать? – поразила Анаит.

– Да. И заметь, все они были пассажирами первого класса, а значит, фактически с зарезервированными местами в спасательных шлюпках. Но они оказались истинными мужчинами, отдав свои места женщинам и детям. Надо иметь огромный духовный потенциал для такого поступка. И у них этот потенциал был. Именно поэтому, понимая, что за авантюра предлагается с созданием ФРС, они стали ее противниками и тем самым подписали себе смертный приговор... Вот так, жесточайшим образом расправившись с противниками, в тысяча девятьсот тринадцатом году и появилась Федеральная резервная система. В начале прошлого века доллары, рубли, марки, франки и прочая валюта в случае необходимости обменивались на эквивалент в золоте, поэтому при создании ФРС в качестве уставного

капитала взяли золото. Хитрые и опытные семейные кланы Ротшильдов, Морганов и прочих устроили все таким образом, что американские банки не смогли участвовать в создании ФРС, поскольку, по закону США, они не могли предоставить свое золото в качестве уставного капитала. Клань рассчитывали создать уставной капитал из золота других стран. Однако практически никто из крупных мировых держав не откликнулся на предложение профинансировать своими золотовалютными резервами уставной капитал ФРС. Лишь Николай Второй сделал внушительный взнос, по некоторым данным – почти восемьдесят девять процентов уставного капитала в золоте. При этом Россия должна была ежегодно получать четыре процента от вложенных средств в качестве дивидендов. Но, как известно, вскоре грянула война, а затем произошел и Октябрьский переворот.

Есть давно известный факт: для достижения поставленной цели самым верным способом ее достичь является декларация совершенно иной цели или программы. Строится так называемый невинный обман, что в конечном итоге наиболее эффективно приводит к достижению скрытой истинной цели.

Поэтому, когда происходят войны, революции, перевороты, всегда возникает вопрос: а кому это выгодно? Тот, кому выгодно, будет делать все возможное, чтобы истина никогда не вышла наружу. Тут-то и появляются историки, под диктовку фиксирующие, как якобы все происходило.

Так вот, по моему глубокому убеждению, государственный переворот в России больше всего был нужен ФРС. Они рассчитали, что, благодаря перевороту, появится возможность ликвидировать всю

царскую семью как держателя основного пакета акций ФРС. Во всяком случае, почерк очень похож — что с «Титаником», что с октябрьским переворотом. Есть и второй аспект, подтверждающий прямое финансирование ФРС октябрьского переворота. Я тебе уже говорил, что на относительно небольшие немецкие деньги большевикам это сделать не удалось бы. Европа была охвачена войной. Ни один европейский банк не смог бы выделить достаточно финансов на революцию в России. Да и банкиры со своим специфическим характером ростовщичества деньги на сомнительную революцию вряд ли бы дали. Единственная финансовая организация, которая могла выделить такое количество средств, и притом — самое главное для финансистов! — не своих, была все та же ФРС.

— Честно говоря, о российском золоте в ФРС я читала, но никогда не слышала об участии ФРС в событиях семнадцатого года, — покачала головой Анаит.

— Хм, — улыбнулся Максим. — И вот тут появляется самый интересный момент, о котором ты, держу пари, и понятия не имела. До семнадцатого года Ленин и Троцкий были заклятыми врагами. И вдруг в одночасье все меняется! В начале семнадцатого Троцкий находился в США. Там он провёл два с лишним месяца, в конце марта решил вернуться в Россию, но был интернирован британскими властями в Канаду. Его обвиняли в получении «немецких денег» с целью свержения Временного правительства. Естественно, это был полный абсурд. И тут появляется Владимир Ленин, который активно способствует освобождению Троцкого. Более того, после возвращения Троцкого в Петроград Ленин приблизил его, сделав фактически вторым чело-

веком в партии. Это не наводит тебя на определенные размышления?

— Троцкий был прекрасным оратором, а тогда именно такие были очень нужны.

— Это лишь верхушка айсберга. Троцкий не просто так находился в США: именно он привез оттуда необходимые финансы для переворота. То, что в Петроград он прибыл уже с огромными деньгами, видно по хронологии событий того времени.

— Надо же! — Анаит даже шаг замедлила.

— Как только Троцкий в мае семнадцатого года прибывает в Петроград, начинается стремительный переход солдат и матросов на сторону большевиков. Ты прекрасно понимаешь, что одними ораторскими способностями вряд ли можно привлечь на свою сторону целые гарнизоны. Без денег тут не обошлось. Ну а после октябрьского переворота Ленину, Троцкому и остальным высокопоставленным большевикам надо было расплачиваться за предоставленные деньги. На кону стояла жизнь царской семьи. Многие становятся понятным, когда по прошествии определенного времени ты задаешься вопросами, кому это было выгодно, кто и что после получил. И выходит, что больше всего выиграла и получила от октябрьского переворота зловещая частная контора под названием ФРС.

— Это чрезвычайно интересно! Подарок принимается. А где ты это прочитал?

— Честно?

— Хотелось бы...

— Только между нами, — Максим остановился, с широкой улыбкой взял руку Анаит и поцеловал. — Совершенно секретно! Такую версию событий я нигде не читал. Это просто мои исследования и размышления. Я заметил, что во время революций

всегда уничтожается все старое. Чья-то рука словно ведет массы, опьяненные вседозволенностью и кровью, разрушать и уничтожать. И все потому, что это не процесс эволюционного развития общества, а чье-то желание силой внести существенные изменения в устоявшийся порядок того или иного общества. Основная цель кукловодов революционных переворотов – в корне изменить нравственные, психологические и моральные качества человека. Зачем глубоко копать, возьмем тот же умело организованный распад СССР. До какой степени изменились люди! Если сравнить лица с фотографий или видеозаписей прошлых лет с современными, видно, как изменилось выражение глаз... Это происходит там, где появляется «благодатная почва», то есть искаженная история. Там, где нет исторической истины, балом правит ложь. Заметь, когда новое появляется благодаря эволюционному развитию, никому и в голову не придет уничтожить старое. С появлением автомобилей не стали же истреблять лошадей. И после изобретения телевидения люди не отправили на свалку свои радиоприемники. Таких примеров можно привести множество.

Вот поэтому, когда Седрак Арутюнович сказал, что принятие христианства в Армении было революционным событием, уничтожением всего прошлого, я и спросил себя: если за всякой революцией и переворотом стоят определенные силы с определенными задачами, то что это были за силы? Неужели при появлении нового так уж необходимо было уничтожить все старое?

– Слишком давно это случилось, Максим, и вряд ли мы когда-нибудь сможем все выяснить.

– Знаешь, иногда история человечества представляется мне в виде многоэтажного здания, чем-то

вроде Вавилонской башни. Не вдаваясь в очень далекую историю, представь: в доме этом около тридцати этажей, где каждый этаж – столетие. Естественно, каждый возводился под руководством своего архитектора, своих прорабов, а внешний лоск ему придавали свои дизайнеры. Поэтому стили этажей различаются, хотя и наблюдается много общего. Одни оформлены во всех оттенках красного, потому что тогда происходили события, унесшие много человеческих жизней, другие – в сине-зеленых тонах, поскольку была эпоха мореплавателей и открытия новых территорий... После завершеного столетия начинался строиться новый этаж. Так, век за веком, здание поднималось все выше и выше. Появлялись новые архитекторы, прорабы и строители. Менялись и дизайнеры, которые часто и весьма умело, по настоянию заказчиков, скрывали несущие стены, балки, коммуникации, различные недочеты при строительстве. Искаженная правда, историческая ложь в данном случае подобна скрытым дизайнерами строительным погрешностям. Так часто бывает: на чертежах одно, а в реальности другое. И при всем этом незнании истины – где несущие балки, как проходят те или иные коммуникации – строительство продолжалось и продолжается...

По логике, наше здание должно было давно развалиться. Его периодически трясет, и создается ощущение, что это последний день, что оно вот-вот рухнет, словно картонный домик. Но все-таки продолжает стоять. Не знаю, кто придумал выражение «наш хрупкий мир», однако оно очень точно определяет состояние этого здания.

– Тогда как ты объяснишь, почему это здание стоит многие века и до сих пор не рухнуло? – спросила Анаит.

– Основа любого здания – его фундамент. А фундамент нашего был создан Великим Творцом. Он заложил в него уникальные силы, которые компенсируют наклон здания в ту или иную сторону, тем самым не допуская его разрушения.

– Как все-таки жаль, что мы многого никогда не сможем узнать...

Они стояли настолько близко друг к другу, что, казалось, вот-вот должны обняться. Одним женщинам нравятся красивые мужчины, другим богатые, но только мудрым и самодостаточным нравятся умные. Поэтому во взгляде Анаит, направленном на Максима, можно было увидеть яркую искру зарождающейся любви. Однако почти тут же, смутившись, Анаит отвела глаза и проговорила:

– Что-то я проголодалась...

– Немудрено, – улыбнулся Максим. – После такой объемной информационной пищи и желудок попросится заморить червячка. – Он посмотрел на часы: – Уже пять минут второго. В принципе, время обеденного перерыва.

– У тебя есть какие-то предпочтения в еде?

– Как гость этого прекрасного города, я полностью полагаюсь на ваш вкус и предложение.

– Тогда предлагаю перейти улицу и зайти вон туда, – Анаит указала в сторону сквера и расположенного перед ним ресторана.

37.

Официант предложил сесть в зале или на веранде, и они выбрали веранду: туда попадали яркие осенние лучи солнца и веяло приятной прохладой. Анаит, как знаток местной кухни, взяла на себя от-

ветственность выбора блюд. Сообщив заказ официанту, она сказала Максиму:

– Я сделаю один звонок, хорошо?

Пока Анаит о чем-то разговаривала с собеседником по-армянски, Максим, чтобы не скучать, попытался выстроить в логическую цепочку вчерашнее трагическое происшествие в ущелье, сегодняшнее убийство в Матенадаране и надпись на каменной плите. Что или кто может все это объединять?

Однако, раз за разом спрашивая себя об этом, он только блуждал по темному лабиринту туманных предположений, откуда не было ни одного мало-мальски логичного выхода.

– Я звонила своему корреспонденту, – положив телефон на стол, сказала Анаит. – Попросила сделать интервью с Седраком Арутюновичем для газеты. А ты какой-то хмурый... Что случилось?

– Не хмурый, просто задумчивый. Кстати, как там Седрак Арутюнович сказал: Бо-га-ран?

– Да. Но не Богаран, а Багаран.

– Багаран, – задумчиво повторил Максим. – Ты замечаешь, как созвучно слово «Багаран» с русским «богорай»?

– Да, что-то есть, – усмехнулась Анаит. – Но неужели слово сделало тебя таким задумчивым?

Чувствовалось, что она все еще находится под впечатлением от встречи со стариком.

– Никак не могу связать воедино вчерашнюю трагедию, утренний труп в Матенадаране и это слово на каменной плите, – откровенно ответил Максим. – Вот как объяснить, почему эта безобидная надпись, хоть и, возможно, древнейшая, стала причиной убийства?

Анаит пожала плечами.

– Итак, у нас явно одна и та же фотография каменной плиты с надписью, – принялся рассуждать Максим. – Но название одной из древних столиц Армении разве повод убивать? Для чего? Ради чего? – Он негодовал и повторялся. – У нас однозначно не хватает информации. Это как в математике: для решения любой задачи необходимо иметь какое-то минимальное количество параметров, условий. Мы явно что-то не учли или просто чего-то не знаем.

– Может быть...

Максим, хмурясь, достал из кармана смартфон и в который уже раз начал разглядывать фотографии, сделанные погибшим молодым археологом. Из пяти последних снимков два были с надписью на каменной плите, а остальные три – темные. Утром ни Анаит, ни Максим не придали значения этим неудачным, как они думали, кадрам. Однако сейчас Власов обратил внимание, что темный фон на снимках не однородный, есть маленькие, еле заметные серые вкрапления. Он увеличил масштаб, и вкрапления приобрели некую форму. При еще большем увеличении серое превратилось в неясные контуры. Максим перешел ко второму снимку и удивленно вскинул брови: тот же эффект подсветки, но контуры явно другие. Экран смартфона был слишком мал, чтобы определить, какие предметы оказались в кадре.

Тем не менее Власов широко улыбнулся. Анаит, заметив смену настроения своего спутника, удивилась.

– Ну наконец-то!

– Еще бы! – Максим протянул смартфон Анаит. – Посмотри внимательно на эти темные фотографии в увеличенном масштабе.

– Тут как будто какие-то полоски. Но почему так нечетко?

– Фотографии сделаны без вспышки – по всей видимости, в пещере.

– Разве такое может быть? Ведь в телефонах вспышка загорается автоматически.

– Да, но вспышка могла сломаться, или хозяин смартфона эту функцию отключил.

– Не совсем понимаю, для чего отключать подсветку? Темно же, даже ребенку понятно, что без вспышки качественного снимка не будет.

– Смотри: эти три снимка совершенно темные. А вот на этих двух ощущается наличие света и каменная плита с надписью просматривается. Но это явно не вспышка телефона. Мне думается, это фонарь. Видимо, в одной руке археолог держал фонарь, а в другой – смартфон.

Максим вновь стал увеличивать и уменьшать масштаб темных фотографий, с надеждой разглядеть в этих серых тонких линиях еще хоть что-нибудь.

– Жаль, экран маленький, не получается посмотреть изображение целиком, – с досадой подытожил Власов.

Анаит всегда носила с собой планшет. Для главного редактора это небольшое электронное приспособление незаменимо: оно дает возможность получать на почту статьи от своих корреспондентов, оперативно просматривать их и редактировать. Планшет был постоянным атрибутом Анаит. Если она брала с собой большую дамскую сумку, то планшет всегда находился внутри, а если маленькую, то носила его в руках.

– Планшет подойдет?

– Думаю, да, но где его взять? – Максим пожал плечами.

Анаит, расстегнув молнию сумки, достала гаджет и протянула его Власову.

– Пожалуйста!

– Крылатую фразу «рояль в кустах», – Максим улыбнулся, – предлагаю заменить на «планшет в сумке». Как тут лучше, по блютус или на почту?

– Наверное, на почту.

Максим, несколько раз коснувшись экрана смартфона, протянул его Анаит.

– Будь любезна, набери свою почту.

– Готово, – Анаит вернула телефон Максиму, – теперь посмотри.

Власов, сидевший напротив, встал и пересел к Анаит. Открыв первую темную фотографию и увеличив масштаб, они увидели, что еле заметные серые линии приобрели четкое очертание человеческой фигуры.

– Похоже на сидящего человека. Тебе не кажется? – спросила Анаит.

– Да, интересно. А что на следующей фотографии?

Анаит открыла второй файл. Качество снимка было практически таким же, только фигура была другая.

– Смотри, – низко склонился над планшетом Максим. – У этой фигуры словно какой-то головной убор. Открой первую, там вроде бы такого не было.

Анаит вернула на экран первый снимок.

– Действительно, а я и не заметила. Какой ты внимательный!

Не обратив внимания на похвалу, Максим попросил открыть третий снимок.

Тонкие, достаточно светлые по сравнению с первыми двумя фотографиями, ломаные линии ни о чем не говорили и не обрисовывали какой-либо силуэт.

– Можно на минуточку? – Власов протянул руку.

– Конечно.

Взяв планшет, Максим стал внимательно рассматривать каждый снимок. Он периодически увеличивал и уменьшал масштаб фотографий, перелистывал снимки, сравнивая их. И вновь увеличивал, стараясь разглядеть все детали. В один момент он рывком подхватил свой смартфон и сделал снимок. Потом пристально посмотрел на экран.

– Я понял, почему эти снимки темные! – Максим, судя по всему, еле удержался от восклицания «эврика!». – Все очень просто. Смотри: если коснуться экрана вот здесь, совсем рядом с тем местом, куда надо нажимать для фотографирования, то камера поменяет ракурс. Держа телефон в одной руке, удобнее всего действовать большим пальцем, и тогда он одновременно касается и центральной кнопки, и кнопки разворота камеры.

– И какой ты делаешь вывод?

– Хм, – Максим сделал глубокий вдох и улыбнулся. – Я, конечно, не специалист, но кое-что как будто становится понятным.

– И что именно? – Анаит была заинтригована.

Подошел официант и начал расставлять разнообразные аппетитно выглядящие и пахнущие блюда.

Власов, до этого не особо ощущавший голода, почувствовал, как в желудке заурчало и потекли слюнки. Он выдохнул:

– Давай сначала поедим.

38.

– Амаяк, держи, – Казарян отдал Манукяну его планшет с фотографиями членов археологической экспедиции. – Я просмотрел. Сейчас тебе необходимо срочно проехать в Матенадаран.

Молодой оперативник ожидал услышать от начальника какие-то одобрительные слова о проделанной им работе. Он хотел рассказать Казаряну, с каким трудом убедил археологов скопировать фотофайлы с их телефонов, хотя многие вначале отказывались, ссылаясь на частный характер информации. Не услышав ожидаемых лестных слов, Манукян был крайне разочарован.

– Что с тобой? – Казарян мгновенно заметил изменение настроения подчиненного.

– Все нормально, господин полковник.

– У тебя такое кислое лицо, словно съел дюжину лимонов.

– Нет, все нормально, просто мысли...

– Ну ладно. Значит, так: поедешь в Матенадаран. Там сегодня от инфаркта скончался ученый. Обнаружила тело одна из сотрудниц. Тебе необходимо встретиться с ней и очень деликатно разузнать, кто к нему приходил тем утром. По информации, это молодой мужчина. Не армянин. Покажи ей все фотографии, которые у тебя в планшете, пусть внимательно посмотрит, при необходимости увеличивай снимки.

Казарян пристально посмотрел Манукяну в глаза. Кислое выражение с лица молодого оперативника исчезло.

– У меня предчувствие, что она обязательно кого-то узнает по этим фотографиям. – Полковник ткнул указательным пальцем в планшет.

– А кого?

– Не знаю. Если бы знал, то необходимости в твоей поездке не было бы. Так что давай поезжай. Как только что-то выяснится, сразу звони.

– Я вас понял. Разрешите выполнять? – отчеканил Манукян.

– Да.

Упруго, словно разжавшаяся пружина, Манукян встал из-за стола, сделал пару шагов в сторону двери.

– Ты мне не сказал ни слова про Андрея Романова. Ничего не удалось узнать?

Манукян обернулся.

– Пока практически ничего. В отеле, где он остановился, в анкете, в графе «цель пребывания» написано – «частная». Мне удалось переговорить с парнем из археологической экспедиции, он мне вчера очень помог, и у нас сложились неплохие отношения. Так вот, он понятия не имеет, какую телевизионную компанию представляет Андрей. На вопрос, кто может знать, сказал, что, по всей вероятности, академик Шукурян. А вообще, Андрей Романов больше всех, оказывается, общался с Мандзони.

– Ты не спросил, на каком языке?

– Как не спросил, – лицо Манукяна стало по-детски обиженным. – Это же элементарно. На итальянском.

– Получается, Андрей Романов владеет итальянским. Очень интересно. Когда он прилетел?

– Три дня назад, во вторник, из Москвы.

– Ага. А ты узнал, он здесь в Армении один или с ним еще кто-то?

– В гостиницу заселился один.

– В какую?

– Недорогой маленький частный отель, всего на двенадцать номеров. Во вторник Романов единственный заселившийся.

Казарян глубоко вздохнул. Он вспомнил, как Шукурян рассказывал о желании Мандзони спуститься в ущелье вместе с Романовым. Он задавал себе во-

прос, что могло их сблизить. Только ли возможность свободное владение языком?

– Поскольку гостиница простенькая, – продолжал Манукян, – я подумал, что если Романов прилетел не один, то его коллега вполне мог поселиться в другой, более комфортной. Поэтому через авиакомпанию проверил, кто сидел рядом с Романовым в самолете.

– Молодец, ты это отлично сообразил. Молодец! – повторил полковник.

– Рядом с ним, – Манукян, наконец-то получив заслуженную похвалу, счастливо улыбнулся, – сидели двое мужчин. Слева, у окна, место «А» – Ара Бабаджанян; справа, возле прохода, место «С» – Максим Власов.

Услышав имя и фамилию, спокойный до сих пор Казарян чуть ли не вскочил со своего кресла.

– Как?!

– Максим Власов, – Манукян даже растерялся, увидев реакцию начальника. – Вы его знаете?

– Он был вчера в ущелье, когда сорвалась люлька...

– А что он там делал?

– На первый взгляд – чистейшая случайность. Рассматривали храм, потом решили спуститься в ущелье...

– Господин полковник, такие случайности – одна на миллион. Странно, во всяком случае. Сидели рядом, а через два дня...

– Ты прав, – прервал Казарян размышления старшего лейтенанта.

Полковник откинулся на спинку кресла и задумался. Пищи для раздумий хватало.

«Не слишком ли много случайностей, господин Власов? – прищурился он. – Вы сидите рядом с Ан-

дрем Романовым в самолете и вместе прилетаете в Ереван. Затем вы оказываетесь в ущелье именно в тот момент, когда рушится люлька и погибают профессор Федерико Мандзони и молодой археолог Саркис Петросян. Погибает именно тот человек, который хотел вместе с Романовым спуститься в ущелье. А дальше... Дальше вы приезжаете в Матенадаран, где умирает сотрудник. Опять случайность? Тут что-то не так. Надо спокойно все обдумать».

– Ты прав, – вновь сказал Казарян и сел прямо, – все эти совпадения, на мой взгляд, складываются в очень интересную картину. Ты давай-ка не теряй время, поезжай в Матенадаран.

39.

– Ну, теперь я жду подробностей, – заявила Анаит, как только они утолили первый голод.

Максим внимательно посмотрел на сидящую напротив женщину. Ее прелестное лицо было безмятежно.

– Итак, что нам известно? Молодой археолог, судя по сделанным им фотографиям, находился у входа в пещеру. Посмотри внимательно на снимки. Все они сделаны с одной точки или, как говорят, с одного ракурса. Допустим, ты попадаешь в пещеру и видишь нечто интересное. Естественно, ты стараешься сделать как можно больше фотографий так, чтобы это интересное запечатлеть со всех сторон. И, самое главное, сделаешь несколько крупных планов. Не так ли?

– Однозначно!

– Но в данном случае таких снимков нет. Как я тебе уже говорил, парень делал снимки с вытяну-

той руки, точнее, с двух: в одной был телефон, в другой – фонарь. Если внимательно посмотреть на два снимка каменной плиты, заметно, что освещение идет вовсе не от камеры телефона. К тому же второй кадр получился размазанным и слишком светлым. Такое происходит, когда в объектив попадает свет. То есть фонарь находился перед камерой и был наклонен таким образом, что свет попал в объектив. Согласна?

Анаит не совсем понимала, куда Максим направляет ее мысли. Но тем не менее кивнула.

– Так вот, получается, что парень просунул обе руки в какое-то маленькое отверстие и стал снимать темное пространство пещеры.

– Мне кажется, немного нелогично – вытягивать руки с фонарем и телефоном и так делать снимки, – острый ум Анаит сразу нашел промах в предположениях Максима. – При наличии существующих сегодня многочисленных гаджетов, видеокамер и регистраторов с подсветкой, в том числе с объективами для ночной съемки, пользоваться фонарем и телефоном смешно. Тем более если в отверстие проходят только руки.

– Ты права, – с небольшим огорчением согласился Максим. – А как бы ты поступила на месте археологов?

– Очень просто. Если бы меня интересовала пещера, вход в которую очень маленький, я бы на штанге просунула туда видеокамеру, а на мониторе смотрела, что там находится. Не думаю, чтобы археологи не знали и не использовали в своих исследованиях эти элементарные способы.

– Молодчина! – воскликнул Максим. – Точно! Одной рукой парень держал штангу с камерой, а второй он решил для себя сделать фотографии.

– Это, мне кажется, уже ближе к истине... Но что это нам дает?

– Ты сама сказала: проще все наблюдать на мониторе. Следовательно, кто-то смотрел в монитор и видел, что в пещере находится.

– А мы с тобой рассмотрели на снимках какие-то скульптуры.

– Правильно! В таком случае получается, что археологи разбились не случайно. Их убили.

– Как это убили?

– Там, в ущелье, на крону дерева свалился канат, державший люльку. Я обратил внимание, что Вардгес стоял под деревом и всматривался в этот канат, поэтому решил подойти и тоже посмотреть. Оба конца каната были обрезаны.

– И что? У каждой веревки два конца.

– Это правильно, но канат был небольшой, словно фрагмент целого. И края его были очень интересные: две трети ровные, будто отрезанные, а оставшаяся часть явно оторвана. Я полагаю, канат, державший люльку, кто-то надрезал, чтобы он через некоторое время лопнул сам. Расчет был сделан на то, что люлька оборвется не сразу, а чуть позже.

– Ты мне вчера об этом не говорил, – с укором бросила Анаит.

– Я не был уверен в своих догадках. Но теперь, после вот этих снимков, – Максим показал в сторону лежащего на столе планшета, – я уверен: в пещере находится что-то очень интересное. Возможно, уникальные ценности или сокровища. Во всяком случае, могу предположить, что эти скульптуры не из камня, а из металла, поэтому и отбрасывают блики. Всего этого не мог не заметить тот, кто смотрел в монитор. И этот кто-то очень не хотел, чтобы еще кто-нибудь узнал или увидел, что находится

в пещере. Вот вам и причина, по которой был обрзан канат. А этот кто-то, по всей видимости, – Андрей. Как он суетился в ущелье, прятал глаза! Говорил, ищет свой квадрокоптер.

– Несерьезно, – с жаром поддержала Анаит. – Квадрокоптер – это же вертолет для наружной съемки. Не думаю, что им можно управлять в пещере. Если считать, что Андрей наблюдал за всем происходящим на мониторе, то, получается, он искал не квадрокоптер, а видеокамеру, которой пользовался парень-археолог. Ведь это серьезная улика, если попадет в руки, скажем, полицейских. И таким же образом у Андрея в руках оказались кадры с надписью на каменной плите.

Максим искренне улыбнулся. Ему все больше и больше нравилась эта ясноглазая женщина.

– Вы не только очаровательны, – тихо проговорил Власов, слегка улыбаясь, – но и обладаете уникальными аналитическими способностями. Я же говорил – настоящая мисс Марпл.

– Надеюсь, это не комплимент? – шутливо спросила Анаит.

– Ни в коем случае. Исключительно констатация факта.

– Единственное, что мне не совсем понятно, – Анаит вдруг посерьезнела, – так это его страшный поступок. Допустим, он увидел в пещере нечто ценное, ради этого обрезал канат, убил двоих археологов. С таинственной надписью сходил в Матенадаран и там убил еще ученого-лингвиста. Неужели находящееся в пещере настолько ценно, что стоит человеческой жизни? Неужели он не понимает: если археологи первый раз спустились в эту пещеру неудачно, то они все равно туда пойдут во второй раз, и в третий. Скрыть тайну просто нереально!

– Возможно. По всей видимости, он рассчитывает, что если нет свидетелей, то и тайны никакой нет. Мол, пещера как пещера, ничего особенного, зачем туда лезть. Он считает себя единственным обладателем секретной информации.

Наступила тишина. Каждый старался по-своему еще раз пройти по цепочке проведенного анализа.

– Наверное, необходимо обо всем этом сообщить в полицию, – прервала молчание Анаит.

– Ты права. Может, позвонить тому полковнику? – Максим вспомнил, как вчера полицейский передал Анаит свою визитку. – Его визитка у тебя с собой?

– Наверное, – Анаит открыла сумку. – Сейчас посмотрю.

40.

– Рузанна, где Симонян? – Ашот Казарян нажал кнопку селекторной связи.

– Только что приехал, уже в здании, – сообщил певучий голос из динамика.

Полковник посмотрел на часы: четверть третьего. Он с нетерпением ждал звонка судмедэксперта. В «пасьянсе», который он тщательно раскладывал, информация о причине смерти ученого из Матенадарана имела огромное значение.

В дверь кабинета постучали. Одновременно задребезжал мобильный телефон Казаряна, лежащий на столе. На экране высвечивалась надпись: «Микаел судмедэксперт».

– Заходи! – крикнул полковник и, поднеся мобильник к уху, нетерпеливо выпалил: – Ну, что скажешь?

Прищурился глаза и сведя брови, он внимательно слушал отчет эксперта о вскрытии, одновременно жестами приглашая Симоняна пройти и сесть.

– Нет, в протоколе об этом писать не надо. Не будем создавать лишнее уголовное дело и травмировать родственников. Спасибо тебе большое, с меня причитается. До свидания!

На лице Казаряна появилось нескрываемое удовольствие от осознания того, что интуиция его не подвела.

– Ну, теперь ты рассказывай, – кивнул он Симоняну. – Что там с этой люлькой и почему задержался?

– Извините, господин полковник. Пришлось парня срочно в больницу отправлять...

– Какого еще парня?

– Да этого оператора, который готовил видеоматериал о находках археологической экспедиции. Кстати, вчера он вместе с другими археологами находился в ущелье. И мне очевидцы рассказали, что, когда археологи спускались, он все время находился у стойки опор. Якобы управлял каким-то вертолетом.

– Этот оператор, часом, не Андрей Романов?

– Так точно, – капитан припомнил, что вчера полковник давал указания Манукяну разузнать о кинодокументалисте как можно больше.

– Ну и что?

– Мы, когда установили люльку и спустились, заметили его на противоположном склоне. Там склон немного пологий, а он забрался довольно высоко.

– Зачем?

– За своим вертолетом для съемок...

– Квадрокоптером, – поправил Казарян.

– Так точно, за квадрокоптером. Он потом нам рассказал, что вчера во время съемок археологов,

спустившихся в ущелье, по непонятным причинам квадрокоптер упал. А этот аппарат очень дорогой, и ему в случае потери пришлось бы оплачивать его стоимость, которая выше его зарплаты. Вот он и полез за ним.

– Нашел?

– Да. Так обрадовался, что даже помахал нам этим квадрокоптером. Но поскольку склон пологий, не удержался и прямо на наших глазах покатился вниз.

Лицо Казаряна мгновенно побелело. Первое, что пришло в голову: неужели еще один труп?

– Что с ним? – мрачным голосом спросил полковник.

– Ничего! Как говорят, родился в рубашке. Я, когда посмотрел, с какой высоты он рухнул... – Симонян покачал головой, округлив глаза. – Жуть. Другой наверняка разбился бы, а у этого лишь ушибы и царапины, только реально испугался. Все радовался, что вертолет нашел. Вот и пришлось помогать: спустились в ущелье, сделали перевязку и на нашей машине отправили в больницу.

– Ну хорошо, молодцы, помогли человеку, – уже спокойным голосом сказал Казарян. – Теперь о наших делах. Что там со следственным экспериментом?

– Во-первых, как вы просили, вот список тех, кто был вчера на территории археологической экспедиции, – Симонян протянул полковнику лист бумаги. – Красным маркером выделены те, кто постоянно находился у опор. Желтым – кто время от времени подходил и уходил. Как вы знаете, экспертиза подтвердила, что канат был надрезан на три четверти. Это и послужило причиной его обрыва, как только тяжесть люльки увеличилась.

– Не тяни kota за хвост, где и в каком месте был сделан надрез? Вы должны были установить.

– Так точно, – Симонян достал еще один лист бумаги и положил ближе к полковнику. – Вот, здесь все обозначено. Опоры, люлька, – капитан водил указательным пальцем по чертежу. – А это – канаты, державшие люльку. После повторной установки мы параллельно нашему основному канату пустили тот, обрезанный. При следственном эксперименте оказалось: канат действительно был поврежден дважды, причем на одном уровне.

– И где же?

– Вот здесь, – Симонян указал пальцем на чертеже.

– Хм, кто бы мог подумать...

Казарян встал из-за стола, прошелся до двери и обратно. Потом еще раз. И еще.

– Капитан, ты даже не представляешь, насколько это интересно.

– Что именно, господин полковник?

Казарян вернулся к столу, сел в рабочее кресло и откинулся на спинку.

Симонян, напротив, принялся ерзать на стуле. Он не мог понять, что тут интересного, ведь круг подозреваемых, которые могли перерезать канат, здорово сузился. Спросить еще раз он не осмеливался.

– Симонян, – после небольшой паузы начал Казарян, – все, что я тебе скажу, должно остаться в этом кабинете. Сегодня в Матенадаране скончался специалист по древним языкам по имени Гарегин. Приехавшие врачи констатировали инфаркт. С одной стороны, смерть в какой-то мере предсказуемая, поскольку в последнее время тот часто жаловался на сердце и уже перенес один инфаркт. Поэтому все восприняли его смерть как естественное событие.

Но, с другой стороны, оказалось, что утром им интересовались трое. Русскоговорящий мужчина лет тридцати пяти и... – Казарян выдержал паузу.

Симонян заинтересованно подался вперед.

– И чуть позже – твои знакомые, – у полковника как-то по-змеиному блеснули глаза.

Капитан моментально покрылся холодным потом от ощущения чего-то нехорошего, судорожно пытается сообразить, кто из его знакомых мог иметь отношение к этому делу.

Заметив испуг сотрудника, Казарян улыбнулся, поскольку шутка определенно удалась.

– Чего испугался? Не ты ли вчера составлял протокол и опрашивал очевидцев случившегося в ущелье?

– Я, – дрожащим голосом, не понимая, куда клонит начальник, проямлил Симонян.

– Так вот, специалистом по древним языкам интересовались знакомые тебе Анаит Аветисян и Максим Власов. Как тебе это?

Настроение Симоняна сменилось в тот же миг, от волнения не осталось и следа.

– Простите, господин полковник, а что послужило поводом для такого интереса?

– У меня вот такая информация: Аветисян сказала сотруднице Матенадарана, что якобы вчера была передача про древние языки, и они с Максимом Власовым поспорили, причем их спор может разрешить только специалист.

– Я так понимаю, они и обнаружили труп...

– Хм, – усмехнулся полковник. – В том-то и дело... Они втроем подходят к кабинету сотрудника Матенадарана. Стучатся, открывают дверь. Хозяин кабинета сидит на рабочем месте, положив голову на стол. Посчитав, что он крепко спит, Аветисян и Власов с сотрудницей решили не будить его и уйти.

– Тогда кто же обнаружил, что он не спит, а мертв?

– Та же сотрудница – Гаяне Зограбян. Но, видишь ли, в чем дело, когда мне рассказывали эту историю, мне сразу показалось странным положение, в котором находился этот специалист по древним языкам. Сидит за столом, голова на голой столешнице. Ну не может человек, испытывающий сердечную недостаточность, так мило и спокойно принять смерть. Уснул в постели – может, но не сидя за рабочим столом.

– А как должно было быть, по-вашему?

– При инфаркте он упал бы на пол. Если подлокотники кресла высокие, то они могли удержать его от падения, но ни в коем случае не в той позе, в какой он находился.

– Я правильно вас понимаю, что это могло быть преднамеренное убийство? Тогда нужны данные вскрытия.

– Я так и поступил. Когда ты вошел, как раз звонил судмедэксперт. Он подтвердил, что смерть наступила от инъекции в область шеи неким препаратом, название которого выяснится после анализа.

– А уже известно, кто был этот русскоговорящий мужчина, приходивший сначала?

– Нет, но предположения имеются.

– Получается, Анаит Аветисян и ее гость отношения к убийству не имеют, – как давний поклонник Анаит капитан не сдерживал своей радости.

– Естественно, они не убивали, но отношение к убийству вполне могут иметь. То есть Аветисян, конечно, вряд ли, – уточнил полковник. – Она не тот человек. Однако мы ничего не знаем о ее спутнике. Кто он на самом деле и как вышло, что вчера в момент гибели археологов он находился рядом, в ущелье? Сегодня он появляется в Матенадаране –

и опять возле него убитый. Кстати, Манукян откопал интереснейшую информацию. Оказывается, Максим Власов и Андрей Романов прилетели в Ереван одним рейсом, сидели рядом. Что-то тут не так, но не могу понять, что именно.

Монолог Казаряна прервался сигналом селектора. Полицейский нажал кнопку громкой связи.

– Господин полковник, на линии главный редактор газеты «Мшакуйт» Анаит Аветисян, что ей сказать?

Казарян посмотрел на капитана, взгляд подчиненного был не менее озадаченным.

– Неожиданно. Соедини. – Казарян поднял трубку и кивнул Симоняну:

– Как говорится, на ловца и зверь бежит.

Капитан постарался усмехнуться.

– Алло. Да. Здравствуйте. Очень приятно. Пожалуйста, а когда вы хотите? Понятно. Он с вами? Ко мне не надо, думаю, будет лучше встретиться... Ага, вы все прекрасно понимаете. Где вы сейчас находитесь? Лучше я к вам подъеду. Хорошо. Думаю, минут через пятнадцать, максимум через двадцать буду.

– Как-то вот так, капитан Симонян, – положив трубку, вздохнул Казарян. – Хотят как можно скорее встретиться со мной и сообщить что-то очень важное.

– По всей видимости, это связано с Матенадараном, – задумчиво предположил капитан.

– Не будем гадать, мой друг, терпение и еще раз терпение. Каких-нибудь полчаса, и мы все узнаем... – Казарян улыбнулся, предвкушая разгадку.

– Господин полковник, а почему вы не стали их приглашать сюда?

– Наше здание ничем не отличается от всех других полицейских зданий. У нас работают люди со специфической энергетикой, аурой, свойственной

только нам. К сожалению, эта энергетика в силу нашей профессии не совсем светлая. Человек, пришедший к нам, всегда чувствует себя неловко, с опаской слушает и смотрит на полицейских. Здесь они не могут толком открыться, быть спокойными и настроиться на доверительную беседу.

– Спасибо за науку, господин полковник, постараюсь применять эту методику.

– А пока меня не будет... – Казарян нажал кнопку селекторной связи с секретарем: – Рузанна, что-нибудь узнала о Власове?

– В процессе, господин полковник, но сведения очень скудные.

– А с Москвой связывалась?

– Так точно! Как только получу информацию, сразу сообщу вам.

Казарян, отключив связь, обратился к капитану:

– Так вот, капитан, пока меня не будет, помоги Рузанне со сбором информации о Власове. Никуда не отлучайся. Не исключено, по итогам беседы с ними ты мне понадобишься.

– Есть, господин полковник, – отчеканил Сиомян.

41.

Сразу после встречи с полицейским Эндрю направил Бауху сообщение следующего содержания: «Отправка завтра утром. Рейс Ереван – Рим в 8.30. Прилет и вылет желательно организовать также утром». Прошло уже три часа, и он стал волноваться, поскольку прекрасно знал: арендовать самолет Бауху ничего не стоит. Для этого ему понадобилось бы пять минут, рассуждал Эндрю.

Смартфон наконец-то подал сигнал, и Эндрю открыл окно с сообщением от Бауха: «Позвони в 13.00».

Он нахмурился. Либо Баух неправильно написал время, либо сообщение по каким-то причинам пришло к нему с опозданием. Однако, подумав еще немного, понял, что Баух просто указал свое местное время. Разница составляла два часа, и Эндрю невольно обрадовался, что все нормально: до пятнадцати ноль-ноль оставалось несколько минут.

По договоренности они с Баухом общались периодически через скайп, ватсап и вайбер. Этот сеанс связи должен был проходить по ватсапу.

– Ровно тринадцать по вашему времени, – начал разговор Эндрю.

– Молодец. Ты знаешь, я всегда с особым уважением отношусь к пунктуальным людям.

– Знаю...

– Сегодня в полночь за гробом Мандзони вылетит небольшой самолет. В Ереване он будет утром.

– Прекрасно!

– А ты успеешь все подготовить к погрузке и вылету?

– Думаю, да.

– Думаешь или уверен?

– Уверен. Успею.

– Хорошо, но ты говорил, что проход очень узкий.

– Не волнуйтесь. Одна-две тротильные шашки в определенном месте, и проход будет что надо.

– А удастся ли вынести все за один раз?

– Я думал об этом.

– И что надумал?

– На кадрах с видеорегистратора отчетливо видно: там находятся три больших глиняных кувшина, высотой около метра или чуть больше.

– А сундуков, ящиков нет? Точно? Ты хорошо рассмотрел кадры?

Эндрю даже удивил этот шквал вопросов. Таким беспокойным Нильса Бауха он еще не видел. Нервозность патрона дошла до такой степени, что тот не смог разглядеть, что в пещере именно глиняные кувшины, а не сундуки. Губы Эндрю тронула тщеславная улыбка. В общении с Баухом существовало неписаное правило: «Пункт первый: Нильс Баух всегда прав; пункт второй: если тебе кажется, что не прав, смотри пункт первый». И вот ему, в общении с Баухом всегда находившемуся в роли ученика, впервые посчастливилось стать учителем и разъяснять элементарные вещи.

– Вы же сами рассказывали, что Ганнибал не просто так решил строить город для армянского царя, – Эндрю говорил медленно, смакуя счастливые минуты общения с патроном. – И как вы говорили, он спрятал свои сокровища в пещерах, которые сам же вырубал под прикрытием поиска нужных пород камня для строительства города.

– Ну да, говорил, – выдохнул Баух, не совсем понимая, куда клонит Эндрю.

– Если он так грамотно все придумал и реализовал, разве этот великий стратег перевозил бы свои сокровища в приметных сундуках?

– Для этого у него был целый отряд преданных ему людей. Не сам же он их таскал.

– Чужеземец в любой стране всегда находится под пристальным наблюдением, поскольку у него обязательно появляются как друзья, так и враги. И Ганнибал не был исключением. Что бы он ни делал – строил город, искал в скалах нужные породы камня, – за ним однозначно постоянно следили. Я в этом убежден.

Последние слова Эндрю произнес, чуть повисив тон. Словно хотел дать понять Бауху: он в курсе, что находится у него под постоянной слежкой. Выдержав небольшую паузу и не дождавшись реакции патрона, Эндрю продолжил:

– Мне здесь рассказали, как в древности разбивали пласты скальных пород и раскалывали камни. Оказывается, все гениальное очень просто. Делали одно или несколько отверстий, и в эти дырки забивали деревянный клин. Затем обильно поливали водой. Дерево набухало и рано или поздно взламывало камень.

– К чему ты мне это рассказываешь? – в голосе Бауха чувствовалась раздраженность.

– Ганнибалу во время вырубки скальных пород нужна была вода, и притом в огромных количествах. Воду он перевозил, естественно, в огромных кувшинах. Вы сами понимаете, что переместить сокровища в подготовленную пещеру в кувшинах с водой для него не составило бы труда. И самое главное, никто бы ни о чем не догадался.

Только теперь Баух понял, куда направлял его мысли Эндрю, однако раздражительность его лишь возросла. Он не мог представить себе, что этот молодой сопляк будет подвигать его к элементарной догадке, словно мальчишку. Возникло желание резко осадить нахала.

– Ты... – начал Баух, но мгновенно к нему пришло понимание того, что в данный момент все нити находятся у Эндрю, и только он может вывезти сокровища Ганнибала из Армении. Это заставило его сдержаться и продолжить вполне дружелюбно: – Ты знаешь, я всегда считал тебя очень способным. Сегодня ты доказал, что не просто способный, а очень умный. Я горжусь тобой!

– Спасибо! – Эндрю чувствовал и понимал, с каким трудом даются эти слова Бауху.

– А теперь скажи мне вот что, – голос Бауха стал прохладным, – ты не заметил в пещере каких-нибудь статуй?

– Вроде нет... А что за статуи?

– Карфагенские боги. В древние времена императоры и полководцы никогда не выступали в поход, не взяв с собой статуи богов своего народа.

– Понятно. На мониторе я такого не видел. Но подождем немного, войду в пещеру, там разберусь. А что, они имеют ценность? – теперь непонимание очевидных вещей перешло к Эндрю, словно эстафетная палочка.

– Дело в том, – заговорил Баух своим обычным голосом, – что изваяния богов обычно делались из благородных металлов, как правило, из золота.

– Понимаю, – Эндрю почувствовал, как легко и непринужденно Бауху удалось изменить тональность разговора, и теперь учеником вновь – и, видимо, надолго – стал Эндрю.

– В общем, я считаю, что в пещере должны находиться статуи.

– Я вас понял, – раздраженно бросил Эндрю.

– Но если они там будут, ты не сможешь вынести все...

– Естественно, – Эндрю хотелось как можно быстрее завершить разговор. – Но я постараюсь заполучить максимум.

– А как поступишь с тем, что останется?

– Если что и останется, то в верхней части лаза я положу пару тротильных шашек и обвалю проход. Никто туда больше не пролезет. А через некоторое время мы вернемся за оставшейся частью.

– Молодец, ты все обдумал. Жду тебя на Сардинии.

42.

– Будет через пятнадцать минут? – спросил Максим. – Значит, он где-то рядом?

– Относительно, я же говорила. Ереван очень компактный город, и благодаря этому мы, в отличие от москвичей, много времени на передвижения не тратим. Кстати, это дает возможность часто встречаться и общаться.

– Согласен, в Москве из-за расстояний очень много времени уходит впустую. Только поездка на работу и обратно может занимать три-четыре часа. Если вычесть из суток восемь часов сна и девять часов работы, остаются каких-то жалких три часа. Согласись, это ничтожно мало. Поэтому ни на что не хватает времени. С друзьями встречаемся редко, про родственников и не говорю...

– Крупные мегаполисы разделяют людей, – кивнула Анаит, – заставляют их экономить время за счет общения...

Их разговор прервался сигналом сообщения на телефоне Максима.

– Извини, пожалуйста.

Анаит смотрела на мужчину и думала, что все повторяется: он дважды получал при ней сообщения и совершенно одинаково их читал. Вот и сейчас напрягся, губы сжались, а брови нахмурились, ярко обрисовав две вертикальные линии на переносице.

– Добрый день, – с широкой улыбкой поздоровался Казарян, незаметно подошедший к их столику.

– Здравствуйте, – Максим отложил смартфон и встал из-за стола, протянув руку.

– Садитесь, – дружелюбно предложила Анаит.

– Спасибо.

– Это вам спасибо, что согласились с нами встретиться, да еще и приехать, – отметил Власов.

– Может, кофе? – предложила Анаит.

– С удовольствием.

После того как официанту заказали кофе, Казарян все с той же не сходящей с лица улыбкой сказал:

– К сожалению, у меня не так много времени, так что давайте сразу к делу. Что вы мне хотели сообщить?

– Мы понимаем, то вы очень заняты, – согласно кивнула Анаит. – Думаю, Максим это сделает лучше. Максим, пожалуйста, расскажи о наших умозаключениях.

– Люлька сорвалась не случайно, – без предисловий заявил Максим. – Канат, на котором он держался, был надрезан. Кусок каната упал на дерево, и свежие срезы были отчетливо видны...

– Благодарю, мы в курсе, – прервал Казарян Максима.

– Хорошо. Тогда я расскажу вам о фотографиях.

Официант принес кофе. Небольшая пауза дала возможность Казаряну обдумать ситуацию. Сделав глоток, он решил позволить Власову самому рассказать о случившемся.

– Я вас слушаю...

– Дело в том, что вчера, как я вам уже рассказывал, я первым подбежал к разбившимся археологам. Один был уже мертв, а второго я вытащил из воды... Но, к сожалению, ничего нельзя было сделать... В общем, я увидел на земле черный смартфон и решил,

что это мой, – видимо, выпал, когда я наклонился к пострадавшему. Я машинально поднял его и положил во внутренний карман куртки. Только вечером в гостинице заметил, что ошибся и взял телефон того молодого археолога.

– Я так понимаю, ни ваш, ни этот найденный телефон вчера не звонили?

– Ну, мне-то некому было звонить, а телефон погибшего парня оказался разбит. Вот он. – Максим вынул из кармана пиджака смартфон и положил на стол.

Казарян взял в руки аппарат и стал внимательно его разглядывать. Затем, заметив около Власова лежащий на столе смартфон, кивнул на него и спросил:

– Это ваш?

– Да.

– Можно попросить?

– Конечно...

– Действительно как две капли воды, – заключил полковник, осмотрев аппараты. – А как вы определили, что это телефон разбившегося археолога?

– Поскольку экран не работал, – включилась в разговор Анаит, – я предложила сходить в мастерскую к моим знакомым. Срочный ремонт оказался невозможен, и мастер через компьютер перебрал всю информацию на смартфон Максима. И тогда, посмотрев в галерее фотографии, мы сразу определили, чей это телефон.

– Ага, понятно, – кивнул Казарян. – По всей видимости, нашли что-то интересное?

– Даже очень, – Максим раскрыл планшет и подвинул его ближе к полковнику. – Мы специально пять фотографий перекачали на планшет. Смотрите.

Это последние снимки, сделанные парнем. Отчетливо видна каменная плита с надписью. На следующих – не очень четко, поскольку снимки были сделаны без вспышки, какие-то человеческие силуэты. Скорее всего, это статуи.

Казарян взял планшет в руки и стал пристально всматриваться.

– Это все находится в пещере, в которую спустились археологи, – продолжал комментировать Власов. – По характеру первых двух снимков можно предположить, что погибший парень делал их с вытянутой руки. Это говорит о том, что вход в пещеру настолько узкий, что человеку туда не попасть. А сейчас вы смотрите на ту самую каменную плиту. Снимок самый четкий, поскольку было дополнительное освещение. А вот второй, видите, размазанный. Это из-за того, что в объектив попал свет от фонаря другого гаджета.

– Похоже, вы правы, действительно, свет попал в объектив, – согласился с Максимом полковник.

– Камера находилась на штанге, и, получается, у парня обе руки были вытянуты вперед. В одной он держал штангу с камерой, а второй решил сделать фотографии для себя.

Максим замолчал. Он смотрел на Казаряна, который, склонив голову, продолжал перелистывать и изучать фотографии. Чувствуя, что пауза затягивается, а полковник без проявления эмоций рассматривает снимки, Власов решил продолжить.

– Ну а поскольку камера находилась на штанге, да еще и в вытянутой руке, парень не видел, что снимает. Наверняка он получал команду, куда направлять объектив, по телефону. Поэтому у него в руках оказался смартфон. А команды ему давал тот, кто наблюдал за всем на экране монитора.

Казарян отложил планшет и остро взглянул на Власова. Затем взял чашку с кофе, пригубил и спокойно, без особого интереса, сказал:

– Что ж, вполне логично.

– Мы уверены, в пещере находится что-то очень интересное. Возможно, это какие-то древние ценности или сокровища. Если вы внимательно еще раз посмотрите на темные снимки, то заметите специфику бликов, отражающихся от контура статуй. Никакой камень не даст таких бликов. Только металл. Этого не мог не заметить тот, кто смотрел в монитор. И он очень не хотел, чтобы еще кто-нибудь узнал или увидел то, что находится в пещере. Вот вам и причина, по которой был обрезан канат. А этот кто-то, я уверен, – Андрей.

Казарян задумался. Чтобы не выдать волнение от полученной информации, он вновь отпил кофе и, заметив пристальные взгляды Максима и Анаит, с наивным выражением лица спросил:

– Что за Андрей?

– Кинодокументалист из Москвы. Мы с ним вместе летели в Ереван, а вчера я с ним встретился в ущелье. Он появился с археологами после того, как свалилась люлька и разбились эти двое. Честно говоря, не ожидал его там встретить. Андрей меня не сразу заметил, зато я видел, как он суетился, нервно что-то искал. Потом, когда я подошел к нему, поздоровался и поинтересовался, что он так лихорадочно ищет, Андрей сказал, якобы пропал квадрокоптер, которым он снимал.

– Он искал камеру со штангой, а не квадрокоптер. Это ведь серьезная улика, – уверенно вставила Анаит. – Мне Андрей сразу не понравился. Максим нас представил, а он все время глаза в сторону отводил.

– То, что вы рассказали, очень интересно, но делать какие-либо выводы на основе суетливости, беспокойства и бегающих глаз, мне кажется, не стоит. Нервозность и обеспокоенность с огромной долей вероятности могли быть связаны со смертью людей. В таких ситуациях большинство людей ведут себя не совсем обычно. Да и, возможно, он действительно потерял квадрокоптер.

– Вы правы, – согласился Максим, понимая, что сказанное им не может расцениваться как серьезный довод. – Но то, что канат подрезал именно Андрей, и именно из-за ценностей, находящихся в пещере, мы с Анаит убедились сегодня, когда побывали в Матенадаране.

Казарян чуть не подпрыгнул на стуле. Он, с одной стороны, хотел сказать, что знает о смерти сотрудника Матенадарана. Но с другой – Максим и Анаит, возможно, еще не знают, что сотрудник не спал, а был мертв, и если еще точнее, убит. Опытный полковник полиции еле себя сдержал и посчитал необходимым продолжить свою игру.

– А при чем здесь Матенадаран?

– На снимках более-менее отчетливо видна только эта каменная плита с надписью. Чтобы с ней разобраться, мы с Анаит сегодня утром посетили Матенадаран.

Максим сделал паузу. Ему показалось, будто Казарян хочет что-то спросить, но тот смотрел на Владова абсолютно спокойно.

– В Матенадаране нас провели к специалисту по древним языкам. В кабинете за столом сидел мужчина, который выглядел как спящий... но он не спал.

– То есть?

– Ну вот, – Максим скрестил на столе руки и положил на них голову. – Так спать нормально. Согласны?

– Согласен.

– А мужчина лежал вот так, – Максим опустил руки вдоль тела, а голову положил прямо на стол. – Видите? В таком положении спать очень неудобно, жестко, да и дышать трудно. Из этого я сделал вывод, что специалист по древним языкам не спит, а мертв.

– Надо отдать должное вашей наблюдательности. Кто вы по профессии?

– Экономист.

– А мне даже подумалось, будто мы коллеги.

Максим с улыбкой пожал плечами, всем своим видом показывая: ну что тут поделаешь.

– И что же вы сделали дальше? – прищурился Казарян.

– Честно говоря, мы ушли. Решили не будить казавшегося таким уставшим человека. Осознание того, что сотрудник мертв, ко мне пришло не сразу. Перед тем как выйти из здания, сотрудница Матенадарана, если не ошибаюсь, Гаяне, – последние слова Максим адресовал Анаит и после ее одобрительного кивка продолжил: – Так вот, Гаяне описала человека, который незадолго до нас спрашивал специалиста по древним языкам. Русскоговорящий, плотного телосложения, среднего возраста и, самое главное, с ярким бронзовым загаром, весьма приметным для этого времени года. Без сомнений, это был Андрей. И вот тогда-то я подумал о той неестественной для спящего человека позе, и у меня возникло подозрение, что ученый может быть мертв.

Ситуация складывалась непростая. Казаряна особенно обеспокоило как бы случайное открытие

Максимом и Анаит многовековой тайны пещеры возле Гарни. Ему было над чем подумать. Однако сидя в компании за чашкой кофе, сосредоточиться не получалось. Полковник решил как можно быстрее завершить разговор, спокойно осмыслить рассказ Власова и обдумать, что делать дальше.

– Сегодня утром, – медленно, взвешивая каждое слово, начал Казарян, – там, где вчера разбились археологи, этот Андрей в поисках своего квадрокоптера поднялся на крутой склон. Поскользнувшись, он скатился с утеса, чуть не разбился и до сих пор находится в больнице.

– Серьезные увечья? – в голосе Максима звучала подозрительность.

– Нет, ничего страшного. Как говорят очевидцы, он родился в рубашке, в основном царапины и ушибы.

Теперь задумался Власов. Полковник полиции Казарян буквально уничтожил его стройную версию убийства ученого. Получается, у Андрея железное алиби? И кстати, эта фраза, что «родился в рубашке»...

«Значит, любой другой, – осенило Власова, – сорвавшись с утеса, разбился бы. А Андрей не разбился. Такое может быть только в одном случае: когда человек падает нарочно и каким-то образом направляет свое падение. Получается, после убийства Андрей приехал в ущелье искать свой квадрокоптер, сделал так, чтобы его заметили и симитировал падение. Вот тебе и железное алиби!»

– А вам не кажется, что он это сделал специально, для создания себе алиби?

– Хм, – Казарян растянул губы в широкой улыбке. – У вас прекрасные аналитические способности.

– Спасибо. Вы не хотите проверить предложенную нами версию?

– Ну почему же, обязательно проверим. Кстати, вы долго пробудете в Ереване?

– Мне, видимо, придется вылететь завтра, и чем раньше, тем лучше.

Анаит бросила в сторону Максима недоумевающий взгляд.

– До завтрашнего утра еще много времени. Если вам интересно, я обязательно позвоню и расскажу, – усмехнулся Казарян.

– Конечно, интересно. Ведь всегда хочется знать, насколько ты был прав в своих умозаключениях.

– Это верно, – согласился полковник и взял свой смартфон. – Вы не подскажете ваш номер телефона? И простите, но мне надо бежать.

– Да, конечно, – Анаит поднялась со стула. – Спасибо вам большое. Мы просто хотели передать вам информацию, которую посчитали важной.

– Вы все правильно сделали. – Казарян расцвел в улыбке и протянул на прощание руку. – И очень помогли мне. Огромное вам спасибо.

43.

– Ну как тебе полковник? – спросила Анаит, как только Казарян вышел из ресторана.

– Умные глаза, но очень усталые.

– Мне показалось странным, что он только слушал, – медленно проговорила Анаит. – Никаких эмоций. Ему, можно сказать, на блюдечке с голубой каемочкой преподнесли информацию, кто убил сотрудника Матенадарана и что археологи разбились не случайно, а он спокойно выслушал и ушел.

– А мне думается, что странно не это. Он профессионал и, уверен, очень опытный. То, что мы ему сказали, возможно, он уже знал или о чем-то догадывался. Отсюда такая спокойная реакция. Странным мне показалось другое: полковник не спросил про надпись на каменной плите и – самое главное! – очень равнодушно отнесся к статуям в пещере.

– Слушай, точно! На фотографии в планшете он смотрел без особого внимания. У меня даже мелькнула мысль, что он их уже где-то видел.

– Я, кстати, этот момент тоже заметил, и все время ждал, когда же полковник спросит, что за надпись и что за статуи.

– Вот это действительно странно.

– Скажи, пожалуйста, армяне знают арамейский язык?

– Нет. Однозначно нет. Думаю, знающих арамейский можно пересчитать по пальцам одной руки, и это, как правило, специалисты уровня нашего Седрака Арутюновича. А к чему вопрос?

– Ненароком подумал, может, наш полковник знает арамейский? Потому ничего и не спросил, что сразу прочитал надпись.

– Абсурд. Откуда ему знать этот древний язык? А если знает, почему не работает в Матенадаране? Нет, даже если просто предположить такое, то доля вероятности ничтожно мала.

– Пожалуй, ты права...

Максим и Анаит, задумавшись, замолчали.

Пару минут спустя Власов расплылся в улыбке.

– Почему ты улыбаешься? – заинтересовалась Анаит.

– Вспомнил одну мудрую мысль Ницше. «Тот, кому доверена важная вещь, долго молчит; тот, кто хочет поразить молнией, должен долго оставаться

облаком». Я прихожу к выводу, что наш полковник весьма осведомленный человек. Все, о чем мы ему говорили и что показывали, он знал, поэтому мудро молчал и не поражал нас молнией своей осведомленности.

– Знаешь, я пришла практически к такому же выводу. – Анаит обворожительно улыбнулась. – Но без Ницше.

– Ну, тогда скажем «спасибо» этому дому и поедем...

– Кстати, чуть не забыла. Ты сказал Казаряну, что собираешься завтра улететь. Это правда?

– Да. Буквально перед его приходом, ты видела, я получил сообщение. Возникли обстоятельства, которые требуют моего обязательного присутствия. Мне необходимо завтра до обеда уже быть в Москве.

– А по телефону никак нельзя решить?

– К сожалению. Мне самому не хочется улетать. Но так уж получилось. Обстоятельства.

– Жаль... – Глаза Анаит погрустнели. – Тебе придется поменять авиабилет.

– Да, – уныло ответил Максим. – И я никогда сам на сайте этого не делал.

– Проще заехать в авиакассы.

– А есть где-то неподалеку?

– У нас все рядом, – усмехнулась Анаит. – Кассы «Аэрофлота», кстати, находятся рядом с гостиницей, где ты остановился.

– Отлично! Поедем?

– Вперед.

44.

Рассказ Власова серьезно озадачил Казаряна. Вопросы, накопившиеся со вчерашнего дня, постоянно держали полковника в напряжении, поскольку он не находил на них ответов. И вот теперь, после рассказа Власова, наконец что-то стало проясняться.

Казарян неторопливо подошел к машине и сел на заднее сиденье.

– Куда ехать, господин полковник? – сразу спросил водитель.

– Выезжай отсюда и где-нибудь притормози.

По широкой улице машина проехала квартал и свернула в тихий переулок.

Вышколенный водитель воспринял команду полковника как желание провести приватную беседу по телефону, поэтому, припарковавшись и выключив двигатель он хотел было выйти из машины, но Казарян, заметивший справа небольшой сквер, бросил:

– Ты посиди, я сам выйду.

Оставшись наедине с собой, полковник медленно побрел, погрузившись в раздумья. Вместе с ответами у него появлялись и все более сложные вопросы. Сопоставляя имеющиеся данные, он профессиональным чутьем ощущал: кто-то ведет очень опасную игру.

«Ну что ж, господин полковник, – с усмешкой обратился к самому себе Казарян, – тебе надо сказать большое, а точнее – огромное, спасибо Власову и Анаит. Теперь довольно многое начинает проясняться. Правда, я по-прежнему не могу понять роль Власова во всем произошедшем. Если это случайность, то феноменальная. Давай-ка все сначала.

Мандзони считал, что под некрополем должны быть спрятаны сокровища Ганнибала. Направленная в узкий лаз видеочамера подтверждает теорию Мандзони. Погибают археологи, которые, по мнению Власова, видели что-то ценное в пещере. И это вполне логично: убрать свидетелей, чтобы скрыть находку, а затем по-тихому все вывезти из пещеры. Но мог ли за всем этим стоять только один человек, – тот, который повредил канат и убил археологов? Вряд ли. Как говорится, один в поле не воин. Есть еще тот, кто за всем наблюдает, дирижирует действиями исполнителя, при необходимости вносит корректировки. А для этого он должен всегда быть в курсе событий. Он отлично осведомлен и о сокровищах Ганнибала, и об убийствах в ущелье и в Матенадаране.

Может ли Власов быть этим дирижером? Во всяком случае, по странному стечению обстоятельств он всегда находился там, где совершались убийства. Более того, он удивительным образом подмечает все нюансы. Но в таком случае непонятно, зачем он решил со мной встретиться и рассказать про канат, смартфон разбившегося археолога и повесть о своих подозрениях относительно убийства сотрудника Матенадарана?

Итак, первое. Власов сказал мне, что канат был поврежден умышленно. Ну так он наверняка понимает, что с этим мы разобрались сразу же. Возможно, поэтому и выдал эту информацию. Квалифицируем как плюс к наблюдательности, но ценность сведений равна нулю.

Второе. Сведения насчет убийства специалиста по древним языкам в Матенадаране. Тут опять – либо уникальная наблюдательность Власова, либо он все-таки знал об убийстве заранее. И прекрасно понимал, что после вскрытия нам станет известно:

сотрудник не умер естественной смертью, а убит сильнодействующим препаратом. Информация вновь полезная, но, как и в первом случае, пустая и запоздалая.

Третье. Фотографии с телефона погибшего археолога. Кадры нечеткие, кроме одного. А что если Власов видел фотографии в отличном качестве? Затем стер их и сломал смартфон. Надпись же его так заинтересовала, что он решил оставить этот снимок и при помощи Анаит прочитать. Вполне возможная версия. Кстати, интересно, они все-таки узнали, что выбито на камне, или нет?

Власов изо всех сил старался доказать мне, что светлые линии на темном фоне – не что иное, как блики на статуях. Простому человеку вряд ли удалось бы разглядеть во всем этом формы статуи. Все-таки вероятность, что в смартфоне были качественные фотографии, определенно есть... Но тогда почему Власов не показал более качественные снимки? Какую он может преследовать цель? Заинтриговать, чтобы я занялся пещерой? Спустился туда и посмотрел, что там находится? А может, он надеется, что я его возьму с собой, как человека, который мне первым об этом сказал? И так же, как в ущелье и в Матенадаране, он, спустившись в пещеру, оценит работу своего подручного. В принципе, почему бы и нет... Но пещеру ему показывать нельзя ни в коем случае. И это не обсуждается.

Теперь о самом главном. Власов связал все три смерти с одним человеком – кинодокументалистом Андреем. Тем самым предлагая направить следствие в сторону Романова. Выданная им информация, основанная всего лишь на наблюдательности, настолько убедительна, что кинодокументалиста

можно сразу арестовывать. Надо отдать должное Власову, его доводы весьма логичны.

Но все дело в том, что он не знает того, что знаю я. А может, знает или догадывается, или просто хотел выяснить, что мне известно...

Да-а, интересная беседа получилась! Вопрос лишь в одном: Власов хитрый и опытный игрок или же был со мной искренен? Хотелось бы верить в его чистые помыслы, он производит впечатление интеллигентного и порядочного человека. Но у меня такая работа – верить только фактам.

Стоп. Что он там говорил? Он собирается вылететь завтра утром. Завтра утром будут отправлять в Италию и гроб с Мандзони. Это повод для подозрений или простое совпадение? А не многовато ли совпадений?»

Во внутреннем кармане пиджака забренчал телефон. На экране большими буквами высвечивалось: «Амаяк Манукян», и Казарян, тронув зеленую кнопку, поднес телефон к уху.

– Слушаю тебя, Амаяк. Она не могла ошибиться? Какой шрам? Ага. Ну что, молодец.

На задумчивом лице Казаряна появилась еле заметная улыбка. Теперь он знал, кем был тот молодой мужчина, убивший специалиста по древним языкам в Матенадаране.

Как всегда в трудных ситуациях, когда требовалась максимальная концентрация, Казарян мысленно разыгрывал ассоциативную шахматную партию.

«Итак, что получается? – стал рассуждать полковник. – Они решили разыграть гамбит, пожертвовав Мандзони, который и вывел их на сокровища Ганнибала. Необходимо взять инициативу в свои руки. А что можно сделать? Только провести контргамбит.

Построим-ка мы комбинацию с усиленным вариантом, тоже кое-кем пожертвуем. Но наша жертва будет ничтожной, на первый взгляд совсем невидимой, никакого сравнения с их жертвой. И ее мы выдвинем так, чтобы сразу поставить им «вилку» и загнать в «капкан». Тогда все те, кто замешан в убийствах и желании вывезти драгоценности из пещеры, – точнее, даже из Армении! – окажутся под своими же перекрестными ударами. Ну что, господа, давайте попробуем».

Казарян еще раз прошелся по воображаемым фигурам, отшлифовывая мельчайшие детали, а потом широко и радостно улыбнулся. У него появилась твердая уверенность, что эту партию он реально может выиграть.

Полковник посмотрел на часы. Было начало пятого. Вновь достав телефон, он набрал нужный номер и быстро заговорил:

– Самвел, здравствуй, дорогой. Ты у себя? Есть небольшое дело. Я приеду и все объясню.

Решительным шагом направившись к припаркованной машине, он сделал еще один звонок:

– Карен, срочно подъезжай к Самвелу. Потом расскажу.

Сев в машину, Казарян коротко бросил водителю:

– Едем к Самвелу на предприятие.

Игра началась.

45.

Без четверти шесть, легко изменив дату и время вылета, Максим и Анаит вышли из агентства «Аэрофлота».

Максим взглянул на Анаит. Их связывали невидимые нити, общее душевное состояние. Каждый видел

в другом свое отражение, беспредельное желание как можно больше и дольше быть вместе, общаться, ощущать невероятное тепло, исходящее друг от друга.

Максима обуревало желание пригласить Анаит в гостиницу, к себе в номер. Но вместе с тем он не знал, как сказать это, чтобы не опозлить трепетно-воздушное, милое состояние их отношений.

– Что будем делать? Какие есть предложения? – он решил начать издалека.

– Думаю, для начала необходимо сообщить Сурену, что ты завтра улетаешь.

– Да, конечно. Я вечером ему позвоню.

– Позвони сейчас, а то некрасиво получится. Он же наверняка подстроил свои планы под тебя.

Власов согласно кивнул и набрал номер.

– Алло! Сурен-джан, привет! Ты не занят? Можешь говорить?.. Отлично. Все прекрасно. Да, с Анаит. Нет, она прекрасный экскурсовод. Вчера были в Гарни и Гегарде, сегодня в Матенадаране. Нет, в Эчмиадзине не были. Слушай, у меня так сложились обстоятельства... К моему большому сожалению, завтра мне надо срочно вылетать в Москву. Я понимаю... Ты же знаешь, я сам планировал остаться на целую неделю. Нет, никак... Не агитируй меня, мне самому обидно. Утром...

Сурен спрашивает, – Максим протянул телефон Анаит, – где мы находимся.

– Добрый день, Сурен, – сказала Анаит. – Ну что я могу поделать... У Максима Александровича срочные дела в Москве. Да, знаю. Хорошо, через полчаса. Передаю ему трубку.

Анаит вернула телефон Максиму.

– Да. Договорились, – подтвердил

Власов, положил телефон в карман и задумчиво посмотрел на Анаит. У него не было особого жела-

ния встречаться с Суреном. На желании провести свой последний вечер в Ереване в обществе прекрасной Анаит ставился жирный крест.

– Как-то неудобно получилось, наверняка оторвали его от дел, – нахмурился Максим. – Но, в принципе, это же не займет много времени. Минут пять-десять поговорим, попрощаемся и все.

– Не уверена, – проговорила Анаит.

Максим, не заметив ее тоскливой интонации, спросил:

– А где договорились встретиться?

– Через полчаса на набережной, – ответила Анаит. – Мы сейчас поймем такси, потом я вас оставлю и поеду домой.

Только теперь Максим заметил в голосе Анаит искреннюю печаль.

– Почему? Ты не хочешь...

– Когда мужчины общаются, женщины не должны им мешать.

– Ну это же недолго, максимум минут пятнадцать! – Максим тешил себя надеждой все-таки провести вечер вдвоем с Анаит.

– Я хорошо знаю Сурена, он чрезвычайно хлебосольный и так просто тебя не отпустит. А у меня для застолья совершенно нет настроения. Все эти события здорово меня подкосили. Я реально очень устала за эти два дня. Хочется немного отдохнуть.

– Мы что, сегодня больше не встретимся?

– Если не очень поздно завершите прощальное застолье, – усмехнулась Анаит, – позвони. А теперь, может быть, поехали?

Анаит отвернулась. Леденящие мурашки пробежали по телу Максима. Теплота взаимных чувств, охватившая их за последние два дня, улетучилась в одно мгновение. Власову показалось, он ее теряет.

«Я должен был догадаться, что Сурен так просто меня не отпустит! – проклинал себя Максим. – Теперь опять застолье, обедание и нагрузка на печень. Ради чего? Чтобы испортить отношения с Анаит?»

– Зря я позвонил Сурену, – мрачно выдавил из себя Максим. – Надо было вечером... Теперь я чувствую себя полнейшим идиотом.

После этих слов Анаит вдруг осознала, что виновницей охватившей ее грусти и тоски является она сама. Ведь именно она настояла, чтобы Максим позвонил Сурену. Анаит повернулась, нежно посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

Власов не ожидал такого скачка настроения. Он растерянно смотрел на Анаит и старался улыбнуться в ответ, не понимая, что случилось.

Это была великая сила быстрой отходчивости, присущая Анаит. Благородство и крепость духа, неумение и нежелание носить в себе обиду были постоянными спутниками ее жизни. Она старалась, а скорее всего, была готова в каждом человеке видеть только лучшее, расценивая неприятные поступки всего лишь как стечение обстоятельств. И это было связано с ее доброжелательным настроением по отношению ко всему сущему, оптимистическим способом взаимодействия с этим миром. Иными словами, у Анаит напрочь отсутствовала злопамятность. Как истинно верующая христианка, для которой «Бог есть Любовь», она отрицала зло в любых его проявлениях, в том числе и в виде злопамятности.

– Не надо себя винить, это же я настояла, – нежно сказала она.

Максим, видя ее улыбку, с облегчением выдохнул.

– Жизнь продолжается! – на лице Анаит от грусти не осталось и следа. – Поехали.

46.

Поскольку до встречи с полицейским оставалось еще больше часа, Эндрю с небольшой сумкой-рюкзак на плече решил прогуляться по Северному проспекту.

Относительно недавно обустроенная улица сразу стала любимым местом прогулок как для ереванцев, так и для туристов. Широкий пешеходный проспект был вымощен добротными красивыми плитами. По обе стороны высились красивые, величественные и многоликие здания, гармонично соединявшие в архитектуре неоклассицизм, модерн и национальный стиль. Все дома представляли собой элитные апартаменты. На первых этажах ярко светились витрины бутиков самых модных брендов, помпезных ресторанов и кафе.

Эндрю изучающе смотрел на здания и вспоминал свой первый вечер в Ереване. Мандзони пригласил его тогда прогуляться по городу и поужинать. Погода была комфортной, время от времени налетал приятный ветерок. Между Мандзони и Эндрю с первой минуты встречи завязались приятельские отношения. Естественно, это была в основном заслуга Эндрю, умевшего налаживать необходимые контакты.

На протяжении последних двух лет Мандзони часто приезжал в Армению и успел хорошо изучить Ереван. Он специально построил маршрут их прогулки таким образом, чтобы показать Эндрю максимальное количество того красивого и интересного, что, с его точки зрения, было в городе. Они гуляли по центру, по старым улочкам. Мандзони, любитель поговорить, показывал старые здания и объяснял специфику армянской архитектуры.

– Я проехал и прошел практически всю Армению, – рассказывал Мандзони, – и вот что для себя открыл. Композиции армянской архитектуры очень интересны и разнообразны. Они стоят в одном ряду с уникальными сооружениями средневековой цивилизации. Когда смотришь на творчество армянских мастеров, поражаешься, насколько этой архитектуре свойственна идеальная геометрическая структура. Каждое сооружение – результат понимания мира, его природы, и все это применялось в строительстве. Посмотрите на шедевры армянского зодчества, и вы увидите, что они сочетают функциональные требования и идеальную объемную структуру. Отдельные части армянских архитектурных памятников не разделены, они едины. Столбы и арки в базиликах взаимосвязаны, гармонично уравновешены, а опоры через подпружные арки связывают свод. Переходы от одного элемента к другому плавные, лишь слегка отмеченные капителями или орнаментами. Внутреннее пространство и внешний объем объединены общей эстетической идеей. Я уж не говорю о неисчерпаемом богатстве природных камней, их пластических и живописных свойствах, которые делают орнаментное мастерство армянских зодчих самобытным и уникальным.

Рассказ Мандзони не особо интересовал Эндрю. Он хотел поговорить о сокровищах Ганнибала. Но опытный, несмотря на молодость, и крайне терпеливый Эндрю понимал: чтобы добиться симпатии и полного доверия со стороны Мандзони, он должен произвести впечатление хорошего собеседника. А хороший собеседник для словоохотливого профессора – человек молчаливый и внимательно слушающий. Хитрый Эндрю не просто изображал внимательного слушателя – при каждом удобном

случае он переспрашивал, видя, как это нравится Мандзони.

«Вот здесь мы ужинали с профессором», — вспомнил Эндрю, проходя мимо очередного ресторана.

В тот день трепетное ожидание Эндрю было вознаграждено. Сев за стол и услышав в свой адрес пару комплиментов, он решил тоже похвалить профессора и задать долгожданный вопрос.

— Когда вы рассказывали о специфике армянских строений, мне казалось, что вы не только археолог, но и мудрый, опытный архитектор. Вы кладёте знаний, профессор.

— Вы так думаете? — Мандзони расцвел в улыбке.

— Однозначно. С вами очень интересно. Самое ценное: у вас есть чему поучиться.

— Хочу сказать, что и вы приятный собеседник. Вы очень внимательно слушаете, анализируете... — Мандзони взял меню и отвлекся на изучение блюд.

— Мой друг, вы знакомы с армянской кухней?

Эндрю понравилось, как Мандзони его назвал, и он широко улыбнулся.

— Уважаемый профессор, в отличие от вас, я впервые в Армении. И поэтому полностью полагаюсь на ваш вкус, который, думаю, должен быть отменным.

Мандзони сделал заказ подошедшему официанту и отдал ему меню.

— Уверен, вам понравится, — благосклонно сказал он Эндрю.

— Профессор, мне хотелось бы спросить вас, как обстоят дела на раскопках? — нерешительно начал Эндрю. — Вам удалось обнаружить что-нибудь интересное?

— О да, — довольно закивал Мандзони. — Мои армянские коллеги точно определили время захоронений, однако ошибочно считают, что они принад-

лежат римским легионерам. Я внимательно изучил всю атрибутику, находящуюся в некрополе. Знаете, в нашей профессии очень важно внимание к мелочам. Именно из мелочей складывается четкая картина, именно мелочи становятся определяющими факторами наших исследований.

— Так кому же принадлежат эти захоронения?

— Воинам, сопровождавшим Ганнибала.

Эндрю непонимающе смотрел на профессора. Большие, удивленно округленные глаза и приподнятые брови говорили: «Разве это возможно? Разве возможно что-либо определить так точно?» Мандзони словно прочитал мысли своего собеседника.

— Видите ли, мой друг, вооружение, которое было предано погребению вместе с его владельцами, невероятно разнообразно. Только одна армия в те далекие времена отличалась от римской и всех остальных своим разнообразием и пестротой. Это была армия Карфагена. Поскольку состояла в подавляющем большинстве из наемников — ливофиникийцев, нумидийцев, иберийцев и кельтов, которых римляне называли галлами.

Заметив подошедшего официанта, Мандзони замолчал. Он подождал, пока официант расставит тарелки с различными яствами и отойдет, и только тогда продолжил.

— Так вот, мое внимание привлекла кольчуга, я вам обязательно завтра ее покажу, и наплечники в виде пелеринки. У римских воинов наплечники всегда были в виде клапанов, а на этих пелеринка застегивается пряжкой с лицевой стороны. Такими доспехами пользовались кельты и иберы. Второе, на что я обратил внимание, так это на очень хорошо сохранившийся меч. Я вам его завтра тоже покажу. Это знаменитый гладиус. Мои армянские

коллеги считают этот меч римским изобретением, ибо именно римляне обессмертили этот короткий клинок. Я же сторонник того, что римляне заимствовали его у племен Пиренейского полуострова, иными словами, у галлов или кельтов. И неспроста этот прямой короткий меч получил название «гладиус хиспаниенсис», то есть «испанский меч». Кстати, само слово «гладиус» происходит от кельтского *kladyos*, «меч». Вот такие как бы мелочи говорят о том, что это захоронения не римских легионеров, как считает мой коллега Шукурян, а кельтских и иберийских наемников, которые прибыли в Армению вместе с Ганнибалом.

Эндрю, как любитель, знаток и коллекционер холодного оружия, хотел вернуть Мандзони к разговору об испанском гладиусе и открыл было рот, но профессор его опередил:

– Я все говорю и не даю возможности начать ужин. Давайте поедим. Советую начать вот с этого...

Несколько минут они молча жевали. Эндрю мысленно строил план дальнейшего разговора, рассчитывая узнать, насколько близко Мандзони подошел к сокровищам Ганнибала или хотя бы сколько времени понадобится для поиска.

– Ну и как вам армянская кухня? – Мандзони первым прервал затянувшуюся паузу.

– Очень вкусно. Мне нравится.

– У древних народов, я заметил, как правило, очень разнообразная и вкусная пища.

– Кстати, профессор, я давно увлекаюсь холодным оружием, собрал неплохую коллекцию, а вы как раз говорили об испанском гладиусе. Можно его как-нибудь посмотреть? – попросил Эндрю, словно забыв, что Мандзони несколько минут назад сам предложил показать ему этот меч.

– Да, конечно. Я же вам сказал, обязательно покажу. Вам как коллекционеру это будет очень интересно.

– Спасибо. Я только не совсем понимаю: если Ганнибал строил город для армянского царя, то почему эти захоронения, которые вы считаете могилами воинов Ганнибала, находятся здесь, а не там, где строился город?

– Интересный вопрос. Поверьте мне, мой друг, этот некрополь там находится не случайно. Я не знаю, рассказывал ли вам мистер Баух о моих изысканиях, связанных с пребыванием Ганнибала в Армении...

– В общих чертах. Насколько я заметил, он был ошеломлен вашими изысканиями и очень хотел, чтобы я снял о вас фильм. Именно поэтому он мне рассказал далеко не все – чтобы я получил информацию из первых рук. Тем более что нашему зрителю, – Эндрю решил сыграть на честолюбии профессора, – будет крайне интересно узнать, как зародилась сама идея о поисках сокровищ Ганнибала в Армении. И если не возражаете, я запишу нашу беседу на диктофон.

– Конечно, включайте. – Мандзони с нетерпением наблюдал, как Эндрю ставит на стол ближе к профессору диктофон и включает запись. Не обратив внимания на то, что собеседник также придвинул к нему смартфон, Мандзони увлеченно заговорил:

– Все началось лет восемь назад. Я впервые приехал в Армению по приглашению моего давнего друга, прекрасного археолога Артура Шукуряна. Мы организовали совместную археологическую экспедицию для раскопок в Котайкской области. Это недалеко, рядом с Ереваном. Мы тогда обнару-

жили дворец-крепость, возведенный в период Ванского царства. Это воистину уникальный археологический памятник, поскольку представляет собой часть культурного наследия Урарту.

После этого мы с Шукурьяном исколесили Армению вдоль и поперек. Из всего великолепия тогда я особо остановился на монастыре Гегард. Советую вам его обязательно посмотреть. Вырубленный в скале монастырь, уникальная технология вырубки! Впрочем, об этом можно долго говорить, но потом. Самое интересное, на что я тогда обратил внимание, так это огромное количество пещер в данном районе.

– Простите, профессор, вы уже тогда связали потерянные сокровища Ганнибала с этими пещерами?

– О, нет. Тогда я лишь по наитию чувствовал: что-то с пещерами может быть связано. Мне на ум приходили различные идеи...

Эндрю понимал: если профессора не остановить, прелюдию придется выслушивать еще долго.

– Зрителю наверняка будет интересно, – мягко перебил Эндрю Мандзони, – когда и как вы пришли к выводу, что под некрополем находятся захоронения воинов Ганнибала.

– После первых же раскопок, когда нашли доспехи. Несколько месяцев назад команда Шукурьяна довольно-таки случайно обнаружила эти захоронения и установила время: второй век до нашей эры. Шукурьян прислал мне фотографии с просьбой подтвердить его выводы о том, что эти доспехи принадлежали древнеримским легионерам.

Однако, внимательно все рассмотрев, я пришел к другому мнению. Я вам уже рассказывал о том, кому могли принадлежать эти доспехи?

– Да, кельтам и иберам.

– Совершенно верно. Вот тогда-то у меня и появилось предчувствие, связанное с пещерами. Захоронения второго века до нашей эры, так? Так. Вот и возник вопрос: каким образом кельты и иберы могли оказаться в это время в Армении? Ответ лежал на поверхности. Кельты и иберы могли оказаться в Армении в данном историческом периоде, только сопровождая полководца и нанимателя, коим был Ганнибал.

– И этого было достаточно для утверждения, что сокровища Ганнибала, которые долгое время считались потерянными, оказывается, спрятаны в Армении?

– Естественно, нет. Понимаете ли, мой друг, когда несколько векторов сходятся в одной точке, это неспроста.

– Простите, а какие именно векторы?

– Во-первых, нахождение некрополя недалеко от города Арташат, основанного Ганнибалом. Во-вторых, обилие скал и различных пород камня для строительства города. А поиск нужных пород, как правило, подразумевает каменоломни. Я уверен, некоторая часть рукотворных пещер в этом районе – результат деятельности Ганнибала. А каменоломни, как вы понимаете, прекрасное место для хранения сокровищ. И что еще очень важно, Ганнибалу нужен был простой и верный способ переправки камней в строящийся город. А как известно, с древних времен наилучшим способом переправки огромных валунов и камней является река. И такая река протекает от Гегарда, по ущелью, вдоль Гарни и впадает в Аракс, рядом с Арташатам. Это третий вектор. О четвертом мы уже говорили. Некрополь с захоронениями воинов, принадлежавших исключительно армии Ганнибала. Я уверен, должен быть еще один...

Мандзони взял бокал и отпил вина. При этом он пристально и оценивающе смотрел на Эндрю; чувствовалось, профессор хочет сказать что-то еще, но обдумывает, как это сделать. Проницательный Эндрю, заметив сосредоточенность профессора, не стал его перебивать и ждал молча.

– Вы умеете управлять квадрокоптером? – после небольшой паузы спросил Мандзони.

– Естественно, – уверенно ответил Эндрю.

– Вы понимаете, в чем дело, мой друг. Наши предки прекрасно разбирались в строительстве. Они не упускали ни одной мелочи. Проанализировав ряд древних подземных сооружений, в том числе вырубленных в скалах, я пришел к выводу, что все они имеют как минимум два входа. И что еще меня удивило, так это система вентиляции. Ганнибал, знавший, как построить целый город, при создании хранилища для своих сокровищ однозначно должен был учесть систему вентиляции в подземелье. Поэтому я хочу, чтобы вы, мой друг, с помощью квадрокоптера тщательно обследовали склон ущелья, над которым находится некрополь. Дело в том, что прошло много лет. Этот район подвергался значительным землетрясениям, местность существенно изменилась. Но, что-то мне подсказывает, в скале под некрополем должны быть очень узкие, не особо заметные, но глубоко идущие шахты. Если вы их найдете, считайте, мы с вами стопроцентно нашли спрятанные Ганнибалом сокровища.

Мандзони отсалютовал Эндрю бокалом.

– За вас. Надеюсь, вы найдете вентиляционное окно, а возможно, и второй проход.

– Спасибо. За вас, профессор! – Эндрю поднял свой бокал и сделал ответное движение в сторону Мандзони.

Профессор, пришедший в прекрасное расположение духа, искренне заулыбался.

– А вы знаете, мой друг, есть еще один вектор. Хотя мой коллега Шукурян в этом вопросе также выступает моим оппонентом. Анализ деятельности Ганнибала, находящегося в изгнании, привел меня к уникальному выводу. Это связано с Прусием, царем Вифинии, куда примерно в сто восемьдесят шестом году до нашей эры, покинув Армению, отправился Ганнибал. Самое интересное заключается в том, что именно в это время Прусий решает основать новую столицу своего царства. Интереснейшие параллели, не так ли? Ганнибал находится в Армении, строит для армянского царя новую столицу, а с его появлением в Вифинии у царя Прусия тоже появляется желание построить новую столицу. Я более чем уверен: идею строительства города Пруссию подал Ганнибал. И тому есть веские доказательства, – Мандзони сделал глоток вина. – Доподлинно известно, что первый камень в основание города заложил сам Ганнибал. Город был назван по имени царя Пруса, сегодня этот город носит название Бурса. Заметьте, точно так же происходило у Ганнибала в Армении. Построенный им город был назван в честь армянского царя – Арташат.

– Простите, профессор, – исторический экскурс перепутал мысли Эндрю, – я не совсем понимаю, как желание Ганнибала построить еще одну столицу связано с нахождением сокровищ карфагенского полководца в Армении?

– Очень просто, мой друг. Ганнибал под видом строительства Арташата прячет свои сокровища в созданных им же каменоломнях. Однако, будучи злейшим врагом Рима, поставившим себе цель воевать с ним до победного конца, Ганнибал при этом

столкнулся с довольно-таки большой проблемой. Война – дело дорогое, и каждый раз ездить в далекую Армению за очередным, как говорят сегодня, траншем непросто. А царство Вифиния находилось на северо-западе Анатолии, то есть Малой Азии, между проливом Босфор и рекой Сангариус, что намного ближе к границе Рима.

Эндрю понятия не имел, где находилась Вифиния, но, когда Мандзони указал местонахождение, мгновенно все понял.

– Вы хотите сказать, что Ганнибал, успешно спрятав свои сокровища под видом строительства города, решил еще раз – под таким же прикрытием – перевезти и спрятать сокровища в Вифинию? Так, может быть, его сокровища надо искать не в Армении, а в Турции?

– Да, если бы он успел воплотить свой замысел в жизнь. Буквально через два года пребывания Ганнибала в Вифинии Пруссий выдал его римлянам... Великий полководец, узнав о безысходности своего положения, принял яд из перстня, который всегда носил при себе...

...От воспоминаний об ужине у Эндрю засосало под ложечкой. Он посмотрел на часы: четверть восьмого. До встречи оставалось сорок пять минут.

«Необходимо что-нибудь перекусить, – подумал он. – Когда еще придется поесть...» Эндрю снова бросил взгляд в сторону ресторана, где они сидели тогда с Мандзони. Хоть ему и очень понравилась здешняя кухня, идти туда было нельзя. Официантам куда проще запомнить посетителя, зашедшего к ним во второй раз, нежели появившегося впервые.

Впереди, на противоположной стороне улицы, ярко горела еще одна вывеска. Уже не раздумывая, Эндрю зашагал в сторону кафе.

47.

Было начало девятого. В переулке, недалеко от Северного проспекта, стоял большой черный, с тонированными стеклами, внедорожник. На водительском месте сидел полицейский, на заднем правом сиденье расположился Эндрю. В темном салоне их лиц не было видно. Немного приоткрытые окна давали возможность слышать лишь обрывки их разговора.

– У вас все готово? – спросил Эндрю.

– Да.

– Я так понимаю, – проговорил Эндрю, осмотрев салон, – вы подготовили мне другой транспорт.

– Да, все необходимое уже в нем. Это микроавтобус.

– И где же он?

– Недалеко отсюда, минут десять езды.

Эндрю задумался. Он был уверен, что поедет на этой машине, в которой был навигатор, благодаря чему ему не придется блуждать в незнакомом городе.

– А второе дно там есть?

– Я же сказал, все необходимое сделано, – за нервничал полицейский. – Если что, я вам помогу, и...

Эндрю сразу смекнул, что полицейский под предлогом помощи хочет оценить, какие драгоценности будут вынесены из пещеры, и, естественно, прикинуть свой процент. Не упустил он из виду и то, как полицейский заерзал на водительском сиденье.

– Вы хотите еще что-то сказать?

– Да. Я бы хотел внести некоторую ясность в наши отношения до того, как мы тронемся, – сухо проговорил полицейский.

- Что конкретно вас интересует?
- Какова моя доля в сокровищах Ганнибала?

Вопрос прозвучал как гром среди ясного неба. Эндрю был уверен, что после смерти Мандзони только он и Баух знают тайну пещеры. Но откуда об этом узнал полицейский? Неужели Баух рассказал? Эндрю прекрасно понимал, что Баух способен на все, и ожидать от него можно чего угодно. Ни морали, ни порядочности за этим с виду благопристойным человеком никогда ни числилось.

«Но для чего он ему сказал о сокровищах? – лихорадочно размышлял Эндрю. – А может, все-таки не говорил? Иначе наверняка сразу и определились бы с долей. Странно. Они что, решили меня проверить? И независимо от того, что я сейчас отвечу, это будет истолковано не в мою пользу. Как там говорил Баух: «Во-первых, если что-то пообещал, держи слово. Чего бы это тебе ни стоило. Вот главный принцип, на котором я основываю все свои дела. Номер два... я никогда никому ничего не обещаю». Получается, что бы я ни сказал, это будет с моей стороны обещание, которое я обязан выполнить. Хороший крючок придумал для меня Баух! Что же делать? Пауза затягивается...»

– Вы же понимаете, вопрос доли не от меня зависит, – Эндрю решил немного потянуть резину.

– Прекрасно понимаю. Но тем не менее я бы хотел знать условия до того, как вам помогать.

– Я всего лишь исполнитель. Данный вопрос не входит в мою компетенцию.

– Охотно верю, – с иронией согласился полицейский. – Думайте.

– Мне нужно время, чтобы позвонить и обсудить этот вопрос, – Эндрю старался сдерживать свою злость.

- Пожалуйста, я не спешу.
- Тогда подождите меня. Я постараюсь быстро все уладить, – бросил Эндрю, выходя из машины.

Звонить Бауху с вопросом, какую долю обещать полицейскому, было глупо. Об этом он даже и не думал. Он для вида приложил к уху телефон и размеренными шагами направился от машины в сторону Северного проспекта, обдумывая, как выкрутиться из сложившейся ситуации. Оказавшись на углу проспекта и переулка, Эндрю заметил ярко светящуюся рекламу магазина сотовых телефонов, и его словно осенило. Он понял, что должен делать, и, продолжая прижимать телефон к уху, быстро пошел к магазину.

– Ну как? – поинтересовался полицейский, когда Эндрю вернулся к машине.

– Думаю, для вас более чем прекрасно.

– А конкретно?

– Поскольку за один раз все сокровища Ганнибала вывезти не удастся, – любезно улыбнулся Эндрю, – необходим второй заход, а то и третий. Как вы понимаете, без вас мы не сможем этого сделать. Мне сейчас четко дали понять, что на вас очень рассчитывают. Пока мы можем лишь предполагать, во сколько реально будут оценены сокровища, так что предлагается для начала на ваш счет перевести пятьсот тысяч евро. Уже завтра утром вы сможете увидеть их на своем счете в банке.

– Но там может быть на миллиард?.. – голос полицейского даже дрогнул от жадности.

– Я же сказал: к вам относятся очень хорошо и отлично понимают, что без вас эти сокровища не смогут оказаться за пределами Армении. Именно поэтому мне озвучили ваш процент. Надо сказать, по сравнению с моим гонораром это весьма внуши-

тельно... – Эндрю решил немного поиграть на алчности полицейского и умолк.

Тот всем туловищем развернулся в сторону собеседника и мрачно уставился ему в глаза.

Эндрю рассматривал два варианта процентной доли полицейского, в зависимости от того, как пойдет разговор, и теперь решил назвать максимальную цифру, чтобы, подобно контрольному выстрелу, добить наемника.

– Семнадцать...

– Семнадцать чего? – встревоженным голосом оборвал полицейский Эндрю.

– Процент, естественно, – Эндрю широко осклабился. – Процент, – повторил он с нажимом. – Это огромное состояние.

– А где гарантии, что мне скажут верную оценку сокровищ?

– Не волнуйтесь. Все прозрачно. Уже после оценки первой партии на ваш счет будет перечислено семнадцать процентов от вывезенного за минусом пятисот тысяч евро. Вам нет смысла беспокоиться, ведь только в ваших руках находятся нити по транспортировке сокровищ. Это ваши гарантии, если хотите знать.

Полицейский, довольный результатом переговоров, наконец-то успокоился и улыбнулся, демонстрируя Эндрю согласие работать дальше.

– Ну что, поедем?

– Поехали.

Полицейский отвернулся от Эндрю и включил зажигание.

Сам Эндрю был доволен не меньше полицейского, ведь его план сработал. Теперь можно было обсудить чисто организационные моменты.

– В том минивэне есть навигатор?

– Не думаю. А зачем вам навигатор? Поедете за мной. Я выведу вас из города, а там вы однозначно не заблудитесь. Дорога одна, в сторону Гарни. У меня небольшое дело на час, максимум полтора. Как завершу, подъеду и буду на всякий случай находиться неподалеку.

– Но не слишком близко.

– Не забывайте, я полицейский. И мне лучше знать, где мне находиться.

Эндрю мгновенно почувствовал в голосе напарника обиду. Чтобы снять напряжение, он решил извиниться:

– Простите, я немного напряжен.

– Вам необходимо успокоиться. Напряженность – плохой советчик в делах.

– Вы правы. Я постараюсь.

Джип подъехал к большому зданию, возле которого на парковочной площадке стояли два десятка машин.

– Видите впереди темно-синий микроавтобус?

– Да.

– Возьмите ключи и поезжайте за мной. Как выедем из Еревана, дальше сами разберетесь. Я уже говорил, там одна дорога, не заблудитесь.

Эндрю молча кивнул.

– Я подъеду часа через два, буду находиться поблизости. Если что, сразу посылайте сообщение в вайбер или ватсап.

– Хорошо.

– Удачи!

– Нам всем удачи! – радостно улыбнулся Эндрю.

48.

Максим и Сурен в небольшом опьянении уже минут десять прощались у входа в гостиницу «Армения Мариотт».

– Сурен-джан, большое тебе спасибо!

– За что, дорогой? Я планировал тебе завтра показать Эчмиадзин, Хор Вирап, город наш замечательный. Слушай, хотя бы на день твой вылет отложить не получится, а?

– Я же говорил, к большому моему сожалению, ну никак.

– Жалко. Очень жалко. Обещай, что в следующем году приедешь!

– Обещать не обещаю, но обязательно постараюсь.

– Тогда давай еще по сто шампанского и все...

– Сурен, дорогой, мне утром рано вставать, ты хочешь, чтобы я не смог подняться с постели?

– Прекрасный вариант! Не улетишь, останешься еще на денек, а...

– Нет, спасибо. Я, как говорят, больше не могу...

– Хорошо. Во сколько твой самолет?

– Где-то в девять тридцать.

– В семь мой водитель будет здесь и отвезет тебя в аэропорт.

– Ну зачем в такую рань загружать человека? Я возьму такси.

– Ты меня обижаешь...

Максим посмотрел на часы. Половина десятого. Последние три часа все его мысли крутились вокруг Анаит. Он проклинал себя, что позвонил Сурену и не смог отвертеться от его приглашения в ресторан.

На живописной, утопающей в осенней листве бережной реки Раздан, протекающей по глубокому ущелью вдоль всего Еревана, располагалось множество ресторанов. В один из них и приехали Максим с Анаит. Сурен уже был там, и Анаит, поздоровавшись и отклонив предложение поужинать, на том же такси уехала домой.

Вначале все складывалось хорошо. Максим с Суреном были одни, что радовало. Максим прикинул, что ужин и общение со старинным другом продолжится не более часа, а потом он позвонит Анаит, и они обязательно встретятся. Но вскоре подъехали друзья Сурена и еще трое участников конференции, и простой ужин на двоих превратился в целый банкет. Планы на вечер рухнули как карточный дом. Тем не менее у Максима еще оставалась надежда, и он периодически поглядывал на часы. Время, казалось, шло быстрее обычного. Миновал час, другой, а застолью не было конца. Он общался, ел, пил, произнес пару тостов, но ни на минуту не забывал об Анаит. Ощущение вины, мучительное чувство недовольства собой не давало ему покоя.

Максим в очередной раз посмотрел на часы. Было уже девять, и настроение упало окончательно. Он вспомнил слова, сказанные Анаит: «Если не очень поздно завершите прощальное застолье, позвони».

В кармане зазвонил телефон, и Максим воспрянул духом, решив, что это Анаит. Номер на экране был неизвестный, хотя код страны говорил о местном звонке.

«Все-таки Анаит! – радостно подумал Максим. – С домашнего или с другого телефона».

– Алло!

– Добрый вечер, Максим Александрович, – прозвучал в телефоне мужской голос.

Лицо Максима мгновенно перекоилось от досады. Еле слышно он буркнул:

– Добрый...

– Это полковник Казарян, я обещал вам вечером позвонить.

– Ах да, – Максим с некоторым напрягом, но вспомнил, как днем полковник взял его номер телефона и обещал позвонить.

– Мне бы хотелось с вами встретиться.

– Сейчас?

– Желательно. Я в вестибюле вашей гостиницы.

– Я на ужине... – Максим задумался, прикидывая, что, если он выйдет прямо сейчас, доедет до гостиницы, быстро переговорит с полковником, то есть шанс встретиться с Анаит. – Но как раз собирался уже в гостиницу.

– Прекрасно, я вас подожду.

В надежде, что еще не очень поздно, Максим встал из-за стола, поднял рюмку. Он поблагодарил гостеприимного Сурена, его друзей и своих коллег, выпил за них и, сославшись, что завтра рано утром улетает, попросил честную компанию его отпустить. Когда же он пошел к выходу, Сурен побежал следом и на своей машине подбросил Максима до самой гостиницы.

– Что ты все время на часы смотришь?

– Просто боюсь, в ресторане тебя заждались...

– Да, точно! Я чуть не забыл. Ну, давай! – Сурен опять полез обниматься с Максимом.

– До свидания, Сурен-джан!

– Пока, дорогой. До скорой встречи!

49.

Полковник Казарян сидел в кресле вестибюля гостиницы «Армения Мариотт», с нетерпением ожидая Власова. Листая журнал, он обдумывал, каким образом пригласить Власова прокатиться с ним в сторону Гарни. Когда к концу рабочего дня секретарь доложила, что ничего подозрительного для следственных органов по Власову не нашлось, это встревожило полковника. По роду своей деятельности и профессиональной интуиции он настороженно относился к людям, у которых, как говорится, слишком «чистая анкета». Про таких он всегда говорил: «В тихом омуте черти водятся».

Его не оставляла мысль о возможной причастности Власова к убийствам. Общая картина для Казаряна вполне вырисовывалась, он четко понимал, что поиски сокровищ Ганнибала начались с подачи итальянского профессора Мандзони.

«Именно Мандзони где-то и кому-то рассказал о своих догадках, – размышлял полковник, – и этот кто-то решил присвоить себе все драгоценности, находящиеся в пещере. Далее этот кто-то посылает в Армению человека, который мог бы справиться с поставленной задачей, а самое главное, при необходимости хладнокровно убрать свидетелей. Допустим, я и есть этот кто-то. Я бы отправил в чужую страну на выполнение довольно сложного дела одного человека? Любой убийца лишен каких-либо нравственных устоев. Такие люди легко присваивают чужое. Следовательно, отправляя на поиски сокровищ Ганнибала хладнокровного убийцу, я должен предвидеть возможность присвоения им некоей, а может быть, и значительной части най-

денных сокровищ. Получается, нужен еще как минимум один человек, который мог бы мне докладывать о реальной картине происходящего. И Власов прекрасно подходит на роль этого смотрящего. Три смерти, и он постоянно рядом.

Не исключено, что Власов не только смотрит и докладывает, но и при необходимости вносит корректировки. А может быть, он вообще организатор? Тот, кому Мандзони рассказал о хранилище Ганнибала? Возможно, но вряд ли. Все-таки шлейф тянется из Италии, а Власов из Москвы».

Казарян заерзал в кресле, забросил ногу на ногу и закрыл журнал.

«Все-таки интересно... В Матенадаране три человека видят сидящего мужчину, который положил голову на стол. Из них троих только Власов понял, что сидящий мертв, и не просто мертв, а убит. Наблюдательность? Возможно. Но откуда? Он ведь и насчет каната заметил, что тот подрезан. Странно... Не будучи криминалистом, предугадал результат экспертизы срезанного каната. Не будучи судмедэкспертом, определил, что сотрудник убит. А как Власов увидел на темных фотографиях блики от статуй? Человек с такой наблюдательностью должен быть незаурядным. Его необходимо взять с собой в Гарни. Необходимо, чтобы он все время находился рядом со мной. Если он каким-то образом связан с убийствами и поиском сокровищ Ганнибала, это будет заметно. Он однозначно станет под каким-либо предлогом избегать моей компании... или примется уговаривать меня спуститься вместе с ним в пещеру, удостовериться, что статуи там.

Но, с другой стороны, именно Власов дал мне неоценимую информацию. Ни один соучастник готовившегося преступления никогда в жизни не поде-

лился бы такой информацией. Именно благодаря ей в моих руках оказались все козыри, а точнее нити, с помощью которых я могу управлять ходом действий.

Власов далеко не глупый человек. Опрометчиво сболтнуть — это не про него. Остается два варианта. Либо он ведет очень тонкую и хитрую игру, либо он порядочный человек с уникальной наблюдательностью и логикой. И узнать это точно я смогу, только если он сегодня вечером и ночью будет постоянно находиться рядом со мной».

Взгляд Казаряна метнулся ко входу в гостиницу: к стойке администратора быстрыми шагами направлялся Власов.

— Максим Александрович, — стараясь придать голосу дружелюбие, произнес полковник.

Обернувшись, Максим увидел подходящего к нему мужчину в джинсах, легкой голубой куртке и белой майке-поло, гармонично сочетающейся с белыми кроссовками. Он не сразу узнал Казаряна. В первый раз Максим видел его в полицейской форме, во второй — в строгом сером костюме, прибавлявшем полковнику не только солидности и серьезности, но и несколько лишних годков. Теперь же перед Власовым стоял существенно помолодевший, стильный Ашот Казарян.

— О, — выдавил из себя подвыпивший Максим.

— Добрый вечер, — полковник продолжал улыбаться.

Максим натянул ответную улыбку и буркнул:

— Добрый.

— Я не ожидал, что вы так быстро приедете, — Казарян протянул ладонь для приветствия.

Показная любезность с лица Власова испарилась. Он понял: с полковником придется провести неко-

торое время. Тяжелое предчувствие, что сегодня он точно не увидится с Анаит, окончательно испортило ему настроение.

«Не ожидал, – пронеслось в голове Казаряна. – Чувствуется, я ему все планы спутал».

– Честно говоря, не предполагал, что вы мне позвоните и тем более предложите встретиться, – с трудом выговорил Максим.

– Но я же обещал вам рассказать о ходе следствия.

– Ну да. По вашему лицу можно понять, что вы раскрыли это преступление.

– В принципе, да. И, хочу признаться, не без вашей помощи.

– Получается, я был прав по поводу этого Андрея?

Казарян задумался. Он уже второй раз за день слышал от Власова, что тот однозначно уверен в причастности Андрея Романова ко всем трем убийствам. Почему он целенаправленно пытается не мытьем, так катаньем направить умозаключения полковника в сторону кинодокументалиста?

– Не совсем, – после небольшой паузы сказал полковник. – Но у меня к вам есть интереснейшее предложение. Поскольку именно благодаря вашей наблюдательности и своеобразному логическому анализу я стал в своем роде вашим должником, хочу вас пригласить...

Власов, блеснув глазами, с еле заметной улыбкой прервал Казаряна:

– Уважаемый полковник, я прекрасно осведомлен об уровне гостеприимства вашего народа. Но я с ужина, притом очень обильного, так что ни пить, ни есть уже не могу. Вы меня, пожалуйста, простите.

– Застолье всегда хорошо, однако мое предложение предполагало совершенно иное, – с широкой улыбкой отмел Ашот Казарян предположение Власова.

– Тогда простите, я слушаю вас.

– Хочу вас пригласить... – полковник на секунду умолк в поисках нужного слова, – скажем так, на одно мероприятие. Заранее уверен, что вам будет интересно. К тому же мне понадобится ваш нестандартный логический анализ.

Казарян выжидательно посмотрел в глаза Максиму. Он предполагал, что Власов сначала откажется и его придется уговаривать.

– Вы знаете, у меня были совершенно другие планы... – растерянно проговорил Максим и призадумался.

Невзирая на небольшое опьянение, в голове его начали трезво выстраиваться цепочки мыслей. Он посмотрел на часы. Было без десяти минут десять. Максим отчетливо понял, что даже если он сейчас откажется от предложения полковника, то все равно придется некоторое время провести с ним. А тот в силу национального менталитета непременно будет вновь и вновь предлагать посетить свое таинственное мероприятие и не успокоится, пока не получит желаемого. С Анаит они, по всей видимости, сегодня уже не встретятся. Возможно, это и к лучшему, решил Максим. Оставалось одно: согласиться на предложение полковника, но все же срочно позвонить Анаит.

– Однако, – Максим выдержал небольшую паузу, – вы меня заинтриговали. Ну что ж, давайте попробуем поучаствовать в этом вашем мероприятии.

– Вот и хорошо! – Казарян не скрывал своей радости.

– Только единственная просьба, у нас есть хотя бы минут десять-пятнадцать?

Полковник взглянул на часы.

– Время пока терпит.

– Я немного лишнего принял, вы наверняка это заметили. Для бодрости мне необходимо принять прохладный душ и выпить таблетку аспирина. Вы здесь подождете или подниметесь со мной?

– Лучше здесь подожду.

– Хорошо, я быстро.

50.

Четверть часа спустя Казарян не на шутку разволновался. Он решил выйти на улицу. Свежий осенний, с небольшой прохладцей воздух восстановил дыхание, но беспокойство нарастало.

Ему стало казаться, что Власова он больше не увидит, потому что тот связан с искателями сокровищ Ганнибала.

«Неужели я ошибся?» – прокручивался в его голове один и тот же вопрос, подобно испорченной грампластинке. Казарян бросил взгляд на свои часы, вернулся в лобби и посмотрел на большой циферблат над лифтом. Прошло уже двадцать минут, и каждая уходящая секунда казалась вечностью.

«Неужели я ошибся? – вновь подсадовал он. – Неужели Власов использовал эту ситуацию, чтобы уйти, а значит, и предупредить, чтобы сегодня в пещеру не спускались? Зачем я позвал его с собой? Он наверняка догадался, что любое предложенное мной мероприятие связано с преступлениями, совершенными за последние два дня. И как легко он согласился, даже уговаривать не пришлось. Странно».

Обычно уравновешенный Казарян дергался при каждом открытии дверей лифта и был уже не в силах стоять на одном месте. Ему захотелось подняться в гостиничный номер, но в последний момент он понял, что не знает даже, на каком этаже остановился Власов. Казарян вернулся в вестибюль и, дойдя до стойки администратора, невольно посмотрел на висящие на стене большие часы.

«Двадцать пять минут. Это уже совсем перебор».

– Простите, – обратился он к администратору гостиницы, – вы не подскажете, в каком номере проживает Власов Максим Александрович?

– Да, пожалуйста, – администратор набрал на клавиатуре данные. – В пятьсот двадцать восьмом.

– Спасибо.

Полковник быстрым шагом пошел обратно к лифтовому холлу, намереваясь как можно быстрее подняться в номер Власова. От мысли, что Максима там уже нет, Казарян покрылся холодным потом. Но не успел он нажать кнопку вызова, как правый лифт открылся и оттуда вышел Власов.

Полковник выдохнул с таким шипением, будто его прокололи шилом.

– Простите, пожалуйста! – Максим был бодр и весел. – Пришлось сделать один важный звонок.

– Бывает, – выдавил улыбку Казарян, приходя в себя и лихорадочно думая, кому Власов мог звонить. – Давайте поедем, времени уже много.

Они молча вышли из гостиницы и направились к темному внедорожнику, стоявшему прямо напротив гостиницы.

– Садитесь, – бросил полковник, устраиваясь на водительском сиденье.

51.

Некоторое время ехали молча.

Казаряну надо было успокоиться после столь напряженного ожидания, а донельзя довольный Максим вновь и вновь прокручивал в голове разговор с Анаит.

Поднявшись в номер, Максим первым делом принял контрастный душ. Существенно протрезвев, он решил дополнительно выпить таблетку аспирина. Уже одевшись и подойдя к двери гостиничного номера, Власов решил все-таки позвонить Анаит. Как он и предполагал, было уже реально поздно – стрелки на часах показывали пятнадцать минут одиннадцатого, – но, к удивлению Максима, мудрая Анаит говорила с ним очень спокойно, если не сказать добродушно. Она была уверена, что он ей позвонит, пусть и довольно поздно, поскольку знала гостеприимного Сурена и сколько обычно длятся его застолья.

Максим был доволен, поскольку никакого неприятного осадка разговор с Анаит не оставил. Он восхищался благоразумием и непринужденностью этой женщины, умением понимать и принимать людей. Ненароком он вспомнил один из любимых старых фильмов, где в сочинении на заданную тему «Что такое счастье?» школьник лаконично написал: «Счастье – это когда тебя понимают». От осознания, какое прекрасное и всеобъемлющее счастье может дарить Анаит с ее божьим даром понимать, мужчине, который будет рядом с ней, по телу прокатилась волна мурашек.

Наконец вновь обретший равновесие Казарян первым начал разговор.

– Как вы себя чувствуете, Максим Александрович?

– Давайте просто Максим. А чувствую себя вполне хорошо, никаких следов опьянения, – Власов улыбнулся.

– Это прекрасно. Тогда я просто Ашот.

– А вы не хотите сказать, куда мы едем и что за мероприятие?

– Ну, поскольку вы согласились и назад уже нет пути, скажу. Как вы понимаете, гибель археологов была не случай...

Мелодичный звонок оборвал Казаряна на полуслове. Он взял лежащий у рычага коробки передач смартфон.

– Извините, – кивнул полковник Максиму, а в трубку бросил: – Да. Успели. Прекрасно. Я скоро буду.

Власов про себя отметил деликатность Казаряна. Наверняка он обычно говорил по телефону на родном языке, но сейчас перешел на русский, чтобы не вызывать у Максима неприятных ощущений.

– Ну так вот, – Ашот Казарян продолжил начатый разговор. – Гибель археологов действительно была не случайной. Надо отдать вам должное, вы первый заметили, что канат был поврежден. И он действительно был надрезан таким образом, чтобы оборваться под тяжестью людей, находившихся в люльке.

Полковник повернул голову в сторону Максима. Он хотел увидеть его реакцию, но в темноте ничего не заметил.

– Это все из-за пещеры! – вырвалось у Власова.

– Да, именно так.

– И что же они там искали?

– Предыстория очень интересная. Погибший итальянский профессор археологии Федерико Ман-

дзони был уверен, что в пещере находятся сокровища Ганнибала.

– Вы сказали – Ганнибала?

– Да, вы не ослышались.

– Мне рассказывали, что он, находясь в изгнании, некоторое время жил в Армении и строил для царя новую столицу... – Власов замялся в надежде вспомнить название.

– Арташат, – подсказал ему Казарян.

– Точно, Арташат. Если в пещере находятся сокровища Ганнибала... Это же великая находка!

– Возможно. Но у Мандзони были оппоненты, считавшие, что никаких сокровищ Ганнибала не существует.

– Тогда откуда у этого Мандзони была такая уверенность?

В голосе Власова Казаряну послышалась некоторая нервозность.

«Неужели задело?» – подумал он и решил изложить версию академика Шукураяна.

– Мандзони, впрочем, как и многие историки, считал Ганнибала богатым, если не сказать – одним из самых состоятельных людей того времени. Якобы именно благодаря этому богатству Ганнибал мог себе позволить воевать с всемогущим Римом. А поскольку сокровищ было много, ему необходимо было где-то их прятать.

– Логично.

– Доводы Мандзони вполне объяснимы. Ганнибал предложил армянскому царю построить новую столицу, чтобы под видом поиска нужных пород камня спрятать свои сокровища в одной из каменоломен. А оппонент Мандзони, армянский академик археологии Шукураян, уверен, что Ганнибал приехал в Армению без всяких сокровищ, пустой, и предложил

царю построить новую столицу только для того, чтобы заработать на борьбу с Римом.

– В принципе, тоже логично.... А вы как считаете?

– Думаю, никаких сокровищ Ганнибала там нет.

Максим тут же вспомнил фотографии из телефона погибшего молодого археолога. И днем, и сейчас у Максима был вопрос: «Почему Казарян не говорит об этих снимках?» На интуитивном уровне он почувствовал, что полковник ему не доверяет или в чем-то сомневается. В противном случае, зачем он его пригласил и завел этот разговор?

– Лучший способ опровергнуть или подтвердить существование сокровищ – спуститься в пещеру, – заявил Максим.

– Совершенно верно. Вот туда мы и направляемся, – полковник бросил быстрый взгляд на Власова.

Однако никаких эмоций Максим не проявил, только спросил:

– Это очень интересно, спуститься в пещеру, но зачем же ночью? Темно, неудобно.

– Для воров и грабителей лучшее время – ночь, – смеясь, пошутил Казарян.

– Еще интереснее! Мы что, будем грабить?

– Не волнуйтесь... – полковник сделал паузу, сосредоточившись на дороге; машина подъехала к забору, высившемуся по правую руку, и остановилась. Казарян выключил двигатель. Фары погасли, и все вокруг потонуло во мраке. Практически ничего не было видно, лишь слева вдали мерцало несколько огоньков, а справа за забором тускло горело одинокое окно.

– Не волнуйтесь, – повторил полковник, поворачиваясь всем корпусом к Власову. – Мы с вами спускаться не будем.

Максим также развернулся в сторону полковника и вопросительно поднял брови.

– В ближайшее время туда будет спускаться тот, кто повредил канат.

– Андрей! – выдохнул Максим.

– Можно сказать и так.

– Понимаю. Вы хотите взять его тепленьким, как говорят, с поличным.

– Вся проблема заключается в том, что у преступника есть сообщник, которого мы не знаем.

Казарян был убежден: язык опытного человека легко может скрыть истину, но глаза – никогда. Сделав ударение на слове «сообщник», полковник пристально всмотрелся в лицо Власова. К удивлению Казаряна, его глаза были спокойными.

– И вы хотите взять обоих сразу, – утвердительно предположил Максим, но тут же его пробило: – Вы меня простите, но как их можно взять с поличным, если из снимков погибшего археолога понятно, что туда невозможно попасть: лаз в пещеру узкий, даже не вход, а вентиляционное отверстие!

Это утверждение о невозможности проникновения в пещеру удивило Казаряна. Его предположения о возможной причастности Власова к преступлениям дали серьезную трещину. Он еще раз внимательно посмотрел в глаза Максима. Во взгляде читались ничем не прикрытая наивность и искренний интерес. Власов действительно не представлял, каким образом человек может проникнуть в узкий лаз.

– Это как раз и не проблема.

– То есть?

– Небольшой взрыв.

– Но это же опасно! Вдруг все завалит?

– Нет, не завалит, поскольку взрыв будет направленный и не очень сильный. Я уверен, человек,

легко убивающий людей, имеет опыт в организации взрывов.

Максим что-то хотел сказать, но дернулся, словно его ударило током: возле водительской двери буквально из ниоткуда возник мужчина. Его лицо скрывала темнота. Казарян опустил стекло и сказал по-русски:

– Ну, как тут у вас?

Мужчина стал вполголоса что-то докладывать на армянском.

– Подожди, – перебил его полковник. – Видишь, я не один. А Максим Александрович не знает нашего языка.

– Извините, я не знал, – с небольшим акцентом проговорил незнакомец.

Власов еще раз обратил внимание, насколько трепетно Казарян относится к присутствию рядом человека, не знающего армянский язык. Подобная тактичность так нравилась Максиму, что он невольно начал испытывать к полковнику симпатию.

– Ну, теперь знаешь, – Казарян протянул левую руку куда-то вниз, раздался щелчок. – Для начала давай-ка отсоедини провод от аккумулятора.

Непонятная команда удивила Максима. Он второй раз за последние несколько минут приподнял брови и вопросительно посмотрел на Казаряна.

– Скоро в этих домах, – полковник подбородком указал на стоящие справа частные строения, – погасят свет. А если нам потребуется выйти, в салоне загорятся лампочки, и наша машина окажется как на ладони. Так что не будем рисковать. – Последние слова Казарян произнес с ироничной улыбкой.

«Настоящий профессионал, – уважительно подумал Максим. – Я вот даже и не догадался бы».

Тем временем коллега полковника, захлопнув капот, подошел к открытому окну автомобиля.

– Тут... – замялся он.

– Что?

– Можно вас?.. – Мужчина жестом попросил Казаряна выйти, чтобы переговорить снаружи.

– Максим Александрович, – полковник повернулся в сторону Максима, – вы меня извините, я вас оставлю на пару минут.

– Мы же договорились: просто Максим, – поправил его Власов и кивнул.

52.

Выйдя из машины, Казарян сделал пару шагов в сторону. Сомнения насчет возможной причастности Власова к убийствам все еще не покидали его, и он развернулся так, чтобы краем глаза наблюдать за действиями Максима.

«Если он сейчас, – думал полковник, – попробует воспользоваться телефоном, я непременно замечу свет от экрана».

Капитан Карен Симонян, тот самый мужчина, в темноте подошедший к машине, был мужем племянницы Ашота Казаряна. Доверительные отношения между полковником и капитаном сложились не только из-за родственных связей; для Казаряна важное значение имела скромность Симоняна, который никогда не афишировал близость к своему начальнику, не отлынивал, брал на себя самые трудные и проблемные дела, благодаря чему был замечен его из года в год повышающийся профессионализм. Но особое место в их отношениях Казарян отводил преданности Карена.

– Значит, все успели, – первым заговорил полковник.

– Да. Получилось очень правдоподобно.

– Молодцы.

– Что у нас в лагере археологов?

– Еле уговорил, чтобы уехали, пришлось даже расписку писать.

Полковник, уверенный, что именно сегодня ночью злоумышленники попытаются проникнуть в пещеру, очень опасался за жизнь археологов, которые оставались охранять лагерь. Казарян знал, что имеет дело с хладнокровным убийцей, который за два дня уничтожил трех человек, и не хотел ради конечной цели подвергать опасности других. Ведь археологи, дежурившие на раскопках, могли стать нежелательными свидетелями. На карту было поставлено слишком многое, поэтому Казарян поручил Симоняну под любым предлогом удалить археологов из лагеря.

Казарян то и дело косился на Власова, сидевшего рядом. Тот, вальяжно откинувшись на спинку кресла, или о чем-то размышлял с закрытыми глазами, или же просто решил покемарить.

– Как ты считаешь, не слишком ли подозрительно отсутствие охраны?

– Я думал над этим. Но археологи все-таки не профессиональные охранники. Просто параллельно выполняют не свойственную им работу. Кстати, когда я с ними общался, выяснилось, что дежурные частенько покидали территорию раскопок. В большой палатке, где у них своего рода штаб, они просто оставляли записку с указанием номера телефона и уходили.

– Странно...

– Ребята объяснили это тем, что руководитель экспедиции Шукурян в последнее время разрешал иногда ночью покидать лагерь.

– Это уже интересно. Почему именно в последнее время? В связи с чем?

– Так раскопки практически завершены. Все найденное увезли в Ереван, а здесь ничего заслуживающего внимания уже не осталось.

– Получается, члены экспедиции знали о периодическом отсутствии своих коллег во время ночного дежурства?

– Так точно! – отчеканил капитан.

– Ну что ж, будем считать это подарком судьбы.

Казарян облегченно вздохнул: никакой угрозы археологам не было. Он вновь пристально посмотрел на Власова, который сидел в прежней позе. Уснул?

Полковник взглянул на часы.

– Ого, почти полночь. Думаю, наш персонаж скоро появится.

– Два часа назад метрах в ста от лагеря припарковался темно-синий «фольксваген», минивэн. Водитель вышел, побродил по лагерю, зашел во все палатки, затем подошел к опорам люльки, минут пять постоял, потрогал канаты и вернулся в машину. Она вон там, – Симонян указал в темноту и протянул полковнику бинокль ночного видения. – Хотите посмотреть?

– Да, давай. А ты пригляди за Власовым.

Место для наблюдения было очень удачным: лагерь археологов и прилегающие к нему территории просматривались как на ладони. Справа за лагерьем археологов находилось ущелье, где протекала резвая горная река Азат. За ущельем поднимались горы, оттуда веял прохладный ветерок.

Казарян поднес к глазам бинокль и всмотрелся в темноту. Он быстро нашел одиноко стоящий микроавтобус, но ни на водительском кресле, ни рядом, на пассажирском, никого не было.

– А ты уверен, что он в машине?

– Так точно!

– Хорошо, – Казарян стал рассматривать в бинокль окрестности. – А других машин не было?

– Никто и близко не проезжал, за исключением одного большого внедорожника. Он съехал с дороги, развернулся и поехал обратно.

– Вторые сутки, – Казарян развернулся и внимательно посмотрел на Власова, мирно дремлющего в машине, – меня не отпускает ощущение того, что есть кто-то еще. И он все время где-то рядом. Я подзревал Власова, думал, подкину ему информацию, он предупредит сообщника, что мы находимся здесь и нам многое известно. Но он спокойно спит.

– Стечение обстоятельств?

– Может быть. Но мы должны, а точнее, просто обязаны рассматривать все возможные варианты. Если кто-то, как ты говоришь, прошелся по лагерю, и отсутствие археологов его не смутило, он осмотрел люльку, затем спокойно вернулся в машину... Следовательно, ничто его не напрягло, не испугало. В противном случае он бы уехал. Ты со мной согласен?

– Так точно!

– И все-таки, – после небольшой паузы продолжил полковник, – кто-то ведь должен его страховать, а посему тоже находится где-то здесь. Как думаешь, Карен?

– Может, тот самый внедорожник, который развернулся возле лагеря и уехал? Он вполне мог остановиться где-то неподалеку.

– Номера ты, естественно, не заметил.

– Почему же, – Симонян еле заметно улыбнулся. – Заметил, правда, только две последние цифры. Вроде бы ноль два.

– Так вроде бы или точно? Может, восемьдесят два или шестьдесят два?

– Никак нет, – по-военному отчеканил капитан. – Ноль два, точно.

Казарян вновь поднял бинокль и стал всматриваться в крошечную тьму. Он надеялся разглядеть еще одну припаркованную где-нибудь машину, однако единственным автомобилем в его поле зрения был темно-синий минивэн.

– Карен, давай-ка я присмотрю за микроавтобусом, а ты на своей машине прокатись в сторону Гарни. Может, этот внедорожник где-то стоит поблизости. Да и вообще поглядывай на все припаркованные машины, особенно где находятся люди. И на всякий случай записывай номера.

– Понял. Разрешите выполнять? – невзирая на родственные отношения, Симонян всегда старался соблюдать субординацию.

– Да. И вот еще что. Опустит стекла и вруби громче музыку, какую-нибудь танцевальную. Прикинься пьяненьким.

53.

Как только Казарян вышел из машины, Максим откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Несмотря на полночь, спать совершенно не хотелось: контрастный душ и таблетка аспирина сделали свое дело. Он вспоминал прошедший, очень насыщенный день. Просто удивительно, как случайно попавший к нему смартфон погибшего археолога закружил их с Анаит в вихре событий. Не будь снимка древней плиты с надписью, не было бы необходимости искать специалиста по древним языкам, не

столкнулись бы они с его загадочной смертью и не встретились бы с милейшим, интересным и мудрым Седраком Арутюновичем, и, естественно, не возникло бы необходимости напрашиваться на встречу с Казаряном. А уже без этой встречи не сидел бы он сейчас ночью в машине полковника полиции.

Власов вдруг подумал, что Казарян ему не доверяет.

«Зачем, – спросил он себя, – я ему здесь нужен? Если бы он мне верил, обязательно заговорил бы о находящихся в пещере статуях. Мы же показывали ему снимки. А он стал рассказывать о сокровищах Ганнибала. Какой смысл представлять мне две совершенно противоположные точки зрения? Я же не историк и тем более не археолог. Какого-либо компетентного мнения высказать не могу. И он об этом прекрасно знает. Так для чего был весь этот странный разговор?»

Максим открыл глаза. Казарян и его коллега стояли недалеко от машины, и полковник изучал окрестности в бинокль. Прибор ночного видения, догадался Власов. Он закрыл глаза и продолжил размышлять.

«Мы с Анаит показали ему на планшете последние снимки, сделанные погибшим археологом. Также при увеличении отчетливо были видны силуэты статуй и надпись на каменной плите. Никаких эмоций при просмотре он не проявил. Странно как-то. Рассказывает мне о сокровищах Ганнибала, а при виде плиты не спрашивает, что там написано. Кстати. Что там было выбито?»

Перед мысленным взором Максима, словно на экране, возник худощавый Седрак Арутюнович, с серебристой сединой, черными бровями и усами.

Раздался щелчок открывшейся двери.

Власов открыл глаза: в машину сел Казарян.

54.

– Я вас, наверное, разбудил? – спросил полковник, заняв водительское место.

– Нет. Я не спал. Иногда хорошо думается с закрытыми глазами.

– А как вы себя чувствуете? Бодрый, веселый? – чуть улыбнулся Казарян.

– В принципе, нормально. Спать пока не хочется. Дело в том, что я по своей натуре сова.

– Хм, я тоже. Тем не менее для большей бодрости предлагаю выпить крепкого чая.

Казарян всем корпусом повернулся назад, взял лежащий на заднем сиденье небольшой саквояж. Поставив его на колени, открыл, достал термос и пару стаканов.

– Многие утверждают, что после вечерней чашки кофе не могут уснуть. У меня наоборот: выпив кофе, сплю, а после крепкого чая уснуть не могу.

– Не у вас одного так. У меня то же самое. Раньше частенько приходилось работать ночами, так чтобы не спать, всегда пили крепкий чай.

– Возьмите, пожалуйста, – Казарян протянул наполненный чаем стакан Власову.

– Спасибо.

Отпивая маленькими глотками горячий чай, Максим обдумывал, как спросить Казаряна о том, знает ли тот, что выбито на каменной плите. Но, увидев, как полковник одной рукой держит стакан с чаем, а второй периодически приставляет к глазам бинокль, всматриваясь куда-то влево, решил не мешать и немного подождать.

– Ну как вам чай? – не отрываясь от бинокля, заинтересовался Казарян.

– Очень вкусный. Помимо добротного черного, бархатистого на вкус, ощущается присутствие некой пряности. Но не могу уловить, что это такое.

– Мы называем эту горную траву «урц». По-русски – чабрец.

– Восхитительное сочетание.

– Рад, что вам понравилось.

– Ашот... – Власов впервые назвал полковника по имени и сделал паузу, ожидая, что тот к нему повернется.

Но Казарян продолжал смотреть в бинокль.

– А куда вы все смотрите? – Максим вновь решил отложить волновавший его вопрос.

– Сейчас уже около часа ночи. По моим подсчетам, наш подопечный вот-вот должен выйти из машины и направиться в сторону ущелья, где установлена строительная люлька.

– Так это вы наблюдаете за Андреем?

– Да.

– А можно мне тоже посмотреть?

– Пожалуйста, – Казарян протянул бинокль Власову.

Для Максима все это было в диковинку, поскольку он впервые в жизни смотрел в прибор ночного видения.

– Поразительно, словно и не ночь. И где этот Андрей?

– Чуть левее направьте бинокль. Три небольших дерева видите?

– Да.

– Рядом стоит микроавтобус, видите?

– Ага, увидел.

– Вот в нем и сидит ваш Андрей.

– Теперь я понял. Вы не хотите пропустить момент, когда он двинется в ущелье.

– Да, – Казарян посмотрел на часы. – Начало второго. Ну давай же, давай, выходи...

– Простите за возможно бестактный вопрос, а почему вы считаете, что он скоро должен выйти?

– Около двенадцати ночи все, как правило, уже лежат в своих кроватях и начинают засыпать. Через час-полтора наступает глубокий сон. Поэтому практически все преступления, совершаемые ночью, происходят именно после часа, ближе к двум-трем.

– Интересно...

Власов вернул бинокль, сделал очередной глоток чая, посмотрел на полковника и все-таки решил задать волновавший его вопрос.

– Ашот, вы хорошо знаете арамейский язык?

– Вы хотели сказать, армянский, – поправил Казарян, не отрываясь от наблюдения.

– Нет, – Максим покачал головой. – Именно арамейский.

– А в связи с чем вопрос?

– Когда я показывал вам снимок каменной плиты, на которой было выбито слово на арамейском, вы не спросили, что написано. Я так понял, либо вы видели этот снимок раньше и знали, что там выбито, либо вы знаете арамейский язык.

Казаряна настолько удивило предположение Власова, что он опустил бинокль и повернулся лицом к собеседнику. Они молча смотрели друг другу в глаза. Полковник не знал, что ответить. Власов ждал. Пауза затягивалась, и Казарян лихорадочно думал: если сказать правду, то каким образом и уместна ли она? А может, обмануть или как-то умело уйти от ответа?

Раздавшийся звонок позволил полковнику с облегчением схватить смартфон.

– Да. Слушаю тебя, – Казарян рывком поднял к глазам бинокль. – Повтори марку и номер. Вот это да! Как интересно... Ты четко видел, что водитель в машине? Молодец. Можешь возвращаться. Подожди-ка...

Полковник положил смартфон на колени и плотно обхватил бинокль обеими ладонями. Минуту спустя взял телефон и живо проговорил:

– Он вышел и направляется в сторону раскопок! В руках сумки, за плечами рюкзак. Идет к люльке. Сейчас будет спускаться. Карен, быстро осмотри этот минивэн. Ближко не подъезжай, пройдишь пешком. Только, прошу тебя, очень осторожно, возле машины могут быть расставлены маячки.

Убрав телефон в карман, полковник торжественно повернулся к Максиму.

– Ну, что я хочу вам, уважаемый Максим Александрович, доложить. – На лице Казаряна сияла улыбка, а глаза искрились энергией доброжелательности. – По роду профессиональной деятельности я не имею права руководствоваться своими эмоциями и впечатлениями. Есть суровые факты, которые невозможно игнорировать. Ваше присутствие в ущелье во время гибели археологов можно было назвать случайностью. Но вдруг на следующий день я узнаю, что вы приезжали в Матенадаран, и не просто как посетитель, а целенаправленно искали встречи со специалистом по древним языкам, который к тому времени был убит. Не скрою, после гибели археологов в поле моего зрения попал кинодокументалист Андрей Романов. Интересуясь им, мы обнаружили интересный факт: вы летели в Ереван вместе с ним, сидели рядом. Таким образом, у меня возникли определенные подозрения. Уже во время нашей встречи я знал, кто подрезал канат, державший люльку. Ну

а когда вы стали утверждать, что виновником всех трех преступлений является Андрей, мои подозрения по поводу вашей персоны усилились. У меня начало складываться впечатление, что вы целенаправленно подталкиваете меня и вообще расследование в сторону Андрея Романова. Естественно, я задавал себе вопрос: ради чего?

Казарян говорил, не прекращая улыбаться. А Максим, молча слушая, догадался, наконец, откуда и из-за чего появилось это ощущение недоверия и недоговоренности, исходящее от полковника полиции. Однако ему не стало от этого легче, ибо он совершенно не понимал, почему Казарян теперь так дружелюбно улыбается. Максим хмурился, не зная, что сказать в ответ на такую откровенность.

– В шахматах часто бывают партии, где для выигрыша нужно пожертвовать какой-либо фигурой. Достаточно «съесть» эту фигуру, и вы сразу попадаете в подготовленный капкан и проигрываете. Высказанные вами подозрения по поводу Андрея Романова казались мне шахматной подставой. Тем более, когда вы сказали, что собираетесь завтра срочно лететь обратно в Москву. Понимаете ли, утром в Италию отправляется и гроб с погибшим археологом Мандзони. Прелюбопытнейшее совпадение, не так ли?

Максима бросило в жар. Он буквально окаменел от напряжения и был не в состоянии вымолвить хоть слово в свою защиту, даже просто закричать от возмущения.

– Дело в том, – продолжал Казарян, – что все преступления имеют своих идеологов, организаторов и исполнителей. Иногда преступление замышляется довольно крупное, когда на кону очень большие деньги. Такие за один день не продумать, их готовят долго, просчитывают все этапы. И поэтому идеологи

и организаторы не могут и не должны в силу обстоятельств быть рядом с местом этого самого преступления, для этого существуют зрители. Эдакие с виду невинные овечки, о причастности которых к криминальным сообществам ни у кого и мысли не возникнет. Но что самое интересное, они всегда находятся рядом, там, где происходят крупные и тщательно просчитанные преступления.

– И вы считаете меня, – Максим понял, к чему клонит полицейский, – овечкой-смотрителем? Но мне действительно, к большому сожалению, просто необходимо завтра, то есть уже сегодня, днем быть в Москве.

Казарян рассмеялся.

Максим стиснул зубы. Сильный по натуре, он отлично понимал, что если будет оправдываться и дальше, то лишь усугубит ситуацию.

Меж тем имеющий огромный опыт в проведении допросов Казарян прекрасно знал, что чувствует Власов.

– Успокойтесь. Благодаря этому звонку многое встало на свои места. Неподалеку отсюда в машине сидит мужчина. И у этой машины очень интересный номерной знак.

– И по номеру вы определили владельца?

– К сожалению, нет. В Армении номерной знак с нулем и двойкой на конце очень любят полицейские, дабы издалека показывать свою принадлежность к органам. А номерной знак автомобиля, находящегося, как говорится, на шухере, именно такой: ноль два. Это говорит о том, что в машине кто-то из нашего ведомства.

– А если это кто-то просто одолжил машину у полицейского? Скажем, близкий друг или родственник.

– Маловероятно. Карен сказал, автомобиль марки «лексус», последняя модель. Стоимость машины от ста тысяч долларов. Не думаю, что такую машину можно одолжить.

– Так по номеру же легко определить, кто является собственником, разве нет?

– Это не просто и не быстро. Полицейский на свою зарплату такую дорогую машину купить не состоянии. А если покупает, то сразу показывает свою коррумпированность. Поэтому дорогие машины, квартиры и разные ценности, как правило, оформляют на жену, мать или какого-то близкого родственника.

– Но ведь фамилия у мужа и жены одна и та же...

– У нас не особо принято брать фамилию мужа после заключения брака. Если такое и происходит, то это большая редкость. Узнать, конечно, узнаем, но позже, сейчас у нас нет времени.

Казарян поднял бинокль и вновь изучающе стал всматриваться в темноту, обдумывая, кто может находиться в припаркованном неподалеку внедорожнике. Вместе с этим он сделал вывод, что, если Власов был бы связан с преступниками, то обязательно каким-то образом постарался остановить человека, спускающегося в ущелье, да и внедорожник не стоял бы неподалеку. Для Казаряна эти аргументы были более чем убедительны. У него словно камень с души упал. Он почувствовал облегчение и даже радость, лишней раз подтвердив выведенную им самим закономерность: «Первое впечатление, составленное о человеке при встрече, самое точное. Потом впечатления колеблются, становятся то лучше, то хуже, но впоследствии возвращаются к исходной точке, к составленным при первой встрече». А Власов при первой встрече Казаряну понравился.

Буквально через пару минут Казарян повернулся к Власову.

– Вы меня простите, Максим Александрович, мои подозрения относительно вас были беспочвенны.

55.

Максим довольно быстро успокоился, и его мысли вновь вернулись к каменной плите и тому, почему же полковник не ответил на вопрос о надписи. Он постарался вспомнить слово, выбитое на плите. Однако в голове назойливо вертелось только похожее, но явно не то слово – «богорай».

«Стоп, – вспомнил Максим. – Анаит говорила, что это название одной из столиц Армении».

Он достал из кармана смартфон, вошел в интернет и в поисковике набрал: «столицы Армении». Быстро нашел название восьмой столицы – Багаран. Горя желанием как можно больше узнать об этом городе, Максим набрал в поисковике «Багаран».

«Багаран, дословно – «обиталище богов». Багаран был построен последним представителем Ервандуни – Ервандом (Оронтом) IV в конце III века до н. э. В Багаран из Армавира были перенесены жертвенники языческих богов древнеармянского пантеона. Ерванд назначил своего брата Ерваза главным жрецом нового храма в Багаране, после чего последний стал крупнейшим религиозным и культурным центром Ервандийской Армении и местом погребения верховных жрецов. Во времена Арташесидов изображения языческих богов из Багарана были перевезены в новую столицу – Арташат. Однако Багаран оставался крупнейшим и важным религиозным центром вплоть до принятия христи-

анства в качестве государственной религии в 301 году, после чего город пришел в упадок. С этого момента вплоть до IX века Багаран мало упоминался в источниках».

Волна мурашек пробежала по всему телу Максима. Он откинулся на сиденье, положил смартфон обратно в карман и глубоко вздохнул. Мысли обрели стройность, в голове пульсировало: «Багаран – обитель богов».

– Нашли что-нибудь интересное? – прервал его размышления Казарян.

– Мне казалось, вы наблюдаете за машиной...

– Наблюдал, но вы так увлеченно искали и читали, что не заметили моего взгляда, – улыбнулся полковник.

– Помните, я вам задал вопрос?

– Знаю ли я арамейский язык?

– Да.

– К сожалению, нет, не знаю.

– Но точно знаете, что было выбито на каменной плите, – Максим на волне воодушевления пошел ва-банк.

– Да. Это название одной из древних столиц Армении.

– Получается, когда днем мы показывали вам снимок каменной плиты, вы его уже видели и все отлично знали.

– Не буду врать, знал.

– А вы знаете, что Багаран был не только одной из столиц, его построили специально, и свое название получил не просто так. «Багаран» означает «обитель богов».

– Ну, это информация из «Википедии», и что с того? – ироничная улыбка не сходила с уст полковника.

– Неужели вы не уловили связь? – Максим даже развернулся к Казаряну.

– А что надо было уловить? – Полковник свел брови и пристально посмотрел в глаза Максима.

– Те статуи на снимках!

– Ну, статуи... И что?

– Как что?! В пещере вовсе не сокровища Ганнибала, а статуи богов древнеармянского пантеона! Каменная плита с надписью «обитель богов» прямо указывает на это! Я так понимаю, во время принятия христианства как государственной религии не все армяне радушно встретили это событие. Естественно, немало людей продолжало придерживаться старой языческой веры. Для сохранности они спрятали пантеон древнеармянских богов здесь, в пещере. Мне кажется, не случайно именно здесь, над пещерами, в Гарни был сохранен единственный языческий храм на территории Армении.

Казарян смотрел на увлеченно говорящего Власова с восхищенной улыбкой, и его глаза говорили о безмерном уважении к собеседнику.

– У вас восхитительное логическое мышление, – признал он.

– Скажу больше, – Власов улыбнулся в ответ, – а ведь вы знали, что в пещере далеко не сокровища Ганнибала. Так почему...

– Можно я пока не стану отвечать на ваш вопрос? – прервал Максима полковник.

– Понимаю. Преступник находится в пещере, он еще не пойман, и отвечать на некоторые вопросы преждевременно.

– Именно так.

Несколько минут они молча пили чай.

– Ашот, вы меня простите, – прервал молчание Максим, – но я не могу понять, на каком основании

у итальянского профессора появились предположения, что в пещере находятся сокровища Ганнибала? Прошло больше двух тысячелетий, и вдруг о великом стратеге, возведшем город для армянского царя, вспоминают в ключе «где-то здесь его тайное хранилище». Вы не исключаете возможность того, что основная цель — пантеон древнеармянских богов, а сокровища Ганнибала — всего лишь наживка для простаков?

— Представьте себе, о возможности такого варианта я тоже рассуждал.

Казарян замолчал. Он хотел сообщить Максиму что-то очень важное, но никак не мог решиться. Полковник покусывал нижнюю губу, размышляя, что и как сказать.

Ситуацию вновь разрядил телефонный звонок.

— Да, — бросил в трубку Казарян. — Посмотрел? Там... что? Какой еще шкаф?.. Сфотографируй и пришли мне.

Приложив к подбородку телефон, Казарян задумался. Через минуту аппарат дважды глухо прожужжал, и полковник увидел на экране изображение большого полированного шкафа с двумя дверцами, расположенными друг над другом. Не найдя этому логического объяснения, Казарян обратился к Максиму:

— Как вы думаете, зачем в машине шкаф?

— Можно посмотреть? — Власов протянул руку.

— Пожалуйста.

— Действительно, шкаф, — Максим повернул смартфон и увеличил изображение. — Слушайте, а ведь это так называемый американский гроб.

— Американский гроб? — повторил Казарян.

— Да, только в этих гробах крышка поделена на две части.

— Разрешите, — полковник забрал у Максима телефон, — и правда — гроб... Все из-за ракурса. А вы молодец, разглядели и в очередной раз помогли.

Отложив телефон, Казарян хлопнул в ладоши и потер их.

— Может, еще чаю? — радостным голосом предложил он.

— С огромным удовольствием. Я так понимаю, за эти хорошие новости надо поднять бокалы, но обойдемся чаем.

— Если вы хотите коньяку, — Казарян не сразу уловил юмор Максима, — можем организовать.

— Да нет, что вы, я просто пошутил.

— А-а, ну да, — Казарян никак не мог перестать думать о гробе в машине. — Максим, простите, вы налейте себе чай, а мне надо срочно сделать один звонок.

— Карен, звони своим друзьям в аэропорт, — полковник говорил медленно, взвешивая каждое слово. — Узнай, когда прибывает самолет из Рима и во сколько по расписанию вылет.

Казарян положил телефон возле коробки передач, взял бинокль и посмотрел в сторону ущелья.

Максим очень хотел продолжить разговор, но отвернувшийся Казарян всем своим видом выказывал нежелание беседовать. Власов оставалось молча, маленькими глотками пить горячий чай и размышлять о пантеоне древнеармянских богов.

56.

Также незаметно, как в первый раз, возле открытого окна водительской двери автомашины нарисовался знакомый мужской силуэт.

– Садись, – бросил, продолжая смотреть в бинокль, Казарян.

Мужчина открыл заднюю дверь и сел.

– По-моему, вы знакомы, – полковник опустил бинокль и повернулся к Максиму.

Власов повернулся: в темноте, как в тумане, проявился лишь расплывчатый контур лица, но черты разглядеть было невозможно.

– Это капитан Карен Симонян. Помните, он позавчера в ущелье составлял протокол?

– Да, помню, но в темноте, извините, я вас не узнал. Доброй ночи, – любезно поздоровался Максим.

– Налей себе чаю, – полковник передал термос Симоняну. – Там в сумке есть стаканы, возьми. Ну что, позвонил? Узнал?

– Так точно, – на русском языке ответил капитан, наливая себе чай. – Из Рима в Ереван сейчас летят два самолета. Первый – рейсовый «Эйрбас 320» вылетел по расписанию в ноль часов, по нашему времени в два часа ночи. Ориентировочное время посадки – шесть утра. Следом за ним по тому же коридору вылетел второй самолет, приземлится через полчаса после первого.

– Интересно, – задумался Казарян. – Что по второму самолету?

– Это небольшой частный «Бомбардир челленджер». По прибытии в аэропорт запланирован обратный вылет в восемь часов утра.

– А вылет рейсового?

– В восемь тридцать.

– Еще интереснее, – повторил Казарян.

Он повернулся к Симоняну.

– Чай выпил? Еще хочешь?

– Нет, спасибо.

– Тогда твоя очередь присматривать, – Казарян, подтрунивая, протянул коллеге бинокль.

Затем полковник повернулся к Максиму: ход его мыслей определенно нравился Казаряну, и он решил этим воспользоваться.

– Как вы думаете, – покусывая губу, обратился полковник к Максиму, – для чего в машине гроб?

– Понятия не имею, – Максим пожал плечами. – Если для того, чтобы увезти статуи, так это нереально.

– Ну а если в пещере все-таки сокровища Ганнибала?

– Тогда получается, гроб используется для транспортировки.

– Правильно. Я же вам говорил, сегодня утром в Италию отправляют тело профессора Мандзони.

– Вы хотите сказать, что его гроб хотят использовать как контейнер?

– Да. Идея о сокровищах Ганнибала, скрытых в Армении, принадлежала профессору Мандзони. Думаю, он у себя на родине с кем-то поделился. И этот кто-то послал своего человека, чтобы тот скрыл от общественности находку и переправил сокровища в Италию.

– И этот человек – Андрей?!

– Да, его зовут Андрей, – согласно кивнул Казарян.

Со стороны ущелья донесся еле слышный хлопок. Казарян посмотрел на часы: половина четвертого утра.

– Он появился, – буркнул сзади капитан Симонян.

– Дай-ка мне, – Казарян протянул руку за биноклем.

– Прекрасно! Раз, два, три. Три большие сумки и рюкзак. Он перекладывает на тачку. У нас все по-

лучилось! – В последних словах полковника слышалась неприкрытая радость. – Хотите посмотреть? – повернулся он к Максиму. – Хотя с вашего места это не очень-то удобно. Давайте выйдем, только дверь не хлопайте.

Они вышли из машины в сплошную темноту. Максим поднял голову в поисках луны, но небосвод был абсолютно черным, лишь изредка тускло поблескивали звезды.

«Либо горы закрывают луну, либо облачно», – подумал Максим.

Только сейчас он заметил, что машина стояла в укрытии – в высоких кустарниках, удачно маскирующих ее местонахождение. Казарян протянул Максиму бинокль, и тот с интересом стал всматриваться в темноту. Заметив тяжело ступающего мужчину, Максим удивился: это был явно не Андрей.

– Ашот, а где же Андрей?

Казарян стоял молча, словно не слышал вопроса Максима.

– Это Андрей, Андрей, – закивал стоящий рядом Симонян.

– Нет! Похож, но не он, – замотал головой недоумевающий Максим.

– Андрей Романов, о котором вы говорите, спит в больнице. У него не только ушибы и ссадины, как думали, а перелом ребер. А этот человек тоже Андрей, – улыбнулся полковник. – Точнее, Эндрю. Вы же знаете, библейские имена в разных вариациях в ходу у всех христиан. Андриано, Андре, Анжей, Андреас, Эндрю, тот же самый Андрей. Вы согласны?

– А кто он?

– Его фамилия Скварчалупи. Он приехал следом за Мандзони якобы помогать ему и заодно снимать

о нем фильм. Находился вместе с археологами в рухнувшей люльке. Подрезал канат с одной стороны и уцепился за другой конец, убедив многих, что остался жив чисто случайно.

– Так это он висел на канатах?

– Да, он. Кстати, он же убил сотрудника Матенадарана. Его опознали по маленькому шраму на правой щеке.

– Ашот, я не понимаю, а что он несет в этих сумках? Неужели в пещере все-таки были сокровища Ганнибала?

В темноте послышалось хихиканье Симоняна. Максиму стало не по себе. Он не понимал, почему его вопрос вызвал у капитана приступ веселья.

– Можно бинокль? – протянул руку Карен.

– Да, пожалуйста.

– Видите ли, Максим, – принялся объяснять Казарян, – мне очень хочется рассказать вам, что и как. Но в то же время не хочется торопить события. Поэтому простите, но некоторое время мы с Кареном будем просто радоваться.

– Радоваться?

– Да.

– Значит, все идет по вашему плану?

– В принципе, да, но появилась пара вводных, на которые надо обратить внимание.

– Он уже все перетасил в машину, но стоит на месте, – Симонян удивленно приподнял брови. – Что он там делает?

– Укладывает в гроб сокровища Ганнибала, – подсказал Максим.

– По всей видимости, вы правы. Не волнуйся, он скоро поедет, – добавил Казарян.

– Нам не надо за ним? – опустив бинокль, спросил у полковника капитан.

– Они должны подготовить груз к авиаперелету, – Казарян словно не слышал вопрос капитана.

– Цинковый гроб, – догадался Симонян.

– Простите, неужели вы его не арестуете? – вмешался Максим.

– Как ни парадоксально это звучит, но нет.

– А зачем тогда нужна была эта ночная слежка?

– Я позже вам все объясню. Обещаю.

В темноте, там, где проходила автомобильная дорога, возникли и стали приближаться яркие фары. Симонян рывком поднял к глазам бинокль.

– Это тот внедорожник, о котором я вам докладывал!

– Ага, отлично, сейчас и наш минивэн тронется. Давай за ними, проследи, куда поедут, и позвони мне.

Внедорожник остановился, мигнул фарами минивэну. Микроавтобус тотчас завелся и начал движение. Как только он выехал на трассу, внедорожник двинулся следом за ним.

Казарян вернулся к машине, открыл дверь и взял мобильный телефон.

– Алло, уже можно включить. И выйди к нам, пожалуйста.

Откуда-то сверху хлынул яркий свет и озарил все вокруг.

Максим огляделся. Позади узкой площадки, где стояли Власов и Казарян, возвышалась двухметровая стена, сложенная из крупных блоков коричневатого-желтого пористого камня – туфа. За ней уходили в темное небо стройные тополя. Взгляд Максима остановился на воротах с калиткой. Он их не только уже видел, он сюда заходил и перепутать не мог.

– Это же...

Калитка отворилась. Спокойной размеренной походкой к ним подошел хозяин дома – Вардгес.

– Максим Александрович, неужели это вы? – Вардгес не ожидал увидеть московского гостя.

– Доброй ночи, – Максим сделал шаг навстречу.

Они пожали друг другу руки.

– Все мог предположить, но что вы здесь, ну никак, – проговорил с обаятельной улыбкой Вардгес. – Как вы тут оказались?

– Отец, это я его пригласил, – вставил Казарян.

– Отец?! – Максим от неожиданности поднял брови.

Он вспомнил встречу в ущелье, когда Казарян, повернувшись к Вардгесу, сказал: «Пойдем». Тогда ему показались подозрительными тон и фамильярное обращение, и он предположил, что эти двое уже общались или давно знают друг друга. Возможно, если бы он понаблюдал повнимательнее, смог бы заметить некоторое сходство отца и сына.

– Да, Ашот – мой сын. А вы не знали?

– Даже представить не мог, – улыбнулся Власов.

Тем временем Ашот Казарян открыл капот автомобиля и подключил аккумулятор.

– Отец, мне надо ненадолго отъехать. Максима Александровича оставляю на твое попечение. Ты знаешь, ведь именно благодаря ему нам удалось осуществить наш ночной план. И я тебя очень прошу, хотя мой разум говорит, что я поступаю, возможно, неправильно, но всем сердцем прошу тебя, покажи Максиму Александровичу подzemелье.

Лицо Вардгеса мгновенно потемнело. Просьба сына ему явно не понравилась, и в прищуренных глазах загорелось недовольство.

– Во-первых, – продолжал Казарян, – в знак благодарности. А во-вторых, проделав уникальный ло-

гический анализ, он предполагает, что в пещере находится пантеон древних армянских богов и название ему – Багаран. Покажи, пожалуйста. У тебя это получится гораздо лучше. А я отъеду ненадолго, часа на полтора-два. И потом, – Ашот обратился к Максиму, – я отвезу вас в аэропорт.

57.

В подвале дома Вардгеса стоял огромный шкаф с полками. На глазах изумленного Максима он сдвинулся с места, открывая потайную дверь, словно в каком-то приключенческом фильме.

– Пожалуйста, – буркнул Вардгес и протянул Максиму фонарь. – Это вам.

Они шагнули в потайной проем. Буквально через несколько шагов начались крутые, ведущие вниз ступени. То там, то здесь на поверхности стен выступали различные окаменелости, словно пытались вырваться из толщи своего доисторического прошлого. С каждым шагом Максим ощущал усиливающуюся прохладу, а вскоре заметил, как изо рта у него вырываются облачки пара.

Власов подумал: на сколько же метров они спустились, что стало так холодно? Он прикинул, что высота одной ступеньки сантиметров сорок, умножил на примерное количество. Получилось около девяти-десяти метров.

Вдруг Максиму показалось, что следом спускается кто-то еще, и он даже вздрогнул от волнения. После того как Ашот с Кареном уехали, Вардгес, прежде исполненный добродушия, стал хмурым, недовольным. Максима пугало недружелюбное выражение лица проводника. Им стал ов-

ладевать страх. А вдруг он останется в подземелье навсегда, и никто никогда его не найдет? Максим остановился. Шаги позади стихли. Он спустился на пару ступенек, и звук донесся снова. Он остановился, повернулся и резко направил луч фонаря вверх. Никого. Стараясь перебороть страх, Максим вытер ладонью выступивший на лбу пот и осторожно опустил ногу на следующую ступеньку. Тишина. Еще один бесшумный шаг. Ничего. Немного успокоившись, Максим стал спускаться в обычном темпе, и тут же позади раздались чьи-то шаги. Максим остановился и пару раз ткнул носком ботинка каменную стену. Сверху донесся идентичный звук. Власов усмехнулся. Эхо! Обычное эхо от его шагов создавало эффект, будто кто-то идет следом. Раздумывая, как легко в темных катакомбах испугаться совершенно обыкновенных вещей, он не заметил, как шагнул с последней ступеньки на ровную каменную площадку.

– Не страшно? – Вардгес повернулся к Максиму.

– Нет, – спокойно ответил Власов, – хотя похоже на западню.

– Ашот сказал, вы считаете, что здесь, в пещере, находится пантеон армянских богов. Откуда у вас такие мысли?

– Из-за снимков в телефоне разбившегося археолога.

– А как он у вас оказался? – подозрительно спросил Вардгес.

– По чистой случайности. Помните, когда археологи упали, я подбежал к молодому парню? Рядом в траве лежал телефон. Мне показалось, что это мой, выпал из кармана. Он точь-в-точь как мой, понимаете? Ну, я его поднял и положил в карман.

– И вы не заметили, что у вас два телефона? – Вардгес задавал вопросы так, словно следователем был он, а не его сын.

– Нет, представьте себе, только в гостинице обнаружил.

– И что за фотографии были в телефоне?

– Каменная плита с надписью: «Багаран» и еле заметные силуэты статуй.

– Вы знаете арамейский?

Максима стало раздражать обилие вопросов. Он хотел ответить резко, что Ашот Казарян, вообще-то, в курсе дела и сам потом все расскажет, однако тут же сообразил: то, что хранится в этой пещере, находится под бдительной защитой Вардгеса, и он просто обязан не впускать посторонних. Эта мысль успокоила Максима, и он спокойно сказал:

– Нет. Нам помог один специалист из Матенадрана.

– «Нам»? С вами еще кто-то был?

– Анаит.

– Аветисян?

Лицо Вардгеса прояснилось: к Анаит Аветисян он явно испытывал большую симпатию и уважение.

– Она тоже в курсе, что находится в пещере?

– Нет. Это я недавно догадался, когда сидел с вашим сыном в машине.

– Интересно. А как вы догадались? – Вардгес даже слегка улыбнулся.

– Очень просто. В интернете я прочел, что «Багаран» дословно означает «обитель богов», и город был возведен как пантеон языческих древнеармянских богов. Но с триста первого года, после принятия Арменией христианства, город пришел в упадок. Принятие христианства в Армении явилось истинной революцией, уничтожалось все старое, язычество искоре-

нялось. Конечно же, были люди, которые не приняли христианство и делали все возможное, чтобы спасти и сохранить своих богов. Таким образом, фотографии каменной плиты с надписью: «Багаран» плюс таинственные силуэты натолкнули меня на мысль, что в пещере укрыт пантеон древнеармянских богов.

Лицо Вардгеса окончательно смягчилось, стало таким же доброжелательным, как в первую их встречу.

– Человек, ищущий разум, всегда найдет путь к душе и сердцу, – Вардгес пристально посмотрел в глаза Максима. – Вы мне с первой минуты понравились. Вы мудрый и хороший человек. Наверное, так было угодно Богу, чтобы вы вошли сюда. Вы правы, здесь, в этом подземелье, уже на протяжении более семнадцати веков хранится пантеон армянских богов. Действительно, во время становления в Армении христианства как государственной религии старая вера и все, что с ней было связано, варварски уничтожалось. Для многих армян это стало трагедией. Мои предки и еще несколько семей, невзирая на смертельную угрозу, вывезли из Багарана весь пантеон и спрятали его в здешних пещерах. На протяжении многих веков из поколения в поколение передавалась не только тайна золотых статуй армянских богов, но и забота об их сохранности. Конечно, теперь количество посвященных людей и семей существенно сократилось...

Вардгес подошел к стене, вынул один камень, просунул в появившуюся нишу руку. Через мгновение часть правой стены начала сдвигаться.

Из открывшегося темного прохода подул сырой воздух.

– Вы первый и единственный человек за тысячу семьсот лет, спустившийся в подземелье как гость,

а точнее, как экскурсант. Я уверен в вашей порядочности и в том, что вы и сами все понимаете, но тем не менее прошу забыть обо всем этом, как только мы вернемся наверх. Нигде, никогда и ни с кем вы не должны говорить об увиденном.

— Я все прекрасно понимаю, хотя у меня возникла пара вопросов.

— Обязательно отвечу, но сначала давайте войдем...

И Вардгес шагнул в проход, прогоняя тьму мощным светодиодным фонарем. Все было видно, как днем, и Максим даже подумал, зачем ему дали фонарь.

Они прошли не более десяти метров, как перед ними выросла сплошная стена. Только подойдя ближе, Максим разглядел вход в еще один тесный тоннель с низким потолком. Вардгес согнулся чуть ли не вдвое и пошел дальше, а вот высокому Власову пришлось и вовсе встать на четвереньки. Проход, казалось, тянулся бесконечно, однако вскоре начался небольшой спуск, и тоннель расширился.

— Здесь уже можно встать, — заметил Вардгес.

Выпрямившись, Максим направил луч своего фонаря на стены и потолок, отметив их ширину и высоту. По сравнению с узким тоннелем пещера казалась огромным залом с боковыми ответвлениями, разбегавшимися в разных направлениях. Своды подпирали ряды колонн, сложенных из скальных обломков, отчего создавалось впечатление странного каменного сада.

— Вот в этих нишах, — Вардгес направил луч своего фонаря в темноту, — и находятся статуи армянских богов, или, как их раньше называли, дицов.

Уже не первый раз Вардгес произносил именно «армянских», а не «древнеармянских», словно под-

черкивая: боги пантеона не умерли, они существуют и поныне.

Они подошли ближе к одной из каменных ниш.

— Первоначальным объектом поклонения у армян являлась некая непостижимая Высшая Сила, Разум, они его называли Ар, — тихо рассказывал Вардгес. — Видимым воплощением Ара считалось Солнце, что на армянском звучит как «арев». Древние армяне поклонялись солнцу и часто называли себя «ареворди», то есть «чада Солнца». До сих пор очень часто армяне используют вместо слова «клянусь» — «им арев», дословно — «мое солнце».

Вардгес направил луч фонаря в нишу. В глубине ее висел огромный золотой диск, и свет, отразившись от него, залил все вокруг так, что Максиму показалось, будто к стене прикреплен маленький осколок самого солнца.

— Перед вами знак вечности и возрождения, олицетворяющий солнце, разновидность креста. Вписанная в круг свастика подчеркивает момент движения, его замкнутый цикл бытия: жизнь — смерть — возрождение.

— Свастика, — тихо повторил Максим.

— А вы знаете, что означает слово «свастика»?

— Солнце? — предположил Власов.

— Это слово происходит от двух санскритских корней: «су» — «добро, благо» и «асти» — «жизнь, существование», то есть все вместе — «благосостояние» или «благополучие».

Вардгес прошел дальше и направил луч фонаря в следующую нишу. Она оказалась большой, вдоль ее стен молчаливо и грозно высились статуи. И вновь, как только луч фонаря упал в нишу, она вся засияла золотым, отчего статуи стали невообразимо величественнее.

– Боги во все времена были, есть и будут. Раньше был верховный бог, то есть бог солнца, остальные боги – воды, ветра, плодородия, войны и прочие – были подобны апостолам в христианской религии. Вот Гисанэ, – Вардгес указал на статую с длинными волосами. – Умиравший и воскресающий бог животворящей природы. Рядом Аманор – божество, олицетворяющее новый год, приносящее первые плоды, поскольку по древнеармянскому календарю год начинался в августе. А вот эта, Астхик, в переводе «Звездочка», – богиня любви и красоты, покровительница девушек и беременных женщин. Следующая, Цовинар, – богиня воды, моря и дождя.

Водя лучом фонаря по статуям, Максим еле удерживал накатившую дрожь. Отовсюду грозно смотрели древнеармянские божества, словно осуждая его, осмелившегося потревожить их вечный покой.

Но вот Вардгес повел его дальше. Во всех нишах стояли или восседали на тронах золотые боги в высоких и низких конусообразных головных уборах.

– Тир – бог письменности, мудрости, знаний, защитник наук и искусств. Ваагн – бог войны, охоты, огня и молнии. Мгер – бог Солнца, небесного света и справедливости... – с большим почтением пояснял Вардгес.

«Как много золота, какое богатство», – повторял Максим, потрясенный увиденным.

Наконец, они прошли мимо всех находящихся в подземелье статуй. Максим, с трепетом ожидавший, когда же увидит богиню Анаит, растерянно обернулся к своему экскурсоводу:

– Вардгес, а почему здесь нет богини Анаит?

– Помните, я вам рассказывал о землетрясении, произошедшем в тысяча шестьсот семьдесят девятом году?

– Да, и, насколько я помню, эпицентр находился именно здесь, в Гарни, – легко вспомнил Максим, и его настроение мгновенно испортилось: должно быть, статуя богини Анаит была уничтожена во время этого землетрясения.

– Совершенно верно. Тогда многие пещеры и проходы были завалены. Не обошлось без проблем и здесь. Богиня Анаит и верховный бог армянского пантеона, создатель неба и земли, бог плодородия, отец богов – Арамазд...

– Оказались под завалами, – грустно предположил Власов.

– К счастью, нет. Они находятся там, – Вардгес направил луч фонаря куда-то вправо. – Наши предки смогли расчистить завал и сделать небольшой проход. Собственно говоря, это даже не проход, а расщелина. Путь довольно неудобный, однако, если есть желание...

– Еще бы! – перебил Вардгеса обрадованный Максим, – в нашу первую встречу вы так интересно рассказывали о богине Анаит, что...

– Ну, тогда следуйте за мной, – дружелюбно улыбнулся Вардгес.

58.

Казарян ломал голову над двумя вопросами. Во-первых, гроб будет отправлен в Италию с телом профессора Мандзони или без? Во-вторых, кто из его коллег помогает убийце? Полковник перебрал в уме всех, кто теоретически мог быть собственником дорогого внедорожника. В конце концов он остановился на одной фамилии. Именно этот полицейский вполне мог быть за рулем внедорожника –

Казарян давно приметил двуличие и невероятный карьеризм этого человека. В памяти всплыли несколько неприглядных случаев, однако понимая, что сейчас думать об этих моментах бессмысленно, Казарян постарался сосредоточиться на вопросе, который волновал его на данный момент больше всего.

«По идее, из морга гроб с телом должны вывезти в аэропорт с остановкой в мастерской, где запаяют гроб в цинковый контейнер. Заменить гроб или переложить сокровища сразу в контейнер, думаю, в морге нереально. Да и поздно, времени мало – вылет через три часа. Получается, единственное место, где можно будет это сделать, – мастерская. Все цинковые контейнеры однотипны и похожи друг на друга, так что при большом желании их легко можно поменять местами. К сожалению, я пока не знаю, кто из моих коллег помогает этому Эндрю, иначе я бы попытался просчитать ход его мыслей и действий... А что этот Эндрю Скварчалуپی? Хладнокровный убийца, быстро принимающий решения, в высшей степени наглый и дерзкий. Для него главное – конечный результат. На сегодняшний день этот результат – доставка так называемых сокровищ Ганнибала заказчику, хозяину. Поэтому не исключено, что тела профессора Мандзони в гробу просто не будет... Допустим. В этом случае могут возникнуть серьезные проблемы. Во-первых, оставшееся здесь тело профессора, которое надо спрятать, а потом тайно где-то захоронить. Учитывая наглость и дерзость поступков Эндрю Скварчалуپی, думаю, ему абсолютно все равно, что будет с телом. Но это наверняка небезразлично для моего коллеги, которого я пока не знаю. Для него труп – серьезная улика. Во-вторых, наверняка у Мандзони есть родные, родственники, друзья, коллеги, которые однозначно за-

хотят открыть гроб, чтобы увидеть профессора в последний раз и достойно попрощаться. Даже трудно представить, какая поднимется шумиха, когда тела не обнаружатся!

Так, господин полковник, неужели только два возможных варианта? Нет, может быть и третий. Ведь тот тип из ущелья шел с тремя сумками-баулами и рюкзаком. А гроб в минивэне не просто большой и глубокий, а огромный. По большому счету, есть возможность положить вынесенные из ущелья сокровища в гроб под тело профессора. В этом случае, как говорят, и овцы целы, и волки сыты, но гроб станет существенно тяжелее и может вызвать подозрение...»

Возле переключателя коробки передач зажужжал телефон. До этого Симонян уже звонил и сообщал, в каком направлении он преследовал минивэн с внедорожником.

– Не расслышал, где? Ага. Я рядом, через пару минут подъеду. Продолжай следить.

Подъезжая к условленному месту, Казарян сбросил скорость, глядя по сторонам в поисках удобной и незаметной парковки. В переулке, куда он заехал, не было освещения, поэтому пришлось здорово напрячь зрение. Наконец он заметил пустое место между двумя автомобилями, припарковался и посмотрел на часы. Было без двадцати минут пять. До восхода солнца оставалось около часа. Это обстоятельство играло Казаряну на руку. Устроившись поудобнее, он принялся внимательно всматриваться в темноту.

Единственный тусклый фонарь находился метрах в тридцати-сорока, возле ворот. Казарян занервничал, потому как в темноте толком ничего не мог увидеть. Вспомнив про прибор ночного видения, он,

вооружившись оптикой, стал осматриваться. Единственным, что привлекло его внимание, был темный внедорожник, стоящий на площадке возле ворот. Казарян попытался рассмотреть номерной знак автомобиля, но тщетно. Тем не менее ему казалось, что это именно тот самый внедорожник, с номером, заканчивающимся на ноль два.

Вдруг ворота открылись, и вскоре оттуда выехал минивэн, припарковавшись рядом с внедорожником. Водитель микроавтобуса вышел из машины и забросил на плечо небольшую сумку. Казарян напрягся, буквально вдавив окуляры в глаза, но и без того он легко узнал в водителе Эндрю Скварчалупи. Тот, дистанционным пультом закрыв минивэн, подошел к внедорожнику, открыл заднюю дверь и сел в машину. Не прошло и минуты, как Эндрю Скварчалупи вышел из машины все с той же сумкой на плече и быстрым шагом направился к открытым воротам.

– Что это может означать? – пробормотал полковник.

Прошло минут десять. За воротами появился свет от фар невидимого автомобиля, и еще через минуту из открытых ворот медленно стал выезжать длинный черный катафалк. Рядом шли двое мужчин. Яркий свет фар мешал Казаряну разглядеть их лица, но, несмотря на это, в одном из них он сразу узнал все того же Скварчалупи. Второй сначала шел позади Скварчалупи, а когда они оказались возле машины, сразу же сели в нее. Надежда Казаряна узнать коллегу потерпела фиаско.

Раздосадованный полковник от злости бросил бинокль на заднее сиденье. Только подумав, что Симонян где-то рядом и, возможно, с его места удалось разглядеть лицо сообщника, Казарян немного успокоился.

Катафалк медленно выехал из ворот в переулок, за ним последовал внедорожник.

Чтобы его не заметили, Казарян на всякий случай пригнулся к правому сиденью и выпрямился только тогда, когда обе машины удалились на достаточное расстояние. Затем он взял телефон, чтобы позвонить Симоняну, и тут же совсем рядом услышал знакомые мелодичные звуки. Дверь открылась, и в машину сел Карен, доставая телефон.

– А, это вы...

– Рассказывай, где ты находился? Я тебя не заметил.

– Между мусорными контейнерами перед воротами.

– Молодец. А лицо водителя внедорожника разглядел?

– Увы, когда я подъехал, они уже зашли в ворота. А сейчас я спрятался за контейнером и видел этого человека совсем мельком и только в профиль. Но такое ощущение, будто я его где-то встречал...

– Ну ладно, не горюй, все равно узнаем. Я так понимаю, это мастерская, где они запаяли гроб в цинковый контейнер.

– Так точно. На стене у ворот вывеска мастерской. Я прочитал, оказывается, они работают круглосуточно.

– Ага. И катафалк, судя по всему, был наготове.

– Да. Первым сюда заехал внедорожник, за ним минивэн. Водитель внедорожника вышел и сразу двинулся к воротам. Пару минут спустя ворота открылись, и туда заехал минивэн. Минут через десять-пятнадцать минивэн выехал...

– Это все я уже видел. Ты мне вот что скажи: зачем этот Скварчалупи сажился во внедорожник? Он был там от силы минуту. Что ему там понадобилось?

– Не знаю, – неуверенно сказал капитан.
– Ну ладно, говоришь, мастерская работает круглосуточно?
– Так точно!
Казарян помолчал, обдумывая дальнейшие действия.
– Значит так, – наконец заговорил он. – Скоро совершат посадку самолеты из Италии. С рейсовым самолетом вопросов нет. Меня интересует, что представляет собой второй. Он кого-то привезет или прилетел за кем-то?
– Может, за гробом? – предположил Карен.
– Вполне возможно. У тебя там друзья, посмотри, что за самолет. Заодно проследи, как пройдет погрузка гроба. И самое главное, постарайся увидеть водителя внедорожника. Поскольку он тоже полицейский, ты, возможно, его узнаешь. И сразу сообщи мне.
– Есть! А вы?
– А я постараюсь что-нибудь разузнать в мастерской. Потом заверну за Власовым и вместе с ним приеду в аэропорт.

59.

Через узкую и низкую расщелину, следуя за Вардгесом, Максим попал в небольшую пещеру. Ощущался едкий запах гари, пороха и химикатов. Свет мощного фонаря Вардгеса буквально плавал в пространстве, наполненном пылью.

– А почему тут все в пыли и такой странный запах?

Вардгес словно не слышал вопрос Максима. Он молча подошел к одной стене и пристально осмотрел завал из небольших камней.

– Такое ощущение, будто что-то горело... – Максим даже закашлялся.
– Сукин сын! – злобно выплюнул Вардгес.
Поскольку в подzemелье они были вдвоем, то Власов воспринял оскорбление в свой адрес и дернулся:
– Не понял..
– Этот тип взорвал вентиляционное окно!
С одной стороны, Максим успокоился: оскорбление оказалось адресовано не ему. Но, с другой, он не на шутку опасался обвала. Он вспомнил, как Ашот Казарян говорил о целенаправленном взрыве для расширения лаза.
– А стены тут крепкие, нас не засыплет?
– Не беспокойтесь, лучше помогите мне убрать камни, а то дышать нечем.
Отложив фонари, они начали расчищать завал. Отбросив несколько камней, Максим почувствовал, как снаружи потянуло свежим воздухом.
– Еще пару камней и хватит, – сказал Вардгес.
Вскоре дышать стало намного легче, а плотная завеса пыли поредела. Максим поднял фонарь, повернулся и осветил темноту. В двух шагах от него стояла знакомая по фотографии каменная плита. Он подошел поближе и произнес:
– Багаран.
– Вы что-то сказали? – спросил сзади Вардгес.
– С этой каменной плиты все и началось. Багаран – «обитель богов».
Вардгес подошел и встал рядом с Максимом.
– В древней Армении при въезде в город всегда устанавливались пограничные каменные плиты с названием места. Эта плита из города Багаран, когда он был духовным центром Армении. А теперь посмотрите сюда.

Вардгес направил фонарь в сторону трех величественных статуй, слегка поблескивающих золотом сквозь пыльную дымку. В центре на троне восседал бородатый мужчина в головном уборе, закрывающем уши.

– Арамазд, верховное божество, создатель неба и земли, бог плодородия, отец богинь Анаит и Нанэ.

Услышав имя Анаит, Максим моментально направил луч своего фонаря на лицо ближней статуи. Он прекрасно помнил портрет, подаренный Вардгесом, и уникальное сходство двух Анаит. Однако никакого сходства он не находил.

– Это не Анаит, – с улыбкой пояснил Вардгес, словно прочитав мысли Максима. – Это Нанэ, богиня войны, материнства и мудрости, а Анаит справа от Арамазда.

Власов подошел к богине Анаит. Света фонаря вполне хватало, чтобы разглядеть черты лица и еще раз убедиться в уникальной схожести богини Анаит с Анаит Аветисян. Максим положил ладонь на руку богини и почувствовал шершавый слой каменной пыли. Он набрал в грудь воздуха и что есть силы подул на лицо статуи. Золотая богиня Анаит была просто восхитительна.

– Ошеломляющее сходство с Анаит Аветисян, верно? – тихо спросил Вардгес.

– Да... – выдавил из себя завороченный Максим.

Статуя буквально притягивала Максима, наполняя его волшебным образом Анаит.

Максим так бы и стоял, если бы не шорох позади. Он повернулся. Вардгес поднимал огромные глиняные кувшины, лежавшие на боку.

– Давайте я вам помогу, – предложил Максим.

– Спасибо, я сам.

«Этот Андрей, – вдруг подумал Максим, глядя на Вардгеса и кувшины, – а точнее, Эндрю, нес три большие сумки. Еще и рюкзак на спине. Значит, он что-то отсюда взял. – Максим еще раз осветил пещеру, внимательно все осматривая. – Стоп. Кувшины. Вардгес их поднимает. Следовательно, раньше, до прихода Эндрю, они стояли. И что из этого следует? А то, что в сумках-баулах Эндрю унес содержимое этих кувшинов. Однозначно. Но почему Вардгес так спокоен? Неужели не видит, что кувшины пусты? Странно».

Неожиданно Максим обратил внимание на яркий металлический отблеск возле ноги Вардгеса. Он направил туда луч фонаря и увидел золотую монету. Власов шагнул ближе, поднял ее и осмотрел. Монета оказалась легкой и тонкой, с каким-то нечетким изображением на аверсе.

– Вы что-то нашли? – поинтересовался Вардгес.

– Вот, – Максим протянул к нему ладонь. – Старинная монета...

Вардгес без особого интереса посмотрел на находку и усмехнулся. Было видно, что он видит такое не в первый раз.

– Можете взять себе, – с присущей ему обаятельной улыбкой сказал Вардгес.

– Спасибо! А что это за монета?

– Из сокровищ Ганнибала, – Вардгес продолжал улыбаться.

– Как из сокровищ Ганнибала? – удивился Максим.

Вардгес посмотрел на часы. Власов машинально отметил, что у него и Ашота совершенно идентичная манера немного вздергивать левую руку.

– Ашот скоро приедет. Давайте поднимемся наверх и там продолжим наш разговор.

60.

Казарян зашел в мастерскую. Возле входа, наполовину его загораживая, боком стоял деревянный гроб. Как у любого некурящего человека, у полковника было сильное обоняние. Проходя мимо гроба, он почувствовал специфический резкий запах, приостановился и принюхался. Деревянный гроб совершенно не пах деревом, скорее чем-то спиртосодержащим. Закрыв глаза, Казарян медленно втянул носом воздух. Полковник довольно часто заходил в морг за результатами судебной экспертизы, и запах формалина ни с чем бы не перепутал.

«Запах формалина довольно быстро выветривается, – подумал Казарян, – получается, еще недавно в этом гробу лежал труп».

Он прошел дальше. Две стены погруженной во тьму мастерской были заставлены стеллажами; на одном лежали различные инструменты, стояли банки и склянки; на другом громоздились завалы всякой ерунды. Вдоль третьей стены стоял верстак, к которому были прислонены большие листы оцинкованного железа. В центре мастерской располагался металлический стол, на котором производилась пайка.

– Есть тут кто-нибудь? – крикнул Казарян.

– Сейчас, – послышался голос откуда-то из глубины мастерской.

В дальней стене открылась дверь, и появился мужчина средних лет. На нем была рабочая одежда, а руки он тщательно вытирал полотенцем.

– Я вас слушаю.

– Здравствуйте, – кивнул Казарян и внимательно, скорее, даже изучающе взгляделся в лицо мастера.

Короткий нос выдавал оптимизм и дружелюбие. Квадратное лицо говорило о том, что мужчина умеет быстро принимать решения и проявляет упорство и настойчивость в реализации своих планов. А тонкая верхняя губа вкуче со слегка выпяченной нижней свидетельствовали о тщеславии.

Определив характер собеседника, Казарян быстро прикинул сценарий для разговора.

– Здравствуйте, – тем временем ответил мужчина.

– Мне сказали, ваша мастерская чуть ли не единственная в городе работает круглосуточно.

– Да, – равнодушно кивнул мастер.

– Нам необходимо сегодня утром отправить в Москву гроб. Если в течение часа привезем, сможете его быстро запаковать в цинковый?

– Постараюсь, привозите, – так же ровно ответил мужчина, продолжая тщательно вытирать руки.

– А не подскажете, сколько это будет стоить?

– В зависимости от размеров, – мастер подошел к стеллажу, взял лист бумаги и протянул Казаряну. – Вот прайс.

Казарян сделал вид, что внимательно изучает, а сам обдумывал построение дальнейшего разговора.

– Понятно. Мы вчера купили гроб, но он какой-то такой оказался... м-м...

– Неудачный, – подсказал мужчина.

– Да, именно. Я заметил, у вас у входа стоит гроб, значит, мы и нормальный гроб у вас заодно сможем купить?

– Это единственный, который у нас есть, да и он непонятно чей.

– Это как? – удивленно округлил глаза Казарян.

– Клиенту не понравился, привез с собой другой.

– Странно... Хороший, красивый деревянный гроб. – Казарян покачал головой, словно в раздумье. – А может, там есть дефекты?

– Да нет никаких дефектов. Он с виду красивый, а реально дешевенький, обычная фанера и шпон. А клиент отправляет покойника куда-то за границу и решил, что гроб должен быть самый крутой.

– С кондиционером, что ли? – хмыкнул Казарян, рассчитывая развеселить мастера и перейти на более доверительный разговор.

Мужчина, видимо, никогда еще не слышавший такой шутки, от души рассмеялся. Его смех был настолько заразителен, что Казарян и сам заулыбался во весь рот.

– В принципе, – потирая глаза, после паузы начал мастер, – в такой огромный гроб можно положить все что угодно.

– Простите, а как вас зовут?

– Размик.

– Очень приятно, – Казарян протянул руку. – Ашот.

– Хорошая шутка, я обязательно должен запомнить, – Размик все еще улыбался.

– Я не очень просвещенный в этом вопросе и не понимаю, что означает «крутой гроб».

– Из массива хороших, добротных пород дерева. Вы наверняка их видели, это такие большие прямоугольные гробы, больше похожие на шкаф с двумя дверцами.

– Припоминаю, но вживую таких не видел, только в кино. У них еще одна часть открыта бывает, там, где голова, а нижняя закрыта, – Казарян, жестикулируя, разыгрывал из себя простачка. – Небось, дорогие?

– Неразумно дорогие.

– И что, он привез этот крутой гроб и сказал, надо заменить?

– Представляете себе – да. Сегодня ночью из морга доставили гроб с покойником. Я уже начал пасть оцинкованные листы, как мне позвонили и попросили остановить работу, поскольку им гроб не нравится. А новый гроб они скоро привезут. Вот буквально перед вами и уехали.

Вспомнив, как тщательно Размик вытирал руки, полковник заключил, что мастер по натуре должен быть очень брезгливым.

– Неужели вам пришлось перекладывать покойника из одного гроба в другой?

– Понимаете, я хоть и работаю с гробами, но к покойникам так и не привык. В мастерскую же обычно привозят закрытые гробы, и покойников я не вижу.

– Мне кажется, это очень неприятное ощущение...

– Скорее даже ужасное. Хорошо, что мне помogli. Нужный гроб уже подготовлен был, ну, постель там, подушка... Перекладывали клиент с водителем, я один не справился бы, да и гроб оказался очень тяжелым.

– Это, по всей видимости, из-за массива, – понимающе покивал Казарян.

– Естественно. Нас было четверо, и мы с трудом перенесли его в катафалк.

– Ну хорошо, не буду терять времени. Поеду. Мне еще насчет авиабилетов надо решить.

– Да, это серьезный вопрос, – согласился Размик. – Если не успеете на утренний, есть еще дневные рейсы. Я в девять утра поеду домой, но здесь будет мой напарник. Он все сделает не хуже меня.

– Спасибо, Размик-джан, и извини за беспокойство, – Казарян протянул мастеру руку.

– Пожалуйста.

Попрощавшись, довольный Казарян быстрым шагом пошел к своей машине. Теперь он был совершенно спокоен: в гробу лежат не только сокровища Ганнибала, но и тело профессора. К спокойствию примешивалось и чувство радости за покойного Федерико Мандзони. Всемирно известный археолог был достоин почтительного к себе отношения и нормальных похорон у себя на родине, в Италии.

61.

Выйдя из подземелья, Вардгес предложил позавтракать. Пока он что-то стряпал, Максим сидел за столом на кухне и задумчиво вертел в руках найденную в пещере монету. Получалось, что противники принятия христианства укрыли пантеон древнеармянских богов в той же пещере, где за пять веков до этого свои сокровища спрятал Ганнибал. Больше всего Максима удивляло, что эти сокровища сохранились. Целые поколения людей не прикасались к золоту Ганнибала, не использовали его в своих целях. Это было очень странно. Но самым необъяснимым для Максима было то, почему полковник Ашот Казарян позволил вынести из пещеры сокровища Ганнибала. Столько веков его предки сохраняли тайну пещеры, а он ее взял и раскрыл... И тем самым подставил под удар пантеон древнеармянских богов. Ради чего? Ради поимки Эндрю Скварчалуپی и его подручного с поличным? Для Максима все это казалось очень странным и необъяснимым.

Вардгес, расставив на столе тарелки, положив хлеб и сыр, водрузил в центре сковородку с яичницей.

– Ну, давайте позавтракаем.

Максим, все еще находившийся под впечатлением, не чувствовал голода и есть особо не хотел. Тем не менее он отложил монету и взял вилку с ножом. И оказалось, что достаточно было откусить хлеба и попробовать яичницу с помидорами, как тут же проснулся бешеный аппетит.

– Можно вопрос? – жуя, начал Максим.

– Естественно.

– Мне ужасно неловко, но я не могу понять, как можно было столько веков хранить эти богатства: килограммы, а скорее всего, тонны золота. Ведь наверняка немало людей знали о тайне подземелья. Неужели никто за столько времени не попытался отколоть или как-то отрезать от статуй кусок золота? Люди часто бывают склонны к тщеславию и алчности. У вас уникальная тайная организация!

Вардгес усмехнулся.

– Обычно, когда говорят о тайной организации, в воображении у меня рисуется что-то вроде мирового правительства или, как минимум, масонской ложи. Такой размах моим предкам, естественно, был не нужен, ведь каких-либо глобальных задач они перед собой не ставили. Все, кто оберегал тайну армянского пантеона в течение веков, постепенно выработали принципы хранителей, которыми мы живем по сей день. Благодаря этим принципам нам удалось на протяжении семнадцати веков сохранять пантеон. Так что если вам нравится слово «организация», то пусть будет организация.

– Если не секрет, что это за принципы? – глаза Максима горели искренним интересом.

– Все очень просто. Представьте себе четырех мужчин, регулярно сбегающих под разными предлогами от своих жен поиграть, скажем, в преферанс.

А поскольку они играют скрытно, то их тоже можно приравнять к тайной организации. Согласны?

– В общих чертах, да.

– Принципы самые простые. Организации как таковой у хранителей никогда не было, нет и не будет, потому нет и не будет ни названия, ни символики, ни устава. Не было, нет и не будет лидера и вертикальной структуры управления. Не было и нет никаких списков и каких-либо отличительных знаков для хранителей. Наша деятельность всегда выглядит как дружеские отношения частных лиц.

– Странно... Как такие простые принципы могли продержаться столько веков?

– В этом и заключается весь парадокс. На первый взгляд, продуктивная деятельность созданных по этим правилам структур невозможна. Однако подобные организации существуют. Мне самому был интересен этот парадокс, я давно старался изучить и понять деятельность различных тайных обществ. И что я вам хочу сказать, как учит нас история, именно таким организациям удастся пережить все мыслимые и немыслимые исторические катаклизмы. И только члены таких организаций чувствуют себя максимально комфортно.

– Допустим, касательно организации я соглашусь, но всякая организация – это люди, а они всегда разные.

– Совершенно верно. И поэтому наши предки оставили нам несколько принципов, необходимых для подбора новых хранителей. Самое главное – это обязательные дружеские отношения между нами, всеми, кто охраняет пантеон и передает эту честь следующим поколениям. Нужно понимать, что любой человек хочет жить, и жить хорошо. Лучший способ для этого – наличие добрых и отзывчивых дру-

зей. Понятие «дружба» для нас – это как пальцы на руке. Что может сделать один палец? А что кулак? А если рук – две? Это десять пальцев и два кулака! Руки могут искусно сделать все что угодно, их называют «золотыми», а при необходимости, сжав их в кулаки, можно дать отпор любому врагу. Вот так понимаются нами дружеские отношения. Естественно, в дружбе необходимо неукоснительное выполнение взятых на себя обязательств. Человек, не делающий этого, просто гнилая ступенька в лестнице. С ним никаких дел иметь нельзя, и он в принципе ни на что не годен. Также очень важно на первое место ставить личные интересы, на второе – интересы организации и ее членов, а потом уже все остальное. Как это ни странно, человек с сильной и сложной нравственной системой не может быть хорошим другом. Потому что однажды ему обязательно придется выбирать между дружбой и принципами. И тот, кто выбирает принципы, становится предателем. А тот, кто ставит идею выше своего собственного благополучия, является фанатиком со всеми вытекающими психиатрическими последствиями.

– Как тонко подмечено, – не удержался Максим. – Но, к сожалению, люди имеют свойство с годами меняться. Меняются и принципы, и мировоззрение.

– Дорогой Максим, в человеке его основа заложена с молоком матери. Основные принципы не меняются, они лишь скрываются под тем наносным, что необходимо в данный момент. Потрите или поскоблите человека – и вы тут же увидите его истинный окрас.

– Тем не менее я поражаюсь, как вам и вашим предкам удалось сохранять такое богатство и не использовать его.

– Я вам отвечу. Да, мы только бережем и охраняем. Да, можно превратить наш пантеон в современные деньги. Но что с ними делать? Вот в чем вопрос.

– Как что? Это, простите, не просто деньги, а серьезный, крупный капитал. Реальная сила!

– Сила, – Вардгес мягко улыбнулся. – А кому нужна такая сила? Я выскажу банальные истины, вы наверняка их слышали и знаете. Будучи очень состоятельным, человек может купить все что угодно, но не суть. Разве человек, купив еду, может купить аппетит? Или же, купив кровать и одеяло, он сможет купить спокойный сон? Точно так же, купив лекарства, человек не сможет купить здоровье. Он может нанять слуг, но не друзей, женщину, но не любовь, учителей, но не ум, развлечения, но не радость жизни.

– Согласен, – кивнул Максим. – Деньги не главное, но, к сожалению, не всегда. А вот скажите еще, пожалуйста... На протяжении стольких веков пантеон спрятан от посторонних глаз, ваши предки и вы его охраняете. Разве нет желания раскрыть тайну и дать возможность всем увидеть древнеармянские божества?

– Спрятав в пещерах Гарни пантеон армянских богов, мои предки были уверены, что христианство на территории Армении просуществует недолго. Они верили, что именно благодаря армянским богам Армения была великой страной и простиралась на огромной территории между Каспийским, Черным и Средиземным морями. Что благодаря именно этим богам одним из самых успешных царей в мировой истории был Тигран Великий, носивший титул Царь Царей и бросивший вызов величайшей силе своего времени – Римской империи.

У них была вера, что рано или поздно они вынесут своих богов из подземелья и открыто воздадут им почести. Однако время шло, христианская церковь Армении стала могущественнее самого армянского царя...

С появлением ислама Армения погрузилась в постоянные войны. И, самое важное, в войны религиозные. Страна практически на тысячу лет потеряла свою независимость. На мой взгляд, Армения так же, как и Римская империя, после принятия христианства постепенно стала терять и свое могущество, и свои территории.

Во времена потери государственности христианская Церковь взяла на себя руководство страной и сохраняла единство народа. Именно Церковь часто организовывала освободительные войны, налаживала важные дипломатические отношения. Открывала школы и университеты, воспитывала в населении национальное самосознание и патриотический дух. Понятно, что при такой ситуации наши предки не решались вынести наружу пантеон армянских богов.

После образования Армянской Советской Социалистической Республики наши предки решились было открыть тайну спрятанного пантеона, так как надеялись на создание исторического центра. Однако видя, как ломались и уничтожались христианские церкви, побоялись. Они были уверены: атеистическая советская власть в конечном итоге возьмет и переплавит золотые статуи...

– А сейчас, когда совершенно другие времена?

– Очень хочется, ей-богу, очень! Но, к сожалению, время опять-таки еще не пришло. И это решение не мое. Охраняя пантеон, наши предки из поколения в поколение копили мудрость. Они прекрасно по-

нимали, что зарождение новой религии происходит благодаря Спасителям, какими были Христос, Кришна, Заратустра, Мухаммед, Будда...

Эти Спасители оказывали такое воздействие на весь мир, что и сегодня, спустя тысячелетия после того, как они жили среди людей, ощущается их влияние. Их приход всегда был крупнейшим духовным событием. Они появлялись тогда, когда буйствовало зло, во времена глубочайших кризисов. Когда люди чувствовали, что исчерпали все свои ресурсы и дошли до предела возможностей. Когда люди понимали и ощущали, что решить свои проблемы и справиться с окружающими условиями не в их власти. Тогда единственной надеждой для них становился поиск божественного Посредника, который ходатайствовал бы о них перед Богом и принес избавление.

И каждый раз появление Спасителей происходило для того, чтобы в человечестве осуществились крупные революционные перемены, изменения, чтобы открывались новые страницы цивилизации. А самое главное, чтобы была восстановлена истина и люди подошли как можно ближе к Богу и божественному.

Спасители приходили и оставляли после себя изменившийся мир с новыми мировыми религиями.

Таким был Иисус Христос, давший человечеству ключевую ноту последующих двух тысячелетий, воплотивший в себе божественный принцип Любви как истинной природы Бога. После прихода Христа Бог стал известен как любовь небесная, любовь как цель творения, любовь как основной принцип взаимоотношений. Христос открыл людям это божественное качество и акцентировал его, изменив тем самым человеческие цели и ценности, переосмыслив даже само существование человека.

– Тогда скажите, пожалуйста, почему после всего этого истина тем не менее не была восстановлена и люди не особо подошли к Богу и божественному?

– К сожалению, на протяжении многих веков Церковь не способствовала, а скорее препятствовала божественному принципу Любви. Из-за своей фанатической установки превратила все народы в «христиан», а не в последователей Христа, Церковь отошла от любви и любящего понимания в том виде, в каком их воплощал Христос. Отцы Церкви проповедовали пламенного Савла Тарсянина, а не кроткого плотника из Назарета. Может, поэтому многими людьми правит корысть и выгода, а не любовь.

Довольно часто люди стараются, чтобы было лучше, а получается наоборот. Ученые искали способ использовать энергию атома. У них была цель – польза для людей. В итоге энергия атома стала оружием для решения политических задач. Также и Иисус Христос хотел добра для людей, а некоторые используют его имя ради определенных политических задач...

Вардгес огорченно покачал головой, положил в свою тарелку немного яичницы и принялся за трапезу.

При мысли о том, что никто и никогда не увидит эти прекрасные золотые творения человеческих рук, Максима охватила грусть.

– Жалко, если пантеон так и останется в подземелье, и люди никогда его не увидят. Вы говорили, что время еще не пришло. А когда же оно придет?

– Увидят, не волнуйтесь. Не так уж много и осталось. Вдумайтесь только, что творится в мире. Долгая эпоха, связанная с межрелигиозными и межнациональными войнами, тоталитаризмом и духовной стагнацией, бьется в агонии, чувствует близкий ко-

нец. Информационные волны, захлестнувшие людей, существенно изменили и продолжают менять их. Новые технологии перекроили правила игры, сделав их сложнее и опаснее. Сегодня каждый взрослый и ребенок со смартфоном в руках автоматически играют свою независимую роль. Социальные сети, собирая разрозненную, пеструю и часто противоречивую информацию, превращают ее в бурные реки, а слабые ветры вырастают в штормовой вихрь. И это все моментально становится достоянием маленького экрана, лежащего в кармане или сумочке. Ни одно правительство в мире не состоянии приставить к каждому человеку со смартфоном полицейского или запретить ему иметь свое мнение.

Вы не чувствуете, как наступает совершенно другое время? Сегодня мы являемся свидетелями начала великого мирового переустройства. Новые принципы и законы уже проглядывают на Небесных скрижалях. Как я вам уже говорил, всегда, когда буйствует зло и страны находятся в глубочайшем кризисе, когда люди чувствуют конечность своих ресурсов и предел своих возможностей, когда они понимают, что решение их проблем не в их власти, единственной надеждой для них становится Бог, который принесет им избавление. Наука, наша повседневная жизнь подтверждает существование высшего разума. Именно поэтому в последнее время с каждым днем растет количество людей, верящих в Бога. А с верой появляется и любовь к ближнему, и страх перед Божьим судом. И заметьте, никакой разницы нет, исповедует ли человек христианство или ислам, буддизм или иудаизм.

– Бог един для всех, – задумчиво сказал Максим.

– Да, Бог един. И Он дает нам шанс самим прийти к новому мировоззрению и миропорядку, к новой

философии жизни. В будущем человечество ждет унификация, появление нового философского учения, которое объединит все народы под одним и единственным Богом.

Вот тогда и выйдет из заточения пантеон армянских богов. Я уверен, мы стоим на пороге грандиозных духовных перемен, и вы наверняка будете свидетелем и увидите...

Вардгес не успел закончить, как в комнату вошел Ашот и с порога заявил:

– Я, между прочим, тоже бы что-нибудь съел!

– У вас веселое настроение, Ашот, – заметил Максим. – Я так понимаю, этот Эндрю и его сообщник уже пойманы с поличным и арестованы?

– Я все расскажу, но давайте сначала позавтракаем. У нас времени не так много, я должен еще отвезти вас в аэропорт.

62.

Первые несколько минут все ели молча. Вардгес, первым завершив завтрак, встал из-за стола.

– Кофе все будут?

– С удовольствием, – ответил Максим.

Пока Ашот ел, а Вардгес варил кофе, Максим взял со стола золотую монету и смартфон и стал искать в интернете информацию об античных деньгах.

– Это монета очень похожа на золотой денарий, или ауреус, – сказал Максим и зачитал: – «Самая крупная золотая монета Древнего Рима. Она использовалась во внешней торговле и при взаиморасчетах знати. Также ее использовали в качестве награды за боевые заслуги. Весил золотой денарий четыре целых сорок пять сотых грамма, а диаметр

его был двадцать два миллиметра. Сегодня приобрести золотой денарий можно за десять-двенадцать тысяч долларов США. Хотя есть экземпляры, стоимость которых доходит до восемнадцати тысяч долларов».

Вардгес и Ашот с ухмылкой переглянулись.

– Не слабо, – выдохнул Максим и, покрутив в пальцах свою находку, задумчиво предположил: – Цвет ярко-желтый, видимо, из червонного золота, и поэтому такая дорогая...

– Эта монета? – изумился Ашот.

– Ну да.

– Дайте-ка посмотреть, – протянул руку Ашот. – Надо же, как похожа. Просто один в один!

– В смысле – похожа? – удивился Максим. – Видно же невооруженным глазом, червонное золото.

– Это не то что не червонное, это даже не золото. – Ашот положил монету на стол возле руки Максима.

– Не золото? – Максим схватил монету и поднес к самым глазам. – Тогда что?

– Латунь.

– Как латунь?!

– Очень просто, – Ашот широко улыбнулся. – Но да, человеку без опыта работы с металлами очень тяжело их различить.

– Вы хотите сказать, во времена Ганнибала использовали латунные монеты? Это абсурд. Насколько мне помнится, согласно археологическим и историческим сведениям, латунь впервые получили римляне в начале нашей эры в период правления императора Августа. Получали латунь при сплаве меди с цинковой рудой.

– Совершенно верно, – Ашот активно закивал. – Именно во времена правления Августа в Риме ла-

тунь и использовали. Из нее чеканились сестерции и дупондии.

– Тогда каким образом у Ганнибала оказались латунные монеты? А статуи богов что, тоже латунь?!

– Нет. Статуи из чистого золота, – вступил в разговор подошедший с джезвой и кофейными чашками Вардгес.

– Теперь понятно, – немного успокоился Максим. – А то я все думал, как же так получилось, что пантеон укрыли в той же пещере, в которой Ганнибал спрятал свои сокровища, и эти сокровища остались неприкосновенными до сегодняшних дней. Получается, все те, кто охранял сокровищницу, ничего не брали, потому что знали: деньги не золотые! Но все-таки каким образом у Ганнибала оказались латунные монеты?

Вардгес с Ашотом дружно рассмеялись. Максим, недоумевая, смотрел на них круглыми глазами.

– А почему вы смеетесь? Я что-то не то сказал?

– Не смущайтесь. Дело в том, что сокровища Ганнибала в пещере появились не без вашего участия, – весело подмигнул Ашот.

Максим, приподняв брови, переводил взгляд с сына на отца и обратно.

– Он прав, – кивнул Вардгес, обаятельно улыбаясь. – Это с вашей подачи Ашоту пришла в голову интереснейшая идея, а мы воплотили в реальность легенду о сокровищах Ганнибала.

– Простите, но я так и не понял. Может, расскажете толком, в чем дело?

Казарян-младший, характерным движением вскинув руку, взглянул на часы и посерьезнел.

– Время поджигает. Давайте выпьем кофе и поедем, нам же еще в гостиницу заскочить надо. А по дороге я вам все расскажу, – Ашот доверительно

посмотрел на Максима. – Не возражаете против такого плана?

– Хорошо, договорились.

Они быстро выпили по чашке кофе и встали. Подойдя к машине, Вардгес и Максим стали прощаться.

– Спасибо вам, Вардгес! Вы не представляете, как я благодарен судьбе за эту встречу. Вы сказали, что я единственный посетитель древнего пантеона армянских богов, и для меня это великая честь. Тайну увиденного я сохранию. Обещаю.

– Знаете, Максим, судьбу человека определяют звезды. Только Великий Творец распоряжается звездами и судьбой. Догадываются ли люди, что их судьба в вечном движении предопределена самим Богом, что мы все живем по великому плану Творца? Все настолько предопределено, что ни один человек не может изменить свою судьбу, даже будь у него несгибаемая воля. В этом, видимо, заключается уникальный парадокс, что вы оказались в ущелье именно тогда, когда разбились археологи. Именно вы случайно забрали телефон с фотографиями. С Божьей помощью вы узнали, что написано на каменной плите, и догадались о находящемся в пещере пантеоне армянских богов.

– Кстати, – вспомнил Максим. – Вы подарили Анаит бронзовый портрет богини-тезки, а где можно приобрести такой же?

– Так вот кому ты его подарил! – воскликнул Ашот. – Мог бы сразу написать, что Анаит Аветисян!

– Ты же знаешь, рассказы писать по телефону я не люблю.

– В тот день, когда мы познакомились, – принялся рассказывать Ашот Максиму, – я уже соби-

рался уезжать из лагеря археологов, как получил эсэмэску: «Твой портрет Анаит я подарю». Я пишу: «Кому?» Он отвечает: «Кому надо!!!» – с тремя восклицательными знаками. Я ему в ответ: «Ни в коем случае!» А он, оказывается, все-таки подарил. Ну, теперь ясно, кому. – Ашот укоризненно посмотрел на отца. – Сказал бы сразу, я бы не возражал. Как видишь, шила в мешке не утаишь.

Вардгес некоторое время смотрел на Ашота взглядом нашкодившего подростка, а потом широко улыбнулся и сказал:

– Я же знал, что ты не будешь сердиться. Это же Анаит Аветисян!

– Максим, – Казарян-младший повернулся к Влазову, – к сожалению, этот барельеф был в единственном экземпляре. Давным-давно я сделал гипсовый слепок с золотой статуи богини Анаит, отдал его приятелю, а тот отлил бронзовый портрет. Насколько помню, слепок я забирал. Отец, по-моему, он у тебя где-то спрятан.

– У меня ничего не пропадает, – с достоинством заявил Вардгес.

– Мне все равно надо заказать еще портрет богини Анаит, попрошу отлить в двух экземплярах.

– Спасибо большое.

– Но тогда вам придется еще раз приехать в Армению! – рассмеялся довольный Ашот. – И постарайтесь не на два-три дня.

– Постараюсь! – улыбнувшись, пообещал Власов.

На прощание Вардгес по-отцовски обнял Максима и поцеловал его в щеку.

63.

Довольный собой Эндрю поздоровался с пилотом и поднялся на борт небольшого самолета «Бомбардир челленджер», оборудованного специальным багажным отделением, куда уже был помещен гроб с телом покойного профессора Федерико Мандзони и сокровищами Ганнибала. Просторный, комфортный салон с диваном и двумя парными мягкими креслами друг против друга, со столиком посередине, создавал отличные условия для отдыха и работы во время полета. Эндрю мешком рухнул на широкий диван и устало закрыл глаза.

– Желаете что-то выпить? – услышал Эндрю приятный женский голос.

Он тотчас открыл глаза. Рядом с ним, чуть склонившись, стояла сексапильная красавица в белой блузке и темно-синей мини-юбке.

– Спасибо, пока нет. Скажите, пожалуйста, сколько времени осталось до взлета?

– По расписанию, около пятнадцати минут.

Только теперь, удобно расположившись на мягком диване, Эндрю почувствовал, как сильно устал и с каким удовольствием сейчас бы уснул. Но до вылета нужно было завершить кое-какие дела.

Несколько минут назад Эндрю простился с полковником полиции, помогавшим ему в погрузке сокровищ. Именно благодаря последнему они прошли все необходимые таможенные процедуры, как говорится, без сучка без задоринки. Эндрю открыл большую дорожную сумку-рюкзак, достал один из двух простеньких телефонов, купленных вчера вечером. Посмотрел на часы и процедил:

– Еще пару минут.

Он закрыл глаза, но тут же вздрогнул и распахнул их, осознав, что нельзя расслабляться, иначе можно просто вырубиться. Эндрю стиснул зубы: «Не спать!» – и снова посмотрел на часы. Решив, что время пришло, он набрал нужный номер и дождался первого гудка. Затем он быстро открыл заднюю крышку, вынул аккумулятор и сим-карту, разломал телефон насколько мог и ссыпал остатки в сумку. Один из двух звонков был сделан. Эндрю вновь посмотрел на часы: без восьми минут восемь. Он достал второй смартфон и набрал еще один номер.

Несмотря на то, что на Сардинии было без малого шесть утра, после первого же гудка в трубке послышалась хрипотца Нильса Бауха.

– Слушаю.

«Старик, видимо, всю ночь не спал, – мельком подумал Эндрю. – Ждал моего звонка».

– Доброе утро! – у него самого, несмотря на ночные бдения, голос был бодрый.

– Доброе – это хорошо, – в голосе Бауха, напротив, чувствовалась усталость. – У тебя все нормально?

– Да, я уже в самолете, через несколько минут вылетаю.

– Прекрасно, Андрюшенька! Ты там все забрал или что-то осталось?

– Вынес все подчистую.

...Ночью, расширив лаз в пещеру, Эндрю проник в подземелье. Первым делом он маленьким фонарем с узконаправленным лучом поискал большие глиняные кувшины. Те мирно стояли в пяти шагах от него. Все три были закрыты глиняными крышками. Когда Эндрю убрал крышку и направил в кувшин луч фонаря, его охватил восторг: внутри заблестели золотые монеты и драгоценные камни.

Эндрю, довольный собой, быстро пересыпал содержимое из кувшинов в большие хозяйственные сумки-баулы, после чего решил осмотреть пещеру. Даже у такого бесчувственного и хладнокровного убийцы задрожали ноги, холодный пот выступил на лбу, а по всему телу прокатилась волна мурашек, когда его взгляд упал на три величественные золотые статуи, восседающие на тронах. Такого количества драгоценного металла он никогда и нигде не видел.

С открытым ртом он подошел к средней статуе, протянул руку, кончиками пальцев погладил ее по плечу, а затем пару раз стукнул костяшками по трону. Звук оказался не звонким, как ожидал Эндрю, а глухим, то есть статуя была не из тонкого листового золота, а, вполне возможно, даже цельнолитой. Эндрю уперся в нее двумя руками и приналег, пытаясь сдвинуть с места или хотя бы покачать. Статуя не шелохнулась. Эндрю поднатужился. Ничего. Эндрю решил попробовать сдвинуть с места другие статуи, которые визуально были чуть меньше. Однако и они словно вросли в землю. Это обстоятельство совершенно не огорчило Эндрю, более того, от радости он выкрикнул:

– Это все мое! – Эхо подхватило слова и разнесло по пещере: «мое», «мое»... – Это же круче Форт-Нокса... – проговорил Эндрю шепотом. – Я богат...

Еще некоторое время он завороченно стоял, чувствуя слабость в ногах, а как только немного успокоился, в голову молнией ударило: говорить о золотых статуях Нильсу Бауху или нет? Эндрю хотел просчитать риски и возможные варианты, но мозг, затуманенный неожиданным богатством, словно отключился. Поэтому он решил обдумать все позже.

Эндрю думал о золотых статуях постоянно: и укладывая сокровища Ганнибала на второе дно огромного гроба, и даже при посадке в самолет.

«Как поступить? Баух ведь не просто так спрашивал, видел ли я в пещере что-нибудь еще, помимо кувшинов. Он предполагал, что должны быть статуи карфагенских богов, поэтому и просил осмотреться в пещере повнимательнее. Да еще и на Сардинии Баух говорил, что Ганнибал прибыл в Армению не с пустыми руками, а с несметными богатствами и уникальнейшими артефактами. Под артефактами он имел в виду статуи? Вполне возможно. Говоря о них, он был достаточно уверен. Впрочем, Баух всегда говорит четко и уверенно, словно выносит вердикт.

Но вот что странно: я всегда буквально чувствовал дыхание приставленных ко мне Баухом людей. А на этот раз как будто никого и не было. Неужели я не заметил? Допустим, он не отступил от своего принципа контролировать меня, и некто шел за мной по пятам. А мог этот некто спуститься в ущелье, засунуть монопод с камерой в то маленькое отверстие в скале и заснять, что находится в пещере, как это сделал молодой армянский археолог? Теоретически возможно. Вчера под предлогом следственного эксперимента вновь установили люльку. А что, если при эксперименте присутствовал мой полицейский? Он вполне мог засунуть в лаз камеру, увидеть статуи своими глазами и передать снимки Бауху.

Кстати, это очень хорошо вписывается в разговор насчет доли в сокровищах Ганнибала... Я ведь посулил довольно большой аванс и немислимо высокий процент от добычи. Это мощный крючок на меня со стороны Бауха. Не просто так он мне рассказы-

вал о принципе «дал обещание – выполняй». Он заставит меня выплатить гонорар полицейскому, прекрасно понимая, что такими суммами я не владею. А это автоматически приводит к тому, что я буду ему должен по гроб жизни. Такую многоходовку мог разработать только Нильс Баух!

Но, с другой стороны, полицейский очень осторожный и хитрый. Если бы он увидел статуи, вряд ли бы сразу рассказал об этом Бауху. Эта информация для него своего рода гарантия честных выплат и аванса, и процентов».

Небольшой разговор с полицейским, когда они остановились на несколько минут, чтобы постелить внутри гроба постель и тем самым скрыть наличие второго дна, ничего не дал Эндрю.

«В любом случае, – продолжал свои размышления Эндрю, – делал полицейский снимки в пещере или нет, передавал снимки Бауху или нет, его надо убрать. Нет человека – нет обязательств. С самого страшного крючка Бауха, таким образом, можно соскочить...

Интересно, мог ли Мандзони в каком-нибудь разговоре с Баухом упомянуть, что среди сокровищ, вероятно, окажутся статуи карфагенских богов? Но я тоже общался с профессором, и он про статуи даже не намекал, а мне-то доверял гораздо больше. Следовательно, Мандзони Бауху точно ничего не говорил.

Скорее всего, Баух просто решил прощупать почву, это на него очень похоже.

Теперь о статуях. Они огромные и тяжелые. Ганнибал не смог бы доставить их в пещеру как есть, значит, они в свое время были разрезаны, перенесены в пещеру и снова запаяны. Жалко, в пещере я об этом не задумался, места пайки я бы нашел...

Итак, что же мне делать с таким огромным количеством золота? Сказать Бауху или нет? Предположим, скажу, таким образом поддержу свою репутацию хорошего мальчика и получу от Бауха деньги. Сколько? Намного меньше, чем я мог бы выручить, продав статуи самостоятельно. Но такое количество золота невозможно сбыть просто так, нужны связи, которые есть только у Бауха. Значит, действительно следует рассказать. И намекнуть, что сам он статуи не добудет и из Армении не вывезет, ведь место знаю только я. Стоп. Почему только я? Таких ввездных, как небольшой грот в скале рядом с некрополем близ Гарни, достаточно, чтобы найти «золотую» пещеру. Я же сам обо всем ему рассказывал! Так зачем отстегивать мне немалый процент, если можно нанять кого-то другого за небольшие деньги?

Как может повести себя Баух? У него патологическая жадность, как говорится у русских, зимой снега не выпросишь. А сам ради денег готов на все. Однако если ему приглянется вещь за доллар, он готов потратить все десять, чтобы ее добыть. Из-за этих статуй он в любом случае меня уберет, потому как время пришло: слишком долго я на него работаю и слишком много знаю. Значит, мне необходимо в ближайшее время инсценировать свою смерть. Хорошо, что я давно к этому готовился, у меня есть документы и место, куда переехать.

Итак, Бауху ни слова. Тогда нужно продумать, как сбыть это золото. Его в пещере как минимум две тонны.

Естественно, продать какому-нибудь коллекционеру статую целиком гораздо выгоднее, чем золото в виде лома. Но вытащить из пещеры три раза по семьсот с лишним килограммов в одиночку нереально, не говоря уж о том, чтобы вывезти их из

Армении. Если же вынести статуи по кускам, а потом спаять заново... Нет, тоже слишком сложно и рискованно. Несколько ходок в пещеру, надежное место для работы и хранения, инструменты... В общем, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Буду понемногу отпиливать, плавить в слитки и аккуратно продавать разным людям. Самый надежный и простой вариант. К тому же так легче остаться в тени, чтобы меня не вычислили.

А интересно получается: я никогда не задумывался, что делать с деньгами. Я просто хотел иметь их как можно больше, чтобы ни в чем себе не отказывать. Я проводил время в различных райских уголках, и мне хотелось, чтобы окружающие меня уважали и знали, что я состоятельный человек. А сейчас, когда подобно Монте-Кристо становлюсь богатейшим человеком, то думаю, как припрятать богатство так, чтобы о нем никто ничего не знал. Но ничего, безвыходных ситуаций не бывает. Подумаю и обязательно найду приемлемый вариант».

И вот теперь, находясь в самолете и откинувшись на спинку дивана, Эндрю сказал Бауху: «Вынес все подчистую». Чтобы не вызывать подозрение и так никому не доверяющего патрона, он быстро добавил:

– Абсолютно все. В гробу почти не осталось места.

– И что представляют собой эти сокровища? – услышал наконец Эндрю довольный голос Бауха.

– Золотые монеты и драгоценные камни, в основном необработанные.

– Прекрасно. А наш с тобой знакомый видел все это?

– Нет. Но догадался, что добычи много.

– И поэтому ты ему пообещал существенный процент, – опытный в таких делах Баух чуть заметно усмехнулся.

Эндрю нахмурился. Впрочем, он же предвидел, что Баух использует его обещание в своих корыстных целях.

– Да, пришлось. Другого варианта не было.

– Обещание надо выполнять!

– Я помню ваш принцип. Дал слово – выполняй, а лучше никогда, ничего и никому не обещать.

– Правильно! Молодец, что помнишь. Так ты сможешь выполнить данное тобой обещание?

– Но ведь обещание выполняется по отношению к живым, – вкрадчиво проговорил Эндрю. – Не так ли?

Наступила гробовая тишина. Баух явно не рассматривал такое завершение деловых отношений с полицейским.

– Ты считаешь это решение правильным? Мы в него много инвестировали, получается, пропали наши денежки...

– Он сделал свое дело. А то, что я везу с собой, с лихвой окупит понесенные расходы.

– Ну если так... Возможно, ты поступил правильно, – Баух говорил отрывисто, думая о чем-то еще. – Когда же ты успел?

– Пару минут назад машина, за рулем которой он находился, взор...

– Андриюшенька, – перебил Баух Эндрю на полуслове, – с нетерпением жду тебя. Приятного полета!

– Спасибо!

64.

– Все началось со звонка отца, – принялся рассказывать Ашот, как только они отъехали от дома Вардгеса. – В тот злополучный день он видел, как над ущельем устанавливали строительную люльку. И именно над тем местом, где наружу выходило вентиляционное окно! Отец забил тревогу, позвонил мне. Тогда я его успокоил, сказал, что отверстие слишком маленькое, никто внутрь не проникнет. Но на всякий случай предложил ему спуститься в ущелье и под видом рыболова присмотреть за археологами. Ну а когда люлька сорвалась и двое из трех археологов погибли... Возник ряд серьезных проблем. Во-первых, кто будет вести следствие? Во-вторых, любой мало-мальски опытный следователь обязательно заинтересуется, ради чего археологи полезли в ущелье. Ну а археологи плюс вентиляционное окно означает, что пещера глубокая и, видимо, там что-то есть. Мне необходимо было во что бы то ни стало получить от начальства право самому вести это уголовное дело. В принципе, это удалось без особого труда. Но, приехав на место, я увидел, что канат подрезан специально, а затем в общении с руководителем археологической экспедиции академиком Шукуряном я узнал, что Мандзони спускался в ущелье в поисках сокровищ Ганнибала. Мне стало не по себе. Не скажу, что я испугался, но страх появился однозначно. Семнадцать столетий целые поколения охраняли пантеон, и за все это время никаких проблем у них не возникало. А тут археологи совершенно случайно могли раскрыть тайну пещеры. Сами понимаете, какая ответственность...

Казарян замолчал. Во время рассказа он явно параллельно о чем-то думал, анализировал свои действия, предпринятые два дня назад.

– Ашот, а каким образом этот итальянский археолог... как его?

– Мандзони.

– Да, Мандзони. Каким образом он вычислил, что под некрополем есть пещера, а в ней сокровища Ганнибала?

– Раскопки старого кладбища показали, что там захоронены римские воины-легионеры. Мандзони был убежден, что захоронения принадлежат наемникам Ганнибала, который спрятал свои сокровища под некрополем. Я не исключаю того, что Мандзони или кто-то из его группы мог пройти по территории захоронений металлоискателями. Помню, во время общения с академиком Артуром Шукуряном меня поразила его уверенность, что под некрополем ничего нет. Более того, на вопрос, почему не стали продолжать раскопки, он ответил, что это якобы чревато обрушением всего некрополя. Тогда это показалось мне очень подозрительным. Так что Шукурян с этой своей уверенностью стал моим первым подозреваемым в гибели Мандзони. Я в тот же день стал наводить о нем справки. Но сначала позвонил своим знакомым строителям. Проконсультировался, насколько при углублении раскопок возможен обвал. И мне подтвердили опасения Шукуряна. Оказалось, действительно вероятность обвала чрезвычайно высокая, если не стопроцентная. А проведение необходимых строительных работ для укрепления самого некрополя очень сложное и дорогое удовольствие. Таким образом, нежелание Шукуряна продолжать раскопки стало понятным.

Знакомый академик, который работает в Академии наук и хорошо знал Шукуряна, очень своеобразно его охарактеризовал. Он стал ассоциировать людей с металлами. Есть люди, говорил он, похожие на легкий и гибкий алюминий, склоняются под любым дуновением. Есть люди крепкие, как сталь, непоколебимые, упорные и сильные. Есть как железо: вроде крепкие, но рано или поздно ржавеют, подобных людей называют «с гнильцой». Естественно, есть и люди, подобные благородным металлам, где на первом месте стоит золото. Так вот, мой знакомый сравнил Шукуряна с золотом, мол, такой же благородный. Интеллектуал и профессионал.

– Но если Шукурян профессионал, почему он не допускал мысли о том, что под некрополем – сокровища Ганнибала?

– В том-то и дело, что он был абсолютно прав. Под некрополем пещеры никогда и не было. Это наши предки вырубили ходы, чтобы спрятать пантеон, а могилы сверху были прекрасной защитой. В древности с почтением относились к кладбищам и захоронениям, их никогда не трогали.

– Понятно. И вы вычеркнули из списка первого подозреваемого.

– Не просто первого, а на тот момент единственного. Естественно, было ясно, что повредившего канат человека надо искать среди членов археологической экспедиции. Тогда я не знал самого главного. Что увидели в вентиляционное отверстие те археологи, которые спускались в ущелье? Как вы понимаете, малейшая утечка информации была чревата последствиями.

– А как быстро вы вышли на этого Эндрю?

– На следующий день.

– То есть вчера...

– Ну да. Сразу после следственного эксперимента стало очевидным: канат был надрезан с люльки, когда она находилась на уровне грота.

– Ашот, а почему вы его не арестовали сразу, а дали возможность проникнуть в пещеру? Ладно сокровища Ганнибала, но он же видел статуи древнеармянских богов!

– Я, возможно, его и арестовал бы, но тут позвонили вы, попросили о встрече и показали мне весьма интересные кадры. К тому же все равно его пришлось бы отпустить.

– Почему?

– Доказательная база слабая, нет орудия, которым повредили канат. Любой адвокат легко оспорил бы такое решение. Плюс иностранец, а это означает вмешательство посольства... В общем, много шума из ничего. Но самое главное, что меня удерживало, так это именно шум, напрямую связанный с пещерой. Такое было бы совершенно излишним.

Ашот мельком посмотрел на Максима, и их взгляды на мгновение встретились.

– Так вот благодаря вам и той информации, которой вы поделились, у меня родился довольно-таки дерзкий план. Я решил не противодействовать преступникам, а помогать им. Поскольку их целью были сокровища Ганнибала, которых в пещере отродясь не было, я решил им подыграть. Мой ближайший друг и родственник – хозяин производственного предприятия. Он делает товары домашнего и народного потребления, в том числе различную сувенирку, безделушки и бижутерию. После нашей встречи я сразу же поехал к нему, мы покопались в интернете и четко определили, как выглядели во втором столетии до нашей эры золотые монеты, различные украшения, а также драгоценные камни

с уровнем обработки тех далеких времен. Выбрав три варианта монет с различными изображениями, очень быстро сделали формы, специально не совсем четкие и ровные, дабы максимально приблизить внешний вид к старинным деньгам. Одну из наших монет вы и нашли в пещере.

– Судя по большим сумкам, вы их наштамповали прилично...

– Да-а, почти тридцать тысяч! Это около ста двадцати килограммов латуни.

– Ого! – Максим вспомнил, насколько же найденная им монета походила на древнеримский золотой денарий. – Если тридцать тысяч умножить на стоимость похожей античной монеты, получится... от трехсот до пятисот миллионов долларов! Круто!

– Гулять так гулять, – усмехнулся Казарян. – Мы же параллельно еще делали типа драгоценные камни. Несколько рабочих наждачной шкуркой и на специальных станках обрабатывали осколки нескольких цветных бутылок. В общем, через пять часов у нас было сто двадцать килограммов монет и большая коробка фальшивых алмазов, рубинов, изумрудов и топазов. Еще подбросили две горсти сувенирок из обсидиана: в Армении его очень много, цена копеечная, а вид имеет благородный черный. Ну и вдобавок набрали сувенирных изделий с имитацией под золото и серебро: вазы, кубки, кувшинчики и разную мелочь. Так что сокровища Ганнибала получились что надо! Положили их в три больших глиняных кувшина и оставили дожидаться кладоискателей.

Максим посмотрел на Ашота с восхищением.

– Вы сильно рисковали.

– Чем?

– Эндрю мог заметить, что монеты не из золота, а вместо драгоценных камней – простые стеклышки.

– Вы же не заметили, – рассмеялся Ашот. – Более того, посчитали, что монета из червонного золота.

– Это да... Но бутылочные стекла?

– По сравнению с монетами они выглядели намного правдоподобнее, уж поверьте.

– Но рано или поздно подлог будет замечен.

– Правильно! Именно этого я и добивался.

– То есть? – Максим нахмурился, не понимая, ради чего Ашот затеял это все.

– Я вам уже говорил, что Эндрю, убийцу трех человек, я наказать не смогу. А он заслуживает наказания.

– Сурового наказания, – согласно кивнул Максим.

– Именно. И как вы думаете, кто реально может наказать убийцу, причем жестоко? – Ашот повернул голову в сторону Максима.

– Видимо, заказчики... – неуверенно проговорил Власов.

– Точно. Эндрю – профессиональный киллер. Это я вам говорю как не менее профессиональный полицейский. Не мог такой тип попасть в окружение Мандзони без чьей-либо помощи. Там, в Италии, а возможно, еще где-то, у него есть хозяева. И эти хозяева или хозяин – люди не простые. Получив информацию о сокровищах Ганнибала, по всей видимости, от самого Мандзони, они решили их присвоить. А поскольку операция по поиску, находке и транспортировке сокровищ весьма сложная, вполне возможны ситуации, когда необходимо будет применять насилие. Вот они и наняли профессионального убийцу – Эндрю. Теперь представьте себе,

что вы наниматель Эндрю, с нетерпением ждете сокровищ Ганнибала, а вам привозят разноцветные стеклышки и копеечную латунь... Максим тут же вспомнил фильм «Крестный отец» и постарался представить себя доном Корлеоне, бескомпромиссным и жестоким мафиози.

– Я уверен, что его должны наказать, – заговорил Ашот, не дождавшись ответа Максима. – Такое никому не понравится. Более того, даже если Эндрю расскажет о золотых статуях, находящихся в пещере, думаю, его хозяину это будет неинтересно. Любой на месте хозяина решит, что если монеты – латунь, и притом современная, то и статуи отлиты из латуни и тоже современные.

– Логично!

– Я очень хочу, чтобы свершилось правосудие...

– Вы составили не шаблонный, дерзкий план, – с уважением сказал Максим. – Если вор должен сидеть в тюрьме, то убийца должен понести заслуженную кару. Вы, словно шахматист, на десять ходов вперед все разглядели и продумали.

– Если честно, – Ашот вновь с широкой улыбкой повернул голову в сторону Максима, – я ведь с детства учился шахматам. В юности и по молодости активно играл, даже был победителем на нескольких турнирах. Но, поступив на службу в полицию, постепенно все забросил.

– Знаете, мне кажется, вы не забросили, а просто перешли в более высокую лигу, где люди, подобно шахматным фигурам, выстраиваются во всевозможные этюды. И вам, как истинному шахматисту, на такой доске играть гораздо интереснее.

– Очень интересная интерпретация. Спасибо! Кстати, вот и ваша гостиница.

– О, точно, быстро доехали.

– Дороги свободные, город еще спит.

– Я постараюсь собраться максимально быстро, – сказал Максим, словно вспомнив, как долго вечером его ждал Ашот.

65.

Когда Максим вышел из машины, Казарян задумчиво посмотрел на лежащий рядом телефон. Он был недоволен, поскольку от Симоняна за все это время не поступило ни одного звонка. Казарян взял смартфон и с удивлением увидел, что тот разряжен. Как назло, зарядки у полковника с собой не было.

«Ну и ладно, – решил Казарян, – сейчас придет Власов, и я воспользуюсь его телефоном».

Через несколько минут появился Максим. Он забросил на заднее сиденье небольшой чемоданчик, а сам с портфелем сел рядом с полковником.

– Я старался как можно быстрее...

– Все нормально, не опоздаем, до аэропорта ехать минут пятнадцать.

– Как хорошо! У вас все так близко, в отличие от Москвы. Нет необходимости тратить на дорогу целые часы.

– В этом отношении – да. Послушайте, у меня телефон разрядился, можно воспользоваться вашим?

– У вас какой разъем? – Максим взял лежавший рядом телефон Казаряна и посмотрел на вход от питания. – О, такой же. У меня есть «банка».

Открыв портфель, Максим достал небольшой внешний аккумулятор и подсоединил к телефону Казаряна.

– Хорошая штука, всегда ее с собой ношу.

– Действительно, хорошая, – автоматом повторил Казарян, решив, что не имеет смысла звонить Симоняну, ведь он сам скоро будет в аэропорту.

Машина тронулась. Первые лучи солнца уже рассеивали ночную темноту. Раннее утро – особое время для любого города, когда он совершенно прекрасен, кроток, тих и неузнаваем, а может, только в эти часы и узнаваем по-настоящему. Лишь утром можно наслаждаться улицами без пробок и прохладой свежего воздуха.

Максим с большим интересом смотрел на безлюдные улицы и удивительные по своей архитектуре здания. Вокруг было пусто, даже не верилось, что буквально через пару часов шум и гул накроет весь город. Неожиданно для себя Максим подумал, как без людей можно увидеть и понять, что представляет собой Ереван. Он никогда не любил толчеи, считал, у толпы свой собственный скверный нрав, жрущий хорошую энергию, нагнетающий усталое напряжение. Ему не нравилось, как люди в толпе забывают о вежливости, как довольно часто вообще забывают о том, что они люди.

А сейчас Максиму казалось: только ранним утром можно услышать, о чем думает город и о чем хочет рассказать только ему.

– Максим, а почему вы так внезапно решили вылететь? – после небольшой паузы спросил Ашот.

– Скончался мой очень хороший друг.

– Соболезную. Несчастный случай?

– Нет. Ему было под девяносто. Возраст берет свое. Как раз позавчера утром мне написали, что ему стало очень плохо. А через пару часов, мы с Анаит в это время как раз были в Гарни возле храма, мне сообщили, что он скончался. Возле храма было так хорошо! Дивная погода, чудесное место, прекрасное

настроение у Анаит. Я не хотел ее огорчать, поэтому уклончиво сказал, что это связано с работой. А вчера в ресторане, перед тем как вы пришли, мне написали, что сегодня днем состоятся похороны. Мне необходимо быть в Москве. Если хотите, это моя обязанность, мой долг проводить друга в последний путь.

– Благородно... Жаль, конечно, толком ничего в Армении и не увидели.

– Не скажите. Я увидел то, что более чем семнадцать веков было доступно лишь взору хранителей.

– В этом смысле да. Хочется еще раз прилететь?

– Конечно! К тому же вы обещали мне барельеф богини Анаит.

– Обещал.

– А как быстро сделают?

– Если завтра отдам форму, думаю, к среде будет готово.

– Вот и прекрасно, в среду и прилечу...

Максим и Ашот переглянулись с понимающими, радушными улыбками.

В последний момент заметив стоп-сигналы впереди идущей машины, Ашот резко ударил по тормозам. Оказывается, образовалась пробка.

Максим с волнением посмотрел на часы.

– Чуть меньше полутора часов осталось до взлета, успеем?

– Тут всего ничего осталось. Метров сто до светофора и налево еще полтора километра.

Казарян высунулся в окно посмотреть, из-за чего возник трафик, но ничего не увидел. Машины ехали, однако очень медленно. Встречные полосы была пусты, и полковник предположил:

– Видимо, что-то на противоположной стороне, на перекрестке. – Затем, повернувшись к Максиму, спросил: – Ну что там с моим телефоном?

Максим, все это время державший телефон Казаряна и внешний аккумулятор в руках, нажал кнопку.

– Прилично зарядилось, – кивнул он, передавая смартфон владельцу. – А «банку» я вам дарю, пусть всегда будет у вас под рукой.

– Спасибо, – смущенно поблагодарил Казарян и тут же позвонил Симоняну. – Карен... Да у меня телефон вырубился. Ага. Значит, этот самолет прилетал за гробом. Очень хорошо, даже прекрасно. Ты где находишься? Что за шум? А что там случилось? Я у светофора, скоро поверну. Подойди к нам.

Максим, наблюдавший за Ашотом, отметил его какое-то возбужденное веселье.

Почувствовав пристальное внимание, Казарян повернул голову и встретил не столько вопросительный, сколько умоляющий поделиться информацией взгляд Максима.

– У нас все прекрасно, Максим Александрович, – Ашот решил немного потянуть с ответом, поскольку ему очень понравился этот взгляд.

– Прекрасно? Что именно прекрасно?

– Помните, ночью Карен узнал, что из Италии вылетели два самолета?

– Да, один рейсовый, а второй, по-моему, «Бомбардир челленджер».

– Совершенно верно. Так вот, оказалось, частный самолет прилетал за гробом профессора Мандзони.

– И что с того? – Максим не уловил мысли Ашота.

– Это говорит, во-первых, о том, что у Эндрю Скварчалупи очень серьезный хозяин. Во-вторых, высылая персональный самолет для вывоза гроба, этот хозяин сделал большую ставку на сокровища Ганнибала. Представляете, какое разочарование его ждет? Теперь я более чем уверен, этот Эндрю получит по заслугам и сполна.

Медленно продвигаясь вперед, они доехали до перекрестка, свернули налево, и глазам их открылась страшная картина. На встречной полосе, метрах в пяти от перекрестка, дымились останки какого-то автомобиля, окруженные толпой зевак, машинами «скорой помощи» и пожарной охраны.

– Ничего себе, – выдохнул Максим. – Так вот из-за чего эта пробка.

Максим и Ашот, продвигаясь черепашьям шагом, смотрели на догоревшую машину. Внезапно по стеклу задней двери постучали. Оба развернулись и увидели испачканное лицо капитана Симоняна. Казарян притормозил, и Карен быстро забрался на заднее сиденье.

– Что тут случилось? – первым поинтересовался Власов. – Вы весь в саже.

– Да? – Карен вытянул шею, чтобы увидеть себя в зеркале заднего вида. – Действительно...

Максим достал из сумки пачку бумажных салфеток и протянул Симоняну.

– Возьмите.

– Спасибо!

Спокойный, уравновешенный Казарян ждал, пока Максим и Карен договорят, словно окончания увертюры, чтобы приступить к первому акту.

– Ну, рассказывай! – полковник посмотрел на Симоняна в зеркало заднего вида.

– Вы даже не представляете, кто был за рулем внедорожника. Это просто нереально, ни за что не поверите...

– Почему же. По всей видимости, это был... – Казарян выдержал паузу. – Макарян...

– Как вы узнали? – удивился капитан.

Именно Макарян вызывал у полковника больше всего подозрений. Он был не намного моложе Ка-

заряна. Когда молодой лейтенант пришел в органы внутренних дел, Казарян был уже капитаном. Так получилось, что долгое время непосредственным начальником Макаряна был именно Ашот Казарян. С первых дней работы Макарян понравился начальству своей старательностью. Казарян также был доволен новым сотрудником. Однако периодически выслушивая хвалебные слова о своем подчиненном от совершенно разных, противоположных по мировоззрению и принципам людей, Казарян серьезно задумался, как может человек одинаково нравиться умному и дураку, порядочному и прохиндею. Ответ лежал на поверхности: Макарян – тщеславный, самовлюбленный лицемер. После этого Казарян стал более внимательно и осторожно относиться к своему сотруднику. Через несколько лет, когда Макарян стал капитаном, его карьера начала расти как на дрожжах. Самой большой загадкой для Казаряна было то, откуда у коллеги появляются крупные суммы денег. Ни его жена, ни близкие родственники не занимались коммерцией и бизнесом. Как бы Макарян ни скромничал, все равно, как говорится, шило в мешке не утаишь. По сравнению со многими своими коллегами, равными по должности и званию, он был гораздо состоятельнее. И это при том, что в коррупционных скандалах его имя никогда не фигурировало, даже косвенно. Казарян несколько лет назад вычислил, что наиболее вероятным источником благосостояния Макаряна был ряд иностранных компаний.

– Я слишком давно и хорошо его знаю, – Казарян широко улыбнулся в зеркало.

– Знали, – с усмешкой поправил капитан. – Когда он выехал из аэропорта, я вам звонил, вы не отвечали, и я решил поехать за ним, проследить. Подумал, воз-

можно, есть еще кто-то, с кем Макарян должен встретиться после отправки гроба. На перекрестке загорелся красный свет, и он остановился. Я близко не подъезжал, и это меня спасло. Когда красный переключился на желтый, машина Макаряна взорвалась.

Симонян умолк и принялся вытирать салфеткой лицо.

– Ты успел осмотреть машину?

– Так точно. Макаряна разорвало на части вместе с креслом. По всей видимости, устройство лежало под его сиденьем.

Максим подумал, насколько же Ашот великолепный шахматист. Он давно просчитал, кто мог быть ночью за рулем внедорожника с номерным знаком «02».

– Простите, а Макарян, он кто? – немного смущаясь, спросил Максим.

– Заместитель министра внутренних дел, – охотно пояснил Симонян.

– Во-первых, не заместитель, а исполняющий обязанности. Во-вторых, до сегодняшнего дня... – на последнем слове Казарян осекся и посмотрел в зеркало заднего вида на Симоняна. – Карен, помнишь, возле мастерской этот Скварчалупи залез на минуточку во внедорожник?

– Да, мы еще головы ломали, что это могло означать.

– Правильно. Теперь ты понял, для чего он это сделал?

– Так точно. Он подложил взрывное устройство!

Наконец машина остановилась у дверей аэропорта с надписью «Вылет».

– Вот и приехали, – вздохнул Казарян. – Карен, пожалуйста, отгони машину на стоянку. Я провожу Максима и подойду.

У стойки регистрации практически уже не было пассажиров. Зарегистрировавшись на рейс, Максим и Ашот отошли в сторонку. До взлета оставалось немногим больше сорока минут.

– Спасибо вам, – с доброжелательной улыбкой сказал Максим и добавил: – Мне кажется, у вас испортилось настроение от вести про гибель Макаряна. Вы загрустили.

– Есть немного, – печально кивнул Ашот. – В этой смерти есть и моя вина.

– Почему вы так думаете?

– Потому, что если бы Скварчалупи вынес из пещеры только псевдосокровища и не видел золотые статуи, убивать Макаряна не имело бы смысла. Все-таки свой полицейский высокого ранга всегда пригодится. Здесь не последнюю роль сыграло осознание того, что Макарян мог сам попасть в пещеру и увидеть золото. Естественно, Эндрю понимал: полицейский такого ранга один спускаться в ущелье не станет, однозначно с ним будут его коллеги, подчиненные. Мне отец сказал, что лаз в пещеру оказался завален небольшим целенаправленным взрывом. А это говорит о том, что Эндрю решил замуравить вход, чтобы туда никто больше попасть не смог. Все сходится: Эндрю решил убрать единственного свидетеля...

И он оказался прав в своих подозрениях: вчера Макарян предложил мне как-нибудь спуститься вместе в ущелье и посмотреть, что там за пещера такая.

– Видимо, Эндрю почувствовал или рассчитал возможность таких событий, – согласился Максим. – С другой стороны, он ведь убивал всех свидетелей, прямо или косвенно связанных с пещерой...

– Я тоже так считаю, – Ашот был предельно задумчив.

– Не грустите, Ашот. Вы не хотели смерти вашего начальника, но считайте это бонусом к проведенному вами гениальному шахматному этюду. Одним продажным полицейским стало меньше, это же в принципе хорошо.

Ашот посмотрел в глаза Максима. В последних словах Власова чувствовался привкус цинизма, но вместе с тем полковник понимал, что Максим прав.

– Пожалуй, я с вами соглашусь, – успокоившись, сказал он.

– Ну что, пора прощаться. Спасибо вам огромное! – на лице Максима засияла искренняя улыбка.

– Благодарить надо не меня, – так же искренне улыбнулся в ответ Ашот. – И не забывайте, вы сказали, в середине следующей недели...

– Обещаю, я прилечу. До свидания!

– До свидания. И я, и отец с нетерпением вас ждем!

Как ни странно это показалось бы со стороны, но Ашот и Максим по-дружески крепко обнялись на прощание.

66.

Проходя паспортный контроль и службу безопасности полетов, Максим не прекращал думать об Анаит. Он ощущал, как от волнения и желания поговорить с ней у него образовался комок в горле. Однако разум взял верх над чувствами. Ему было неловко, он понимал, что слишком ранний звонок может разбудить прекрасную женщину. После некоторых раздумий Максим решил, что позвонит ей, как только объявят посадку. Он то и дело поглядывал на часы, досадуя, что время словно остано-

лось, – так всегда происходит, когда чего-то очень ждешь.

Чтобы занять себя, Максим зашел в магазин беспешинной торговли. Огромные стеллажи были заставлены бутылками армянского коньяка от различных производителей. Власов прошелся вдоль этой выставки, рассматривая этикетки на многолетних коньяках. Он вспомнил своего друга, к которому спешил на похороны. Вспомнил, как тот любил армянский коньяк.

«Возьму-ка я пару бутылок хорошего марочного, – подумал Максим. – На поминках выпьем за упокой и светлую память его любимый коньяк».

– На посадку приглашаются пассажиры рейса... – прозвучало объявление.

Максим вынул из кармана смартфон и набрал номер Анаит.

– Доброе утро... – так и не проглотив ком в горле, сказал Максим, и с волнением спросил: – Я случайно не разбудил?

– Нет. Доброе утро! – голос Анаит был очень приветливым и дружелюбным. – Я ждала твоего звонка.

– А я боялся разбудить, держался до последнего, – к сдавленному горлу добавились мурашки по всему телу.

– Я сегодня рано проснулась, даже успела выгулять собачку...

– У тебя есть собака?

– К сожалению, нет. Но я их очень люблю, и соседка, зная об этом, иногда просит меня погулять, если сама не успевает.

– Какая порода?

– Золотистый ретривер. Милейший пес, но мне нравятся самые крупные и серьезные породы. Гиганты. Мечтаю завести кого-то из них. Знаешь, у нас

в Армении есть свои знаменитые волкодавы – гампры. В их честь недавно даже памятник установили. Но, как все разновидности кавказских овчарок, они очень суровы и независимы по характеру. Боюсь, с такой я не справлюсь... Извини, я тебя заболтала перед полетом. Просто собаки – моя страсть с детства.

– Не надо извиняться, мне интересно все, что связано с тобой, – в голосе Власова чувствовалось умиление. – Я сам не великий собаковод, но точно знаю, что у нас есть свои гиганты – московские сторожевые. Для их получения скрещивали кавказских овчарок и сенбернаров. Получились огромные, но при этом вполне интеллигентные собаки. Просто у моего приятеля такая. Сейчас ждет щенков, между прочим...

– Интересно... Спасибо, ты подал мне хорошую идею!

Теперь время, наоборот, стало не просто идти, а бежать. Максим заметил, что практически все пассажиры прошли в самолет, и для дальнейшего разговора уже не остается времени.

– Анаит, посадка заканчивается, а мне так много хотелось тебе сказать... Ты сдаешь номер по средам?

– Да.

– Можно в ближайшую среду пригласить тебя после работы на ужин?

– Ты собираешься прилететь снова?

– Однозначно, я же свой отпуск не догулял. А у вас такая прекрасная погода, такие замечательные люди. И главное – здесь живет самая восхитительная, озаряющая все вокруг, подобно своей тезке-богине, женщина по имени Анаит...

Ян Ситева

В поисках сокровищ Ганнибала

Литературные редакторы:

Елена Ямпольская

Ирина Бакулина

Редактор

Татьяна Макарова

Корректор

Светлана Шовадаева

Верстка, дизайн

Елена Зиновьева

Электронный адрес автора

yan-siteva@yandex.ru

Тираж   экз